

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

5
ЧАСТЬ V
2026

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 5 (608) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хуснурин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)

Алиева Таира Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяни Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Бертран Рассел* (1872–1970), британский философ, логик, математик и общественный деятель.

Лорд Бертран Артур Уильям, третий граф Рассел, родился в графстве Монмутшир (Уэльс). Уже к своему четвертому дню рождения он остался полным сиротой. После смерти родителей мальчика, его старшего брата Фрэнка и сестру Рэйчел взяла на попечение их бабушка — графиня Рассел. Бабушка была достаточно строгой и серьезной леди и бездельничать внукам не давала. К пятнадцати годам будущий философ уже свободно знал немецкий и французский языки. Мальчик увлекался естественной историей, античной философией и математикой.

В 1889 году Бертран Рассел поступил в Тринити-колледж Кембриджского университета. Уже на втором году обучения ему была оказана высокая честь: математик и философ Альфред Уайтхед предложил принять юного Рассела в дискуссионное общество «Апостолы». В этом обществе Рассел сдружился с Джорджем Эдвардом Муром, который стал его ближайшим другом на много лет.

Дед Бертрана — лорд Джон Рассел — в юности встречался с Наполеоном, а потом был и министром внутренних дел, и премьером. Таким образом его внуку была обеспечена прекрасная карьера, во всяком случае ее начало. Бертран начал дипломатическую работу в Париже, затем его перевели в Берлин. Там он не только работал в посольстве, но и изучал немецкую философию. Молодой человек приступил к изучению трудов Маркса, общался с лидерами социалистов и в 1896 году издал ставшую классической книгу: «Германская социал-демократия». После ее выхода в свет он стал знаменитым.

В Англии и США его пригласили читать курс лекций, а в 1900 году он участвовал во Всемирном философском конгрессе в Париже. Его увлечение марксизмом, казалось, приведет его как минимум в ряды радикальных социалистов. Но, отдавая должное социалистическим идеям, Рассел был категорически против государственного контроля над общественным производством. Он вообще считал государственные машины и произвол чиновников причиной большинства бед человечества.

Когда началась Первая мировая война, Рассел немедленно вступил в организацию «Противодействие призыву на военную службу». Он анонимно издал листовку «Два года тяжелой работы для отказывающихся повиноваться велению совести». В ней он выступил в защиту права человека отказаться от воинской повинности. Руководство Тринити-колледжа, где он уже был преподавателем, вынуждено было уволить его. Он продолжил бороться за право отказываться от призыва по религиозным

и политическим мотивам и написал в «Таймс» статью, основная мысль которой звучала неделикатно: «Политическая свобода в Великобритании обернулась фарсом». Его оштрафовали на сто фунтов стерлингов, конфисковали библиотеку, и закончилось это в 1918 году заключением в Брикстонскую тюрьму на шесть месяцев. За решеткой он написал «Введение в философию математики».

В мае 1920 года Бертран Рассел отправился в составе лейбористской делегации в Россию, где провел месяц. «Лорд-большевик» встретился с Троцким, с Горьким, поэтом Александром Блоком, выступил с лекцией в Петроградском математическом обществе. И конечно, около часа беседовал с Лениным. В ходе бесед с Лениным Бертран Рассел отметил его ограниченность и узкобородое понимание марксистской ортодоксии, озлобленность и жесткость. Результатом этой поездки стали книги «Практика и теория большевизма» и «Большевизм и Запад».

Бертран Рассел путешествовал по миру, читая лекции в Америке, Китае и Европе. В Кембридже в 1945 году вышла книга «О человеческом познании. Его сферы и границы», в которой Бертран Рассел доступно изложил основные философские принципы естественных наук.

В период Второй мировой войны Рассел отказался от пацифизма и издал две фундаментальные работы: «Исследование значения истины» и «История западной философии». При этом он не прекращал активно бороться за мир: в 1950–60-е годы выступал против ядерного оружия и за участие в антивоенных акциях снова оказался в тюрьме.

В следующие годы Рассел усиленно изучал педагогику, включая новаторские методы образования. Он написал книги «Об образовании», «Образование и общественный строй».

Еще во время учения в Кембридже Бертран Рассел близко познакомился с Элис Смит, происходившей из рода филадельфийских квакеров. Интересно отметить, что Бертран Рассел был официально женат четыре раза, не считая многочисленных романов с поклонницами его таланта. Свои взгляды на супружеские отношения Бертран Рассел изложил в книге «Брак и нравственность», за которую в 1950 году получил Нобелевскую премию по литературе.

До конца жизни Рассел отстаивал свои идеи и выпустил несколько десятков книг. Последними его книгами стали «Портреты по памяти», «Факт и вымысел», третий том «Автобиографии». Умер Рассел 2 февраля 1970 года от гриппа, прожив почти столетие.

Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Амахин Д. В.

Ответственность за продажу табачной продукции несовершеннолетним: правовые основы, проблемы правоприменения и пути совершенствования профилактики 279

Арсамерзаев И. С.

Виды электронной подписи: правовая регламентация, способы применения и особенности 283

Афанасьева Е. О.

Общая характеристика преступлений против мира и безопасности человечества 285

Баринова Э. А., Казаченко С. П.

Судебный прецедент как источник международного частного права 287

Васильева И. А.

Основные направления политики Российской Федерации в сфере содействия занятости 290

Верезуб А. А.

Правила благоустройства муниципального образования: проблемы и перспективы 292

Ветряк А. В.

Компенсация морального вреда при причинении смерти и повреждении здоровья гражданина 295

Власов В. М.

Административная ответственность саморегулируемых организаций: проблемы правовой природы и правоприменения 299

Власов В. М.

Проблемы доказывания и процессуальные особенности привлечения предпринимателей и саморегулируемых организаций к административной ответственности 302

Волкова В. А.

Основные признаки злоупотребления процессуальными правами 304

Жерновая М. В.

Ретроспективный анализ работы органов публичной власти по рассмотрению обращений граждан в России 307

Жукова А. О.

Субъективные признаки разбоя 310

Заморухова О. А.

Столыпинская аграрная реформа и программа «Дальневосточный и Арктический гектар»: связь прошлого и настоящего 313

Захаров Н. С.

Проблема розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда 315

Ковальнова Ю. В.

Механизмы защиты прав военнослужащих — участников СВО при оспаривании решений органов военного управления 317

Колупаев Е. С.

Институт условно-досрочного освобождения: теория и практика реализации в Российской Федерации 320

Косов С. И.

Особенности правового регулирования агентской деятельности в сфере профессионального спорта и способы его совершенствования 323

Кузнецова С. Н.

Проблемы исчисления срока исковой давности по страховым спорам 326

Кунниев И. Н.

Квалификация ОСАГО: публичный договор и договор присоединения 330

Куренных О. Н.

Проблемы организации кадрового обеспечения судебной деятельности 333

Малаканова Я. С.

Прокурорская деятельность в досудебном уголовном судопроизводстве 334

Можаева Д. А.

Уклонение от уплаты налогов, сборов и страховых взносов: уголовно-правовой аспект 341

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Ответственность за продажу табачной продукции несовершеннолетним: правовые основы, проблемы правоприменения и пути совершенствования профилактики

Амахин Даниил Валерьевич, студент

Научный руководитель: Одинцова Ольга Валентиновна, преподаватель

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

В представленном исследовании проводится комплексный анализ административно-правовых мер, направленных на предотвращение оборота табачной продукции среди лиц, не достигших совершеннолетия, в Российской Федерации. Рассматривается эволюция нормативного регулирования, детально исследуется состав правонарушения, предусмотренный ст. 14.53 КоАП РФ, и анализируется специфика субъектов ответственности. На основе данных правоприменительной практики, ведомственной статистики и социологических опросов выявляются системные препятствия, снижающие эффективность законодательного запрета. К ним относятся недостатки в механизме фиксации нарушений, слабая координация между контролирующими органами, низкая эффективность профилактической работы. В заключение формулируется ряд предложений по оптимизации государственного контроля, совершенствованию межведомственного взаимодействия и развитию системного подхода к правовому просвещению целевых групп.

Ключевые слова: табак, несовершеннолетние, продажа, запрет, ответственность, контроль, профилактика, правонарушение, законодательство, здоровье.

Введение

Охрана здоровья детей и подростков от рисков, связанных с потреблением табака, представляет собой один из ключевых приоритетов государственной политики в социальной сфере. Раннее приобщение к курению не только наносит непоправимый ущерб развивающемуся организму, но и способствует формированию стойкой зависимости, создавая долгосрочные медико-демографические и социально-экономические проблемы для общества в целом. В качестве основного правового инструмента противодействия данной тенденции в России выступает норма п. 3 ст. 20 Федерального закона от 23.02.2013 № 15-ФЗ, устанавливающая безусловный запрет на продажу табачной продукции несовершеннолетним.

Однако, как демонстрирует практика, наличие строгого законодательного предписания само по себе не гарантирует его полного и повсеместного исполнения. Регулярно публикуемые данные контролирующих органов свидетельствуют о сохраняющейся устойчивости этого вида правонарушений. Например, материалы МВД по Гатчинскому району Ленинградской области указывают на постоянное выявление фактов продажи несовершеннолетним, по которым в 2023 году было составлено 22 административных протокола [1]. Подобная ситуация фиксируется в различных регионах, что позволяет говорить

о существовании устойчивого разрыва между законодательной моделью и реальным положением дел в различной торговле. Данное обстоятельство определяет актуальность проведения углубленного исследования не только самих норм об ответственности, но и причин низкой эффективности механизмов их реализации, а также поиска путей преодоления сложившихся правоприменительных коллизий.

1. Эволюция нормативно-правового регулирования оборота табачной продукции и защиты несовершеннолетних.

Формирование современной правовой базы, ограничивающей доступ несовершеннолетних к табаку, является результатом последовательного развития законодательства, отражающего изменение общественных приоритетов и медицинских знаний. Исторически первые ограничительные меры носили фрагментарный характер и были сосредоточены преимущественно на санитарно-гигиеническом просвещении. Переломным моментом стало присоединение Российской Федерации к Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака, что потребовало имплементации в национальное законодательство комплексных мер, в том числе по защите молодежи.

Ключевым нормативным актом, консолидировавшим эти требования, стал Федеральный закон № 15-ФЗ. Помимо прямого запрета продажи, закон ввел ряд сопут-

ствующих мер: запрет на демонстрацию табачной продукции в точках продаж, требования к размещению предупреждающих надписей и графических изображений о вреде потребления, ограничения на дистанционную торговлю. С точки зрения юридической техники, законодатель выбрал модель императивного запрета, адресованного исключительно продавцу как профессиональному участнику оборота, обладающему большими ресурсами для контроля.

Ответственность за нарушение данного запрета была детализирована в Кодексе об административных правонарушениях. Дифференциация размеров штрафов по субъектам ответственности — от граждан до юридических лиц — теоретически должна создавать действенный экономический стимул для соблюдения нормы, особенно для крупных торговых сетей, для которых штрафы наиболее ощутимы. Тем самым, законодатель сформировал внешне целостный нормативный каркас, сочетающий прямой запрет, обеспечительные меры и санкции за его нарушение.

2. Состав правонарушения и субъекты ответственности: нормативный анализ.

Административное правонарушение, предусмотренное статьей 14.53 КоАП РФ, обладает формальным составом. Его объектом выступает установленный порядок оборота табачной продукции, направленный на охрану здоровья населения, в первую очередь — несовершеннолетних. Объективная сторона заключается в совершении действий по розничной продаже табачных изделий лицу, не достигшему возраста восемнадцати лет. Для квалификации правонарушения не требуется наступления каких-либо вредных последствий; достаточно самого факта продажи.

Субъектом правонарушения является продавец (как физическое лицо, например, кассир), должностное лицо торговой организации (управляющий, администратор) или юридическое лицо в целом. При этом, как подчеркивается в разъяснениях прокуратуры, несовершеннолетний покупатель не подлежит административной ответственности за попытку или факт приобретения табака [2]. Данный законодательный выбор объясняется приоритетом профилактической и педагогической функции государства в отношении детей. Факт вовлечения несовершеннолетнего в процесс потребления табака рассматривается как основание для проведения индивидуальной профилактической работы с ним и его семьей комиссией по делам несовершеннолетних.

Таким образом, в правовой конструкции заложена асимметрия: вся полнота ответственности возлагается на профессионального участника оборота, в то время как вторая сторона правоотношения выведена из-под действия карательной санкции. Эта модель порождает определенные проблемы, в частности, отсутствие у подростка формального правового стимула воздерживаться от попыток покупки, перекладывая весь груз контроля и проверки на продавца.

3. Правоприменительная практика и системные проблемы в реализации запрета.

Теоретическая строгость законодательной нормы на практике сталкивается с рядом трудноразрешимых проблем, существенно снижающих ее превентивный потенциал. Первой и основной проблемой является крайняя сложность в документальной фиксации факта правонарушения. В отличие от продажи алкоголя, где кассовые аппараты часто блокируют продажу без ввода данных паспорта, для табачной продукции подобные технические средства контроля носят рекомендательный характер и распространены слабо. В условиях высокого покупательского трафика, особенно в крупных сетевых магазинах, у продавца зачастую физически отсутствует возможность достоверно и быстро проверить возраст каждого покупателя, внешне выглядящего молодо.

Статистика контрольно-надзорных мероприятий подтверждает устойчивость проблемы. Помимо данных по Гатчинскому району [1], аналогичные нарушения массово выявляются Роспотребнадзором и полицией по всей стране в ходе плановых и внеплановых проверок. Однако эти цифры, вероятно, отражают лишь верхушку айсберга, так как фиксируют только те случаи, которые удалось обнаружить и доказать. Реальная картина, как полагают эксперты, может быть значительно серьезнее.

Еще одним значимым препятствием остается низкий уровень правовой осведомленности и мотивации ключевых субъектов. Многие несовершеннолетние либо недостаточно информированы о полном запрете, либо не воспринимают его всерьез, рассматривая как формальность. Со стороны продавцов, особенно в мелких торговых точках, нередко наблюдается пренебрежительное отношение к требованию проверки возраста, обусловленное стремлением не потерять продажу и уверенностью в низкой вероятности быть пойманным. Как отмечается в методических материалах для образовательных учреждений, разъяснительная работа часто не носит системного и адресного характера [3].

Особую сложность представляет доказывание умысла продавца. На практике нарушитель может ссылаться на то, что покупатель выглядел старше своего возраста или предъявил поддельный документ. Установить истину в такой ситуации без применения специальных оперативных методов, таких как контрольная закупка, практически невозможно.

4. Контрольные закупки как инструмент выявления нарушений: процессуальные и тактические аспекты.

В сложившихся условиях одним из наиболее действенных инструментов контроля за соблюдением запрета является проведение контрольных закупок с привлечением несовершеннолетних лиц-конфидентов. Данная мера, по сути, представляет собой оперативный эксперимент, направленный на создание условий для совершения правонарушения с целью его последующей фиксации. Эффективность этого метода обусловлена его неожиданностью для продавца и возможностью получения прямых, неопровергаемых доказательств (видео- или аудиозаписи, показания конфидента и сопровождающих его сотрудников).

Процедура проведения контрольной закупки строго регламентирована ведомственными нормативными актами МВД и Роспотребнадзора. Она требует тщательной подготовки: подбора и инструктажа несовершеннолетнего конфидента, обеспечения его безопасности, привлечения понятых, подготовки необходимой технической аппаратуры для скрытой фиксации. Все эти действия должны быть направлены на недопущение провокации, то есть склонения к совершению правонарушения продавца, который изначально не имел такого намерения.

Тактически успех мероприятия зависит от выбора объекта контроля, времени проведения и правдоподобности поведения конфидента. При этом практика сталкивается с этическими вопросами, связанными с использованием несовершеннолетних в подобных операциях, а также с проблемой потенциального психологического давления на продавца. Тем не менее, несмотря на всю сложность организации, контрольные закупки остаются ключевым методом, способным обеспечить неотвратимость ответственности и создать устойчивый превентивный эффект, формируя у продавцов понимание реального риска.

5. Роль профилактики и правового просвещения в системе противодействия.

Административные санкции, какими бы суровыми они ни были, носят преимущественно карательный характер и не могут в полной мере устранить корни проблемы. Поэтому неотъемлемой частью государственной стратегии должна стать системная профилактическая работа, направленная как на несовершеннолетних, так и на профессиональное сообщество продавцов.

В отношении подростков профилактика не должна сводиться к запугиванию или разовым лекциям. Как показывают социологические исследования, более эффективным является комплексный подход, включающий формирование критического мышления, навыков отказа под давлением сверстников, а также продвижение альтернативных моделей здорового поведения. Информация о правовых последствиях для продавца должна доноситься в контексте заботы государства о здоровье молодого поколения, а не как абстрактный запрет. Школы и учреждения дополнительного образования играют здесь ключевую роль, однако их усилия нуждаются в координации с правоохранительными органами и общественными организациями.

Работа с продавцами и владельцами торговых точек не менее важна. Она должна выходить за рамки формального инструктажа. Целесообразно организовывать регулярные семинары с участием сотрудников полиции и Роспотребнадзора, где разбираются типичные ситуации, сложные случаи проверки документов, а также подчеркивается не только юридическая, но и моральная ответственность продавца. Размещение в местах продаж не просто стандартных табличек, а ярких, хорошо заметных информационных материалов, однозначно разъясняющих запрет и последствия его нарушения, также входит в число эффективных просветительских мер [3].

6. Перспективные направления совершенствования государственной политики и правоприменения.

Для преодоления устойчивых правоприменительных барьеров и повышения эффективности запрета требуется реализация комплекса взаимосвязанных мер, затрагивающих различные уровни регулирования и контроля.

На законодательном уровне может быть рассмотрен вопрос о введении дополнительной ответственности для родителей или законных представителей несовершеннолетнего, неоднократно приобретающего табачную продукцию, по аналогии с некоторыми нормами о безнадзорности. Это позволило бы распределить бремя ответственности более сбалансированно. Другим направлением является стимулирование внедрения в розничной торговле программно-аппаратных комплексов, автоматически блокирующих продажу табачных изделий без сканирования документа, удостоверяющего возраст. Государство могло бы рассмотреть возможность налоговых льгот или иных преференций для торговых сетей, внедряющих такие системы.

В сфере контроля необходима оптимизация межведомственного взаимодействия между Роспотребнадзором, МВД и региональными комиссиями по делам несовершеннолетних. Создание единых межведомственных баз данных о выявленных нарушениях и точках продаж, их регулярный анализ позволили бы перейти от точечных рейдов к адресному, риск-ориентированному контролю.

Важным ресурсом является развитие общественного контроля. Запуск специализированных онлайн-сервисов или мобильных приложений, позволяющих гражданам оперативно и анонимно сообщать о фактах продажи табака несовершеннолетним, способен значительно расширить поле наблюдения. Однако такой механизм должен сопровождаться гарантией оперативной реакции уполномоченных органов на поступающие сигналы, иначе он быстро утратит доверие населения.

7. Цифровые платформы как источник оперативной информации и проблемы правовой легитимации косвенного мониторинга.

Расширение цифрового следа в современном обществе открывает для контрольно-надзорных органов новые, однако спорные с юридической точки зрения возможности получения информации о потенциальных правонарушениях. В этом контексте публичные картографические и справочные сервисы, функционирующие по принципу агрегации пользовательского контента, такие как «2ГИС» (справочно-информационная система), могут невольно становиться источником сигналов о систематическом несоблюдении законодательства. Анализ текстового массива пользовательских отзывов с применением технологий семантического анализа потенциально позволяет выявлять косвенные указания на обход установленных запретов. В частности, формулировки в положительных оценках, акцентирующие внимание на отсутствии требований к предъявлению документа или отмечающие «понимающее» отношение персонала к молодым покупателям, могут рассматриваться как индикаторы риска. Теорети-

чески автоматизированный мониторинг подобных цифровых площадок способен сформировать основу для риск-ориентированного планирования проверочных мероприятий, повысив их адресность и результативность.

Перспектива установления формализованного взаимодействия между надзорными ведомствами и операторами таких платформ требует тщательной правовой проработки. Основным препятствием выступает конфликт между целями контроля и нормами о защите персональных данных. Информация, размещаемая пользователем в публичном профиле, включая отзывы, подпадает под действие законодательства в данной сфере. Любая целенаправленная обработка этих данных государственным органом, особенно с целью фильтрации по такому чувствительному признаку, как предполагаемый возраст, требует четкого правового основания, предусмотренного федеральным законом. Отсутствие такого основания делает прямую работу с платформой для идентификации несовершеннолетних покупателей юридически недопустимой. Более того, попытка создания механизма «цифрового доносительства» или скрытого наблюдения через потребительские сервисы может быть расценена как чрезмерное вмешательство в частную жизнь и способно подорвать доверие граждан к цифровой среде.

Таким образом, использование данных публичных платформ отзывов в рамках контрольно-надзорной деятельности возможно исключительно в обезличенном и агрегированном виде. Речь может идти о получении аналитических отчетов, в которых данные о потенциально проблемных торговых точках (выявленных по совокупности косвенных текстовых маркеров) обезличиваются и представляются как элемент общей картины нарушений в конкретном районе. Это позволяет использовать технологические возможности для оптимизации ресурсов контроля, не пересекая правовых границ. Реализация даже этого ограниченного сценария требует разработки и закрепления на законодательном уровне четких про-

цедур и гарантий, регулирующих порядок запроса и использования подобной аналитической информации государственными органами, с обязательным исключением любой возможности обратной идентификации рядовых пользователей, оставивших отзывы.

Заключение

Проведенное исследование позволяет заключить, что действующее законодательство Российской Федерации устанавливает формально жесткие и всеобъемлющие ограничения на продажу табачной продукции несовершеннолетним. Однако анализ правоприменительной практики выявляет ряд глубинных проблем, которые существенно нивелируют превентивный потенциал этих норм. К ним относятся объективные сложности в доказывании факта правонарушения, асимметричная модель ответственности, возлагающая весь контроль на продавца, а также дефицит системной и адресной профилактической работы.

Устранение данных противоречий требует перехода от преимущественно карательного подхода к построению комплексной системы, интегрирующей технологические решения, администрирование и просвещение. Перспективы связаны с внедрением технических средств контроля в торговле, оптимизацией межведомственного взаимодействия, развитием цифровых платформ для общественного мониторинга и, что особенно важно, с реализацией долгосрочных программ правового и здоровьесберегающего просвещения, формирующих у всех участников данных правоотношений — от продавца до подростка и его родителей — устойчивое понимание не только юридических запретов, но и их социально-нравственного обоснования. Только такой многоуровневый подход способен обеспечить реальное снижение доступности табака для несовершеннолетних и выполнение государством своей конституционной обязанности по охране здоровья детей.

Литература:

1. Официальный сайт МО МВД России «Гатчинский». Разъяснение законодательства в сфере оборота табачной продукции. URL: <https://gatchina.78.mvd.ru/document/34207385> (дата обращения: 20.12.2025).
2. Официальный сайт прокуратуры Бабаюртовского района Республики Дагестан. Новости «Ответственность за продажу табачной продукции несовершеннолетним». URL: https://babayurtovskij-r82.gosweb.gosuslugi.ru/glavnoe/prokuratura-rayona/prokuror-razysnyaet/novosti_24.html (03.12.2025).
3. Информационный портал МБОУ «Воскресеновская СОШ». Материал «Административная ответственность за продажу табачной продукции несовершеннолетним». URL: https://voskresenovka.eaoschool.ru/?section_id=56 (20.12.2025).
4. Федеральный закон от 23.02.2013 № 15-ФЗ (ред. от 01.07.2024) «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70221478/> (20.12.2025).
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.11.2025). Статья 14.53. URL: <https://base.garant.ru/12125267/1700e9c52de48356c8110aaa75a1fef3/> (20.12.2025).
6. Обзор практики рассмотрения судами дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением законодательства в сфере охраны здоровья граждан от воздействия табака. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/vozdejstvie_tabaka/ (20.12.2025).

7. Данные государственного статистического наблюдения по форме № 1-контроль (табак) «Сведения о контроле за соблюдением законодательства в сфере охраны здоровья граждан от воздействия табачного дыма» // Официальный сайт Роспотребнадзора. URL: <https://zpp.rosпотребнадзор.ru/news/federal/318895> (20.12.2025).
8. Сводные данные о контрольно-надзорных мероприятиях в сфере оборота табачной продукции за 2023–2024 гг. Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор). URL: https://rosn.gov.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=27751 (20.12.2025).

Виды электронной подписи: правовая регламентация, способы применения и особенности

Арсамерзаев Ибрагим Саидович, студент магистратуры
Волгоградский государственный университет

Известно, что электронная подпись (далее — ЭП) является аналогом собственноручной подписи, ее использование допускается в случаях и в порядке, предусмотренных законом, иными правовыми актами или соглашением сторон (п. 2 ст. 160 ГК РФ, ст. 6 Закона N 63-ФЗ).

Закон N 63-ФЗ регулирует отношения в области использования ЭП при совершении гражданско-правовых сделок, оказании государственных и муниципальных услуг, исполнении государственных и муниципальных

функций, при совершении иных юридически значимых действий, а также во всех случаях, установленных федеральными законами.

Под ЭП понимается информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и используется для определения лица, подписывающего информацию (п. 1 ст. 2 Закона N 63-ФЗ).

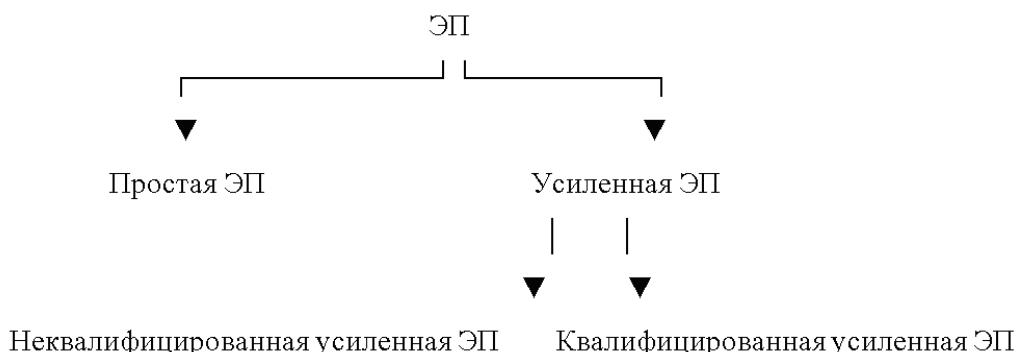

Рис. 1. Виды ЭП, установленные ст. 5 Закона N 63-ФЗ

Как показано на рис. 1 в Российской Федерации законодательством предусмотрены три вида электронных подписей: простая, усиленная неквалифицированная и усиленная квалифицированная. Каждый вид имеет свои особенности применения и юридическую силу.

Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. N 63-ФЗ «Об электронной подписи» [1] (далее — Закон N 63-ФЗ) устанавливает правовое регулирование отношений в области использования электронных подписей. Согласно статье 5 Закона N 63-ФЗ, различают следующие виды электронных подписей:

Простая электронная подпись (ПЭП): используется для подтверждения факта формирования электронной подписи определенным лицом посредством кодов, паролей или иных средств. ПЭП может применяться, например, при обращении за получением государственных и муни-

ципальных услуг, если иной вид подписи не предусмотрен нормативными правовыми актами или не установлен запрет на электронное обращение. Также ПЭП может использоваться для подписания первичных учетных документов, формирующих внутренний документооборот организации, при условии, что соглашением между участниками электронного документооборота установлен этот вид подписи и предусмотрен порядок ее проверки.

Усиленная неквалифицированная электронная подпись (УНЭП): получается в результате криптографического преобразования информации с использованием ключа электронной подписи, позволяет определить подписавшего лицо и обнаружить факт внесения изменений в документ после его подписания. УНЭП может применяться для подписания документов, передаваемых в налоговый орган через личный кабинет налогоплательщика —

физического лица, а также для первичных документов, если соглашением между участниками электронного документооборота установлен этот вид подписи и предусмотрен порядок ее проверки.

Усиленная квалифицированная электронная подпись (УКЭП): обладает всеми признаками неквалифицированной электронной подписи, а также требует, чтобы ключ проверки электронной подписи был указан в квалифицированном сертификате, и для ее создания и проверки использовались сертифицированные средства. УКЭП является наиболее надежным видом электронной подписи и признается равнозначной собственноручной подписи на бумажном носителе, за исключением случаев, когда федеральными законами предусмотрено составление документа исключительно на бумажном носителе. УКЭП обязательна при подписании налоговых деклараций, счетов-фактур, а также при участии в государственных и корпоративных закупках.

Применение конкретного вида электронной подписи зависит от характера документа и требований законодательства. Например, при заключении гражданско-правовых договоров, если иное не установлено законом или соглашением сторон, может использоваться как простая, так и усиленная электронная подпись. В случае использования УКЭП, договор в электронном виде признается равнозначным документу на бумажном носителе, подписенному собственноручной подписью (часть 1 статьи 6 Закона N 63-ФЗ). При использовании простой или неквалифицированной электронной подписи, документ признается равнозначным бумажному, если это предусмотрено законодательством или соглашением участников электронного взаимодействия (часть 2 статьи 6 Закона N 63-ФЗ).

Если обратиться к нормативным актам и судебной практике, проанализировать их, то важные моменты отражены в следующих документах:

Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. N 63-ФЗ «Об электронной подписи» [1]:

— Статья 2: Определяет основные понятия, используемые в Федеральном законе, включая виды электронных подписей.

— Статья 3: Устанавливает правовое регулирование отношений в области использования электронных подписей.

— Статья 5: Разграничивает виды электронных подписей (простая, усиленная неквалифицированная, усиленная квалифицированная) и устанавливает их признаки.

— Статья 6: Определяет случаи признания электронных документов равнозначными документам на бу-

мажном носителе в зависимости от вида используемой электронной подписи.

— Статья 9: Устанавливает правила определения лица, подписывающего электронный документ, по его простой электронной подписи, а также обязанность соблюдать конфиденциальность ключа. [1]

Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ):

— Пункт 2 статьи 160: Допускает совершение сделок в письменной форме путем составления электронного документа или обмена электронными документами, при условии использования любых способов, позволяющих достоверно определить лицо, выразившее волю. [2]

Судебная практика:

— Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 13.10.2021 N 10АП-19249/21: В данном постановлении рассматривается вопрос о проверке электронной подписи и ее соответствии законодательству, что может быть полезно для понимания юридической силы УНЭП. [3]

— Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.11.2023 N 14АП-7982/23: Отражает судебный подход к признанию электронных документов, подписанных простой или неквалифицированной ЭП, при отсутствии отдельного соглашения об электронном документообороте. [4]

— Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17.01.2024 по делу N 8Г-31229/2023: Подтверждает возможность использования простой электронной подписи при заключении договоров потребительского займа путем ввода кода подтверждения. [5]

— Решение по делу № А40-12345/2023, как пример: В подобных делах суды анализируют действительность электронной подписи, примененной при заключении договоров, и ее соответствие требованиям законодательства. [6]

Как мы видим, судебная практика разнообразна, а следовательно существуют споры между контрагентами, физическими и юридическими лицами, не всегда правильно применяются нормы права, регулирующие порядок оформления документооборота и использования электронной подписи, уже готовая судебная практика борется в основу новых споров и выступает неким путем решения проблем.

Применение электронных подписей и развитие электронного документооборота в целом с каждым годом будет лишь набирать обороты, приобретать новые формы защиты с целью осуществления безопасных сделок и безопасного обмена информацией. В следующих работах продолжим исследования в данном направлении, так как своей актуальности данная тематика не потеряет.

Литература:

1. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. N 63-ФЗ «Об электронной подписи» (с изменениями и дополнениями) Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. N 63-ФЗ «Об электронной подписи» (с изменениями и дополнениями) <https://d.garant.ru/#/document/12184522/entry/5> (Дата обращения: 21.12.2025г.).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) (части первая, вторая, третья и четвертая)... | Система ГА-РАНТ <https://demo.garant.ru/#/document/10164072/paragraph/1:0> (Дата обращения: 21.12.2025г.).
3. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 13 октября 2021 г. N 10АП-19249/21 по делу N A41-40799/2021 <https://arbitr.garant.ru/#/document/64683966/paragraph/1:0> (Дата обращения: 21.12.2025г.).
4. Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 ноября 2023 г. N 14АП-7982/23 по делу N A66-6889/2023
5. Применение электронных подписей при взаимодействии работников с работодателем посредством ЭКДО <https://demo.garant.ru/#/document/58072921/paragraph/1:0> (Дата обращения: 21.12.2025г.).
6. Решение Смоленского областного суда от 10 декабря 2025 г. по делу N 21-344/2025 <https://arbitr.garant.ru/#/document/348689972/paragraph/1:0> (Дата обращения: 21.12.2025г.).

Общая характеристика преступлений против мира и безопасности человечества

Афанасьевая Елизавета Олеговна, студент
Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

Статья посвящена преступлениям против мира и безопасности человечества — особо опасным действиям, угрожающим глобальному порядку и благополучию людей. Рассматривается историческая эволюция таких преступлений от древних войн до современных угроз, включая геноцид, применение оружия массового поражения и терроризм. Анализируется развитие правового регулирования в России: от отсутствия норм в дореволюционный период до формирования главы 34 УК РФ в 1996 году. Особое внимание уделяется классификации преступлений, их объектам и проблемам правоприменения

Ключевые слова: агрессия, геноцид, международные преступления, оружие массового поражения, преступления против человечности, терроризм, экоцид

General characteristics of crimes against the peace and security of mankind

Afanasyeva Yelizaveta Olegovna, student
Ulyanovsk State Pedagogical University named after IN Ulyanov

The article is devoted to crimes against the peace and security of mankind, particularly dangerous acts that threaten the global order and human well-being. The historical evolution of such crimes from ancient wars to modern threats, including genocide, the use of weapons of mass destruction and terrorism, is considered. The development of legal regulation in Russia is analyzed: from the absence of norms in the pre-revolutionary period to the formation of Chapter 34 of the Criminal Code of the Russian Federation in 1996. Special attention is paid to the classification of crimes, their objects and problems of law enforcement.

Keywords: aggression, genocide, international crimes, weapons of mass destruction, crimes against humanity, terrorism, ecocide

Преступления против мира и безопасности человечества — это особо опасные действия, которые угрожают глобальному порядку, миру и безопасности всего человечества. Они включают широкий спектр действий — «от международного терроризма и геноцида до применения оружия массового поражения, наносящих колоссальный ущерб международному правопорядку и жизни людей» [6, с.124].

Проблема уголовноправовой охраны мира и безопасности человечества имеет глубокие исторические корни, однако её системное нормативное оформление в российском праве прошло длительный эволюционный путь, отражающий как внутренние правовые традиции, так и интеграцию в международное правовое пространство.

Корни таких преступлений уходят в глубокую древность. В эпоху древних государств (Египет, Греция, Рим) войны велись любыми средствами, а понятие гуманизма

ещё не было сформировано. «Истребление противника, использование отравляющих веществ (например, отравление колодцев) и наёмничество были распространёнными практиками, за которые не предусматривалось серьёзного наказания, кроме общественного осуждения» [3, с.314].

В Средние века методы ведения войн мало изменились, но именно в этот период широкое распространение получило такое преступление, как геноцид — систематическое уничтожение групп людей по расовым, национальным или религиозным признакам. Эпоха инквизиции и крестовых походов стала примером гонений на инакомыслящих и иноверцев.

Следующий этап связан с XX веком — эпохой фашизма, нацизма и появления оружия массового поражения. В Перовую мировую войну активно применялись отравляющие газы. Во время Второй мировой войны мир столкнулся с концентрационными лагерями (Ос-

венцим, Бухенвальд, Дахау), где массово уничтожали евреев, цыган, славян и политических оппонентов. Атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки в 1945 году продемонстрировала угрозу ядерного оружия, унёсшего жизни более 450 тысяч человек [4, с.19].

На ранних этапах развития русского права (XI–XVII вв.) отсутствовали специализированные нормы, направленные на защиту международного мира: уголовное законодательство фокусировалось преимущественно на внутригосударственных преступлениях (против личности, собственности, власти). Между тем отдельные прообразы международно-правовых запретов можно обнаружить в договорах Древней Руси с Византией (X в.), где закреплялись обязательства о не-нападении, обмене пленными и защите торговых людей — что косвенно свидетельствовало о зарождении представлений о межгосударственной безопасности.

В имперский период (XVIII–начало XX вв.) российское законодательство постепенно включало нормы, связанные с военными преступлениями и дипломатическими иммунитетами. Артикул воинский 1715 г. Петра I содержал положения о наказании за измену, сдачу крепости неприятелю, мародёрство, что можно рассматривать как ранние попытки регулирования поведения военнослужащих в условиях войны. Однако эти нормы носили внутригосударственный характер и не опирались на международные стандарты.

Существенный сдвиг произошёл после Первой мировой войны и создания Лиги Наций, когда Россия (впоследствии СССР) начала участвовать в формировании системы коллективной безопасности. Тем не менее в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. и 1926 г. отсутствовали составы, прямо посвящённые преступлениям против мира; акцент делался на контрреволюционных преступлениях и нарушениях воинской дисциплины.

Институт преступлений против мира и безопасности человечества является относительно новым для Российского уголовного законодательства, поскольку Уголовный Кодекс 1960 года был ограничен только воинскими преступлениями [4, с.20].

Преступления против мира и безопасности человечества — это особо опасные противоправные действия, которые подрывают основы международного правопорядка, угрожают глобальному миру, стабильности и благополучию людей. Они включают действия, нарушающие принципы справедливости, уважения прав человека и стабильности межгосударственных отношений. К таким преступлениям относятся геноцид, преступления против человечности, агрессия, терроризм, военные преступления, нарушение международных соглашений, незаконное распространение оружия массового поражения, финансирование терроризма, киберпреступления против критической инфраструктуры, а также нарушение эмбарго и санкций [5, с.189].

Правовую основу борьбы с такими преступлениями составляют международные соглашения — двусторонние и многосторонние договоры. Они устанавливают уголовно-правовые запреты, которые затем имплементируются в национальное законодательство государств.

В России эти вопросы регулирует глава 34 Уголовного кодекса РФ («Преступления против мира и безопасности человечества») [1], которая входит в раздел XII УК РФ. Глава включает статьи 353–361 УК РФ и была введена в УК РФ в рамках международных правовых соглашений. Большинство норм этой главы появились при принятии самого УК РФ, за исключением статьи 354.1. На протяжении многих лет эти нормы оставались практически неизменными, а изменения в основном касались санкций за отдельные виды преступлений.

Под «человечностью» в контексте правовых норм понимается гуманное отношение к людям. «Преступление против человечества» подразумевает действия, направленные против всего человечества — как ныне живущих людей, так и предыдущих поколений.

Следует отметить, что нормы, устанавливающие ответственность за преступления против мира и безопасности, появились в момент принятия самого УК РФ, за исключением одной статьи 354.1 и практически остаются неизменными на протяжении нескольких десятилетий. Почти все изменения, которые за эти годы вносились в анализируемые нормы, касаются в основном санкций за отдельные виды преступления. Такая относительная статичность раздела XII УК РФ объясняется спецификой самих преступлений и объектов преступных посягательств.

Объект таких преступлений — коллективная безопасность. Это система международных отношений, направленная на поддержание мира, защиту гражданского населения и сохранение человечества как биологического вида. Нарушение коллективной безопасности может привести к катастрофическим последствиям, вплоть до угрозы существования человечества.

Преступления против мира и безопасности человечества делятся на две группы в зависимости от непосредственного объекта посягательства:

Преступления против мира — действия, которые подрывают мирные отношения между государствами. К ним относятся:

- планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны (ст. 353 УК РФ);
- публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354 УК РФ);
- наёмничество (ст. 359 УК РФ);
- нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360 УК РФ);
- акт международного терроризма (ст. 361 УК РФ).

Преступления против безопасности человечества — действия, угрожающие существованию человечества или его среде обитания. В эту группу входят:

- реабилитация нацизма (ст. 354.1 УК РФ);
- разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения (ст. 355 УК РФ);
- геноцид (ст. 357 УК РФ);
- экоцид (ст. 358 УК РФ)

Преступления против человечности — это убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости,

совершённые в отношении гражданского населения до или во время войны, либо преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам.

Единого подхода к классификации таких преступлений в научном мире нет. Это связано с тем, что международные конвенции и другие документы, лежащие в основе национального законодательства, не содержат единой классификации, а УК РФ не разделяет преступления в разделе XII на отдельные группы по этому признаку [2, с.10].

Критерии дифференциации в классификациях варьируются:

- по непосредственному объекту посягательства (мир между государствами; безопасность человечества; законы войны; защита дипломатических и международных субъектов);
- по характеру нарушения (агрессия; геноцид; экологические преступления; военные преступления; нападения на лиц под международной защитой);

— по связи с вооружённым конфликтом (совершаемые в ходе войны либо вне прямого военного контекста).

Проблемные аспекты классификации обусловлены:

— отсутствием в УК РФ отдельных глав для преступлений против мира и против безопасности человечества (вся группа объединена в одной главе 34);

— частичной конвергенцией объектов (например, введение агрессивной войны одновременно подрывает мир и безопасность человечества);

— динамикой международного права и появлением новых форм угроз (кибератаки, биологическое оружие нового поколения), требующих уточнения составов.

Таким образом, преступления против мира и безопасности представляют собой умышленные противоправные действия, направленные на подрыв мирного сосуществования государств и народов, посягающие на безопасность мирового сообщества и наносящие урон международному правопорядку.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25, ст. 2954
2. Абубакарова М. М. Теоретические аспекты преступлений против мира и безопасности человечества // Инновационный потенциал развития общества: взгляд молодых ученых: сборник научных статей 5-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок, Курск, 29 ноября 2024 года. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2024. С. 10–12.
3. Воробьев А. В. Ретроспективный анализ развития института преступлений против мира // Современные вопросы государства, права, юридического образования: Сборник научных трудов по материалам XX Международной научно-практической конференции, Тамбов, 22 декабря 2024 года. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2025. С. 310–316.
4. Гулиев К. Р. История преступлений против мира и безопасности человечества // Студенческий вестник. 2023. № 16–5(255). С. 19–21.
5. Левашова О. В. Общее положение о юрисдикции преступлений против мира и безопасности человечества // Закон и право. 2022. № 12. С. 189–191.
6. Шагиева Г. Т. Преступления против мира и безопасности человечества // Вестник Торайтыров университета. Юридическая серия. 2023. № 3. С. 124–137.

Судебный прецедент как источник международного частного права

Баринова Элина Айсовна, студент;

Казаченко София Павловна, студент

Научный руководитель: Синева Наталья Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В настоящем исследовании рассматривается роль судебного прецедента как источника международного права. Авторами характеризуется понятие судебного прецедента, проводится анализ сферы его применения в трансграничных частноправовых отношениях, обосновывается специфика отношения к нему в некоторых континентальных правопорядках и системе общего права. Авторами подчеркивается, что несмотря на формальное отрицание прецедента в континентальных государствах, судебная практика остается важнейшим элементом их правовой системы. По результатам исследования делается последовательный вывод о сближении правовых систем и возрастающей значимости прецедентного подхода в целях обеспечения единства в международном частном праве.

Ключевые слова: международное частное право, судебный прецедент, источник права, общее право, континентально право, романо-германская правовая система, англосаксонская правовая система, автономия воли.

Judicial precedent as a source of private international law

This study examines the role of judicial precedent as a source of international law. The author characterizes the concept of judicial precedent, analyzes the scope of its application in cross-border private law relations, and substantiates the specifics of attitudes towards it in some continental legal systems and the common law system. The author emphasizes that despite the formal denial of precedent in the continental states, judicial practice remains an essential element of their legal system. Based on the results of the study, a consistent conclusion is drawn about the convergence of legal systems and the increasing importance of the case-law approach in order to ensure uniformity in private international law.

Keywords: private international law, judicial precedent, source of law, common law, continental law, Romano-German legal system, Anglo-Saxon legal system, autonomy of will.

В теории международного частного права присутствует ряд особо дискуссионных вопросов. В частности, до сегодняшнего дня одним из наиболее острых и длительных споров остается проблема определения источников права, их иерархии, значения и механизма формирования новых норм в условиях децентрализованной международной системы.

Первоначально следует отметить, что приоритет международных договоров и обычаев, как правило, не встречает принципиальных возражений, тогда как статус «вспомогательных» источников продолжает порождать доктринальные расхождения. В частности, наибольшее количество разногласий вызывает природа и значение судебных прецедентов, поскольку их роль балансирует между толкованием уже существующих норм и фактическим нормотворчеством. Комплексное теоретическое исследование судебного прецедента позволяет не только уточнить его формально-правовой статус, но и установить тенденции эволюции международно-правовой системы в XXI веке.

Анализ научных исследований, предметом которых стал судебный прецедент в международном частном праве, свидетельствует о недостатке теоретической проработки данного вопроса. Большинство изысканий касаются отдельных проблем судебного прецедента в пределах отдельных правовых систем или отдельных государств. В связи с этим крайне важно подчеркнуть актуальность рассматриваемого вопроса.

Обобщение теоретических позиций позволяет отметить, что под судебным прецедентом понимается решение суда по конкретному делу, которое содержит правовую норму или толкование, обязательное для судов той же или нижестоящей инстанции при рассмотрении аналогичных споров в будущем. В отличие от нормативного акта, судебный прецедент возникает не в результате нормотворчества законодателя, а в процессе разрешения реального конфликта, что придет ему особую практическую ориентированность. Именно поэтому судебный прецедент становится важным инструментом регулирования отношений, осложненных иностранным элементом.

В международном частном праве судебный прецедент выступает источником права преимущественно в тех правовых системах, где он признан в качестве тако-

вого на национальном уровне. По справедливому замечанию С. В. Маркина, судебный прецедент является основным источником англосаксонской правовой системы, в которой принято различать группу английского права, а также, связанную с ним по своему происхождению, права Соединенных Штатов Америки [4, с. 12].

В Великобритании и США прецедент исторически составляет основу всего государственного права. Формирование и течение англосаксонского права основывается на колоссальном отличии от континентального права ввиду географических, экономических и политических причин [2, с. 148]. При этом, важно отметить, что его роль не ограничивается чисто внутригосударственными отношениями. Так, в сфере международного частного права прецеденты национальных судов нередко формируют правила выбора применимого права, определяют содержание иностранных правовых норм или решают вопросы юрисдикции и признания иностранных решений.

На сегодняшний день все большее значение приобретают международные судебные прецеденты, в частности, решения Суда Европейского союза или Европейского суда по правам человека. Несмотря на то, что они не обладают строгой обязательной силой в классическом смысле прецедента, таковые все же оказывают особое влияние на национальные суды государств-участников.

В государствах континентальной правовой семьи, к числу которых, среди прочего, относятся Германия и Франция, сформировано традиционно сдержанное и даже негативное отношение к судебному прецеденту. Подобный подход обусловлен историческими особенностями романо-германской системы, в которой приоритет отдается кодифицированному закону, а суд рассматривается в качестве правоприменителя.

Так, например, во Франции, принцип разделения властей, закрепленный в период Великой французской революции, стал прямо запрещать судьям создание общих норм под угрозой ответственности. Согласно первоначальной редакции Гражданского кодекса Франции, принятого еще в 1804 году, судьям было запрещено выносить решения в форме общего правилам по подведомственным делам. Следует отметить, что аналогичная позиция сохраняется и в современном французском гражданском законодательстве, согласно нормам которого судебные ре-

шения не имеют силы прецеденты и носят обязательный характер лишь для сторон спора.

При этом, роль судебной практики в современной Франции остается весьма значительной. Так, например, Кассационный суд Франции, публикуя собственные решения, фактически формирует устойчивые правовые позиции, которым следуют нижестоящие суды. Применительно к международному частному праву, судебная практика служит необходимым механизмом толкования коллизионных норм, определения публичного порядка или квалификации иностранных правовых институтов.

Оценивая опыт Германии следует отметить схожесть опытом Франции. Так, немецкое право, так же не расценивает судебный прецедент в качестве источника права. Федеральный Конституционный суд Германии и Федеральный верховный суд Германии неоднократно подчеркивали, что суды при принятии решений должны опираться на действующее законодательство, а не принятые ранее решения [3, с. 37]. При этом, судебная практика, подобно французскому опыту, играет важную «вспомогательную роль».

Так, решения Федерального верховного суда Германии, особенно по вопросам международного частного права, фактически носят характер обязательных для нижестоящих инстанций. В немецкой правовой доктрине это объясняется необходимостью обеспечения единства правоприменения, а не признанием прецедентного права. Таким образом, можно подчеркнуть, что во Франции и Германии судебная практика не носит статуса самостоятельного источника, а лишь выполняет функции толкования.

В рамках настоящего исследования, особый интерес вызывает роль судебного прецедента в английском праве. Как отмечалось ранее, именно он выступает «фундаментом» всей системы общего права англосаксонской правовой системы. В Англии действует принцип *Stare decisis* (от лат. «стоять на решенном»), который обязывает

суды опираться на предыдущие решения [1, с. 4]. Так, решения Верховного суда Великобритании являются обязательными для всех нижестоящих судов. Собственные предыдущие решения высшей инстанции могут быть пересмотрены лишь в исключительных случаях (например, в случае явно ошибки прежнего прецедента или изменения социальных условий). Определяющим элементом судебной прецедента выступает *ratio decidendi* (от лат. «причина решения») — правовое основание решения [5].

Стоит отметить, что в международном частном праве английские прецеденты играют определяющую роль. Судами определяется, какие именно отношения подпадают под прецедентное регулирование. Прежде всего, это договорные обязательства (с выбором права в соответствии с автономией воли сторон), деликты, семейные и наследственные отношения, а также вопросы юрисдикции и признания иностранных решений.

Судебный прецеденты английских судов часто касаются именно договорных отношений. Подобная практика вызвана тем, что в данной области стороны могут выбирать применимо право, а суд, в свою очередь, уточняет пределы подобной свободы выбора. В отличие от опыта континентальных государств, английское право сохраняет коллизионный подход, где прецедент позволяет выбрать между правом места заключения и исполнения договора или правом, с которым конкретная сделка имеет более тесную связь.

Подводя итог, стоит отметить, что несмотря на фактическое отрицание, судебная практика в континентальных государствах выполняет функции, близкие к прецеденту. В свою очередь в английском праве, прецедент остается основным источником права. Независимо от различий национальных правовых систем судебная практика остается важным элементом международного частного права, дополняя национальные законодательства и обеспечивая регулирование сложных групп правоотношений.

Литература:

1. Белов С. А., Манжосов С. А. Решения международных судов: следование прецеденту или последовательная практика? // Международное правосудие. 2020. № 4 (36). С. 3–21.
2. Иванов А. М. Английская практика применения судебного прецедента в международном частном праве // Modern Science. 2022. № 5–1. С. 148–152.
3. Киселев А. А. Значение судебных решений в Англии, Германии и Франции // Новый юридический вестник. 2025. № 2 (44). С. 36–39.
4. Маркин С. В. Судебный прецедент как источник международного частного права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук, Волгоград. 2005. 36 с.
5. Ratio Decidendi: The Heart of Legal Reasoning // Number Snalytics. URL: <https://www.numberanalytics.com/blog/ratio-decidendi-heart-legal-reasoning> (дата обращения 15.11.2025).

Основные направления политики Российской Федерации в сфере содействия занятости

Васильева Ирина Анатольевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Князева Ирина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

В статье рассматриваются механизмы реализации государственной политики в сфере содействия занятости. Анализируются нормативно-правовые акты, программы и проекты, направленные на повышение конкурентоспособности граждан.

Ключевые слова: государственные услуги, работодатели, безработные граждане, ищащие работу, эффективное трудоустройство, профессиональная ориентация, международное сотрудничество.

Государственная политика занятости — одно из ключевых направлений социальной политики, направленное на обеспечение стабильности рынка труда, повышение благосостояния граждан и стимулирование экономического роста. В Российской Федерации данная политика представляет собой комплекс мероприятий, призванных регулировать рынок труда для достижения максимального уровня трудоустройства. Особое внимание уделяется поддержке граждан, испытывающих трудности при трудоустройстве, что требует разработки и внедрения эффективных механизмов реализации.

Основным законом государственной политики занятости является Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» [1], который регламентирует порядок оказания государственных услуг в сфере содействия занятости населения, защиты от безработицы, урегулирования коллективных трудовых споров, а также контроля и надзора за соблюдением трудового законодательства и законодательства о занятости населения.

Основные направления политики Российской Федерации в сфере содействия занятости регламентируются в статье 6 Федерального закона от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» [1]:

1. Содействие трудоустройству граждан и подбор персонала для работодателей — регистрация граждан в органах службы занятости и подбор кандидатур для работодателей;

2. Осуществление мероприятий, способствующих занятости граждан, испытывающих трудности в поиске работы [3]:

2.1. Организация проведения оплачиваемых общественных работ — мера поддержки, предоставляемая гражданам, ищущим работу, а также безработным гражданам [3]. В период поиска основного места работы у гражданина появляется возможность получить временный доход, оценить соответствие работы своим интересам и перспективам. У работодателя — появляется шанс оценить профессиональные качества и соответствие со трудника к заявленным требованиям в вакансии.

2.2. Инвалиды, лица предпенсионного возраста, лица, освобожденные из учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, несовершеннолетние граждане

в возрасте от 14 лет и до 18 лет в свободное от учебы время, беженцы и вынужденные переселенцы, граждане, уволенные с военной службы, и члены их семей, одинокие и многодетные родители, граждане, подвергшиеся воздействию радиации, граждане в возрасте от 18 до 25 лет, имеющие среднее профессиональное образование или высшее образование и ищащие работу, граждане, которые испытывают трудности в поиске работы, и другие категории граждан могут обратиться в Кадровый центр. При подаче заявления через портал «Работа в России», Кадровый центр разрабатывает индивидуальный план мероприятий, также появляется возможность организации временного трудоустройства.

Кадровые центры России создают эффективную систему трудоустройства, где каждый обратившийся может рассчитывать на поддержку, заключающуюся не только в поиске подходящей работы, но и в помощи в определении своего профессионального направления.

2.3. Во исполнение ст. 41 Федерального закона от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» Кадровые центры службы занятости оказывают государственную услугу по программе «Сопровождение при содействии занятости инвалидов». Под данной услугой понимается оказание индивидуальной помощи инвалиду при его трудоустройстве, сопровождение инвалида на рабочем месте, а также формирование пути его передвижения до места работы и обратно и по территории работодателя [1].

При поиске работы для граждан с инвалидностью важно учитывать их особенности и потребности. Для обеспечения эффективного сопровождения в трудоустройстве, службы занятости взаимодействуют с Федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы [8, с. 16].

2.4. Профессиональная ориентация представляет собой разносторонний процесс, направленный на выявление сильных сторон гражданина и его увлечений, чтобы помочь ему выбрать наиболее подходящую профессию.

В рамках установленного Правительством Российской Федерации порядка Кадровые центры осуществляют сотрудничество с государственными органами субъектов Российской Федерации, образовательными организациями и другими структурами, уполномоченными про-

водить мероприятия по профессиональной ориентации. На уровне субъектов РФ для реализации профориентационных мероприятий формируется межведомственная комиссия, возглавляемая руководителем исполнительного органа, ответственного за занятость населения.

2.5. Профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование направлено на удовлетворение образовательных и профессиональных потребностей, профессиональное развитие человека, обеспечение соответствия его квалификации меняющимся условиям профессиональной деятельности и социальной среды.

2.6. Психологическая поддержка осуществляется путем оптимизации психологического состояния человека как следствие полного разрешения или снижения актуальности психологических проблем, препятствующих трудовой, профессиональной, социальной самореализации [4]. Основными методами психологической поддержки являются: психологическое консультирование, психологическая диагностика, психологический тренинг и другие методы психологической работы.

3. Поощрение работодателей, сохраняющих действующие и создающих новые рабочие места прежде всего для граждан, испытывающих трудности в поиске работ [5, с. 5], также данное направление предполагает установление мер государственной поддержки работодателей [2]. Основные меры поддержки работодателей в регионах:

3.1. Субсидия на оборудование рабочих мест для инвалидов. Работодатели могут получить компенсацию затрат на приобретение и монтаж оборудования для инвалидов I и II группы и ветеранов боевых действий, имеющих инвалидность, размер выплаты — до 200 000 рублей.

3.2. Субсидия на привлечение кадров для оборонно-промышленного комплекса (ОПК) («Мобильность 2.0»). Предоставляется предприятиям ОПК, включенным в перечень организаций, нуждающихся в привлечении работников. Размер выплаты — 3 МРОТ и страховые взносы на одного работника (после подтверждения СФР его трудоустройства) [7]. Стимулирование найма отдельных категорий граждан. Работодателям частично компенсируются расходы на оплату труда трудоустроенным гражданам определенных категорий.

3.3. Бесплатное профессиональное обучение сотрудников — пройти обучение могут различные категории не занятые и занятые граждане.

Литература:

1. О занятости населения в Российской Федерации Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2023. — 18 дек. — № 51. — Ст. 9138.
2. О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» в части совершенствования механизма повышения мобильности трудовых ресурсов Федеральный закон от 03.07.2018 г. № 190-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2018. — 09 июл. — № 28. — Ст. 4154.
3. Об утверждении Стандарта деятельности по осуществлению полномочия в сфере занятости населения по организации временного трудоустройства безработных граждан, испытывающих трудности в поиске работы Приказ Минтруда России от 10.12.2024 № 683н (Зарегистрировано в Минюсте России 17.02.2025 № 81266) // Правовой сайт «КонсультантПлюс» — URL: www.consultant.ru (дата обращения 25.11.2025).

3.4. Целевое обучение позволяет «обучить» конкретного специалиста нужной профессии, после окончания ВУЗа или колледжа, выпускнику нужно будет отработать у работодателя от 3 до 5 лет.

Государство активно поддерживает работодателей, которые сохраняют и создают рабочие места, особое внимание уделяется гражданам, испытывающим трудности в трудоустройстве.

4. Содействие мобильности трудовых ресурсов. Статья 33 Федерального закона от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» называется «Содействие работодателям в привлечении трудовых ресурсов в рамках реализации региональных программ повышения мобильности трудовых ресурсов» [1]. Статья регулирует меры в содействии работодателям в привлечении трудовых ресурсов, в рамках региональных программ, нацеленных на повышение мобильности рабочей силы. Кадровые центры оказывают помощь при переезде безработных граждан, желающие временно или постоянно трудоустроиться по своей профессии в другом регионе.

6. Предупреждение массовой и сокращение длительной безработицы — одно из направлений государственной политики, закрепленное в статье 5 Закона РФ от 19.04.1991 № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации». Государство принимает такие меры, как создание новых рабочих мест, обучение, социальная поддержка и т. п.

7. Осуществление международного сотрудничества в сфере занятости населения — регулируется статьей 7 Федерального закона от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» [1]. Ответственность за координацию международного сотрудничества в России возложена на федеральный орган исполнительной власти, занимающий вопросами государственной политики и правового регулирования в сфере занятости населения. Международные организации, участвующие в сотрудничестве в сфере занятости населения: Международная организация труда, Европейский фонд улучшения условий жизни и труда [9], Организация экономического сотрудничества и развития, Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество, Евразийский экономический союз, Евро-Азиатский Региональный альянс инспекций труда.

4. Об утверждении Положения о профессиональной ориентации и психологической поддержке населения в Российской Федерации Постановление Минтруда РФ от 27.09.1996 № 1 (Зарегистрировано в Минюсте РФ 31.10.1996 № 1186) // Правовой сайт «КонсультантПлюс» — URL: www.consultant.ru (дата обращения 25.11.2025).
5. Бархатова Е. Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации: новая редакция. — Проспект. — 2020. — 33 с. // Правовой сайт «КонсультантПлюс» — URL: www.consultant.ru (дата обращения 25.11.2025).
6. Бондарева Э. С., Шавин В. А., Чершинцева Е. А., Зенков М. Ю., Бирюкова Т. А., Богатырева Н. В., Слесарев С. А., Тишин Р. В. Комментарий к Закону РФ от 19.04.1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» (постатейный). — 33 с. // Правовой сайт «КонсультантПлюс» — URL: www.consultant.ru (дата обращения 25.11.2025).
7. Ситуация: Предусмотрена ли государственная помощь в трудоустройстве лицам, ищущим работу, и как ее получить? // Электронный журнал //Азбука права. — 2025. // Правовой сайт «КонсультантПлюс» — URL: www.consultant.ru (дата обращения 25.11.2025).
8. Сведения о международных организациях, в деятельности которых по поручению Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации принимает участие Роструд // Официальный сайт Федеральной службы труда и занятости. — URL: <https://rostrud.gov.ru/> (дата обращения 25.11.2025).

Правила благоустройства муниципального образования: проблемы и перспективы

Верезуб Алексей Александрович, Студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

Статья посвящена анализу ключевых проблем правового регулирования и практической реализации Правил благоустройства муниципальных образований в Российской Федерации. Рассматривается эволюция нормативной базы, место муниципальных правил в системе правовых актов, а также основные трудности их применения, включая правовые коллизии, вопросы финансового обеспечения и эффективности контроля. Особое внимание уделяется перспективам совершенствования данного вопроса в контексте формирования комфортной городской среды и внедрения принципов устойчивого развития. На основе проведённого анализа сформулированы предложения по гармонизации законодательства, повышению качества муниципального нормотворчества и вовлечению граждан в процесс благоустройства.

Ключевые слова: благоустройство, муниципальное образование, правила благоустройства, правовое регулирование, устойчивое развитие, городская среда.

Формирование безопасной и комфортной городской среды является одной из приоритетных задач государственной политики, что закреплено в стратегических документах и посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. Правовым инструментом, регулирующим достижение этих целей на местном уровне, выступают Правила благоустройства территории муниципального образования (далее — Правила). Несмотря на значительную работу по систематизации законодательства в данной сфере, включая принятие Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [8], остается ряд нерешенных проблем теоретического и практического характера. Целью настоящей статьи является выявление ключевых проблем в сфере принятия и реализации Правил благоустройства, а также определение перспективных направлений их развития.

Правила благоустройства представляют собой нормативный правовой акт, регулирующий вопросы содержания и развития территории муниципального образования. Их правовая природа носит комплексный характер,

находясь на стыке градостроительного, земельного, жилищно-коммунального и административного права [3, 4].

Исторически регулирование вопросов благоустройства долгое время носило фрагментарный и декларативный характер в сфере муниципального нормотворчества. Поэтому был разработан и принят Федеральный закон от 29 декабря 2017 г. № 463-ФЗ «Об внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7]. Посредством пакетного регулирования удалось решить часть наиболее острых проблем, касающихся вопросов благоустройства. Так, было уточнено понятие правил благоустройства, в Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ о местном самоуправлении была введена статья 45.1 о содержании данных правил [6, ст.45.1]. Новый этап связан с принятием Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», статья 58 которого устанавливает исчерпывающий перечень из 16 обязательных аспектов, подлежащих регулированию в Правилах — от содержания

территорий общего пользования и озеленения до организации доступной среды и порядка проведения земляных работ [8, ст.58]. Данная мера направлена на унификацию требований и преодоление существовавших правовых пробелов.

Так, в настоящее время благоустройство территорий муниципальных образований «находится» в сложной многоуровневой правовой системе, включающей:

- Федеральное законодательство (Градостроительный кодекс РФ, ФЗ № 33-ФЗ [1,8]);
- Нормативно-правовые акты органов государственной власти Российской Федерации (СП, СанПиН, ГОСТ);
- Законы субъектов Российской Федерации (в части административной ответственности и отдельных вопросов организаций);
- Нормативно-правовые акты муниципальных образований (Устав, Правила благоустройства, нормативы, положения о контроле).

Несмотря на прогресс в законодательном регулировании, практика выявляет ряд системных проблем:

1. Проблемы правовой техники и юридические коллизии. Зачастую положения муниципальных Правил дублируют нормы федерального и регионального законодательства без необходимой конкретизации или, напротив, вступают с ними в противоречие. Наиболее конфликтогенными являются вопросы определения границ и бремени содержания прилегающих территорий, разграничения ответственности между собственниками, управляющими организациями и муниципалитетом. Как показывает судебная практика, например, Кассационное определение Верховного Суда РФ от 25.10.2023 № 7-КАД23-3-К2 [2], споры возникают из-за нечетких формулировок в Правилах, что позволяет оспаривать правомерность предписаний органов контроля.

2. Финансово-бюджетные ограничения. Основной вызов – недофинансирование. Муниципалитеты, особенно малых городов и сельских поселений, не имеют достаточных средств для комплексного благоустройства. Выделяемые средства часто носят точечный характер, что приводит к фрагментарности преобразований и отсутствию единой концепции развития территории. Существует дисбаланс между возложенными полномочиями и финансовыми возможностями их реализации.

3. Неэффективность системы контроля и принуждения. Муниципальный контроль в сфере благоустройства на практике сталкивается с проблемами кадровой и технической оснащенности, сложностью фиксации правонарушений. Санкции, предусмотренные региональными КоАП, зачастую несоразмерны и не стимулируют к добровольному соблюдению Правил. Существует разрыв между объемом установленных требований и реальными возможностями по надзору за их исполнением [5].

4. Формальность общественного участия. Хотя законодательство предусматривает проведение публичных

слушаний по проектам Правил, этот процесс часто носит формальный характер. Граждане и бизнес-сообщество фактически не имеют действенных инструментов влияния на содержание принимаемых решений, что снижает уровень доверия и правосознания.

5. Недоучет принципов устойчивого развития. Современные Правила слабо интегрируют экологические и ресурсосберегающие подходы: требования к использованию вторичных материалов, энергоэффективному освещению, созданию «зеленой» инфраструктуры, адаптации к климатическим изменениям носят, как правило, рекомендательный характер.

Для преодоления указанных проблем и превращения Правил в действенный инструмент развития территорий необходима реализация комплекса мер:

1. Совершенствование нормотворчества. Целесообразна разработка и внедрение на федеральном уровне типовых Правил благоустройства, которые послужили бы образцом для муниципалитетов в части структуры, правовой техники и формулировок. Это позволит минимизировать коллизии и снизить нагрузку на местные органы.

2. Внедрение экономических стимулов. Необходимо законодательное закрепление и популяризация практик предоставления налоговых льгот, льготных условий аренды муниципального имущества для инвесторов, активно участвующих в благоустройстве. Следует развивать соглашения в сфере содержания общественных пространств.

3. Развитие цифровых технологий и «умного» благоустройства. Перспективным направлением является интеграция Правил в городские информационные модели, создание публичных интерактивных карт с наложенными ограничениями и требованиями, внедрение систем автоматического мониторинга (например, состояния покрытий, освещенности, озеленения).

4. Реальное вовлечение граждан. Выход за рамки формальных слушаний к использованию краудсорсинговых платформ, инициативного бюджетирования в части благоустройства, создания общественных советов по контролю за исполнением Правил.

5. Экологизация и адаптация. В Правила необходимо имплементировать обязательные экологические стандарты, нормы по обеспечению биоразнообразия в городах, использованию устойчивых материалов и технологий, что соответствует глобальной повестке устойчивого развития.

Правила благоустройства территорий муниципальных образований эволюционировали от разрозненных актов к системному элементу законодательства. Однако их потенциал раскрыт не полностью в силу сохраняющихся проблем юридико-технического, финансового и организационного характера. Перспективы развития данного института связаны с комплексным подходом, включающим унификацию и повышение качества нормотворчества, внедрение экономических стимулов, цифровизацию контроля, а также переход к модели открытого и экологи-

чески ответственного управления развитием территорий. Реализация этих мер позволит трансформировать Правила из документа в действенный инструмент управления и создания по-настоящему комфортной, безопасной и устойчивой среды для жизни.

Таким образом, ключевые перспективы и стратегические направления развития благоустройства территорий муниципальных образований следующие:

1. Интеграция благоустройства в систему стратегического планирования. Перспектива: переход от точечных улучшений к системному территориальному развитию. Это предполагает:

- Разработку муниципальных программ благоустройства как части документов стратегического планирования;
- Создание единых цифровых платформ управления активами.

2. Формирование новых финансовых моделей:

- Активное развитие механизмов государственно-частного партнёрства в сфере создания и содержания общественных пространств;
- Внедрение специальных налоговых инструментов;
- Развитие инициативного бюджетирования, где граждане непосредственно участвуют в выборе и софинансировании объектов благоустройства.

3. Цифровая трансформация процессов благоустройства:

- Внедрение систем IoT (Интернета вещей) для мониторинга состояния элементов благоустройства (освещение, полив, наполняемость урн);
- Использование BIM-технологий (информационное моделирование зданий и территорий) на всех этапах жизненного цикла объектов;
- Создание публичных геосервисов с наложением всех ограничений и правил для застройщиков и граждан.

Литература:

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 29.12.2025) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040 (дата обращения: 03.01.2026).
2. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25.10.2023 N 7-КАД23-3-К2 Об оставлении без изменения решения Ивановского областного суда от 18.02.2022 об отказе в признании недействующим п. 2.5.19 Правил благоустройства городского округа Тейково Ивановской области, утв. решением городской Думы городского округа Тейково от 27.10.2017 № 88 (в ред. решения городской Думы городского округа Тейково от 28.02.2020 № 24). [Электронный ресурс]. — URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=787185&dst=100020> (дата обращения: 11.01.2026).
3. Катаева М. С., Телегин А. С. Отдельные вопросы осуществления муниципального контроля и законодательство об обязательных требованиях / М. С. Катаева, А. С. Телегин // Административное право и процесс. — 2023. — № 11 [Электронный ресурс] — СПС КонсультантПлюс. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=152298#ZI8z69V0ykIKwfIQ1> (дата обращения: 05.01.2026).
4. Козюк М. Н. Благоустройство как институт юридической урбаниологии / М. Н. Козюк // Конституционное и муниципальное право. — 2020, — № 9 [Электронный ресурс] — Научная электронная библиотека. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43931290> (дата обращения: 05.01.2026).
5. Рашидов Е. Ф., Ковтун Ю. С. Административно-правовое регулирование бремени содержания прилегающей территории / Е. Ф. Рашидов, Ю. С. Ковтун // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 10 [Электронный ресурс] — КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovoe-regulirovanie-bremeni-soderzhaniya-prilegayushey-territorii> (дата обращения: 05.01.2026).

4. Экологизация как обязательный стандарт:

- Закрепление в Правилах требований к «зелёному» строительству: обязательные доли озеленения, использование водопроницаемых покрытий и т. д.;
- Приоритет природо- и ресурсосберегающих технологий при проведении закупок для муниципальных нужд.

5. Новая парадигма общественного участия: от консультаций к соуправлению:

- Создание постоянно действующих общественных советов по развитию городской среды с правом влияния на решения;

- Развитие практик соучаствующего проектирования, когда жители являются соавторами проектов наравне со специалистами.

6. Пространственная справедливость и инклюзивность:

- Смещение фокуса с благоустройства центральных площадей на периферийные районы и спальные микрорайоны;

- Обязательное включение в любой проект универсального дизайна для обеспечения доступности всех групп населения;

- Развитие сети общественных пространств, компенсирующих социальное неравенство.

Так, перспективы связаны не только с увеличением финансирования, сколько с качественным изменением подходов: интеграцией в стратегическое планирование, внедрением «зелёных» и цифровых стандартов, созданием новых финансовых инструментов и переходом к модели совместного создания ценности для территории. Успешная муниципальная политика в сфере благоустройства становится ключевым фактором конкурентоспособности территории, качества жизни и социальной стабильности.

6. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 20.03.2025) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 04.01.2026).
7. Федеральный закон от 29.12.2017 № 463-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. на 20.03.2025) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286692/ (дата обращения: 04.01.2026).
8. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (дата обращения: 04.01.2026).

Компенсация морального вреда при причинении смерти и повреждении здоровья гражданина

Ветряк Анастасия Витальевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Павлова Ирина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье рассматривается институт компенсации морального вреда в случаях причинения смерти или повреждения здоровья гражданина. Анализируется порядок определения размера компенсации, при котором суд оценивает тяжесть физических и нравственных страданий потерпевшего с учётом конкретных обстоятельств дела, что обуславливает вариативность сумм возмещения. Особое внимание уделено праву родственников на компенсацию морального вреда в случае лишения жизни человека. В качестве существенного пробела действующего законодательства отмечается отсутствие нормы об обязательной психологической экспертизе при определении размера компенсации морального вреда, причинённого жизни и здоровью.

Ключевые слова: компенсация морального вреда при, право жизнь, право на охрану здоровья, консультация психолога, физические и нравственные страдания, ущерб здоровью, утрата трудоспособности.

Compensation for nonpecuniary (moral) damage in cases of causing death or injury to a citizen

Vetryak Anastasia Vitalyevna, master's student

Scientific advisor: Pavlova Irina Yuryevna, phd in law, associate professor
Moscow State Law University named after OE Kutafin

The article examines the institution of compensation for nonpecuniary (moral) damage in cases involving the death or injury of an individual. It analyses the procedure for determining the amount of compensation, in which the court assesses the severity of the victim's physical and moral suffering taking into account the specific circumstances of the case, which leads to variations in the amounts of compensation awarded. Particular attention is given to the right of relatives to claim compensation for nonpecuniary damage in cases of a person's death. As a significant gap in the current legislation, the article notes the absence of a provision mandating a compulsory psychological examination when determining the amount of compensation for nonpecuniary damage caused to life and health.

Keywords: compensation for nonpecuniary moral damage, right to life, right to health protection, psychological consultation, physical and moral suffering, harm to health, loss of working capacity, disability.

Бопрос о содержании понятия «моральный вред» в юридической доктрине раскрывается через множество научных позиций и концептуальных взглядов. Одни исследователи акцентируют внимание на философских и этических аспектах, другие — на правовых.

Эмоционального подхода придерживается С. М. Воробьев: моральный вред рассматривается как сильно переживаемая эмоция, принимающая форму чувства при

испытании нравственных страданий. Кроме того, ученый считает, определение, выдвинутое законодателем, имеет ряд несовершенств, поэтому и существует множество дискуссионных вопросов в научном мире. Среди наиболее важных проблем С. М. Воробьев в своей работе выделяет следующие: «отсутствие законодательных пределов денежной компенсации морального вреда; неполнота конкретизации в гражданском законодательстве нарушаемых

нематериальных благ и прав граждан; недостаточность законодательной конкретизации структуры нравственных и физических страданий, составляющих основу причинения потерпевшим морального вреда; нехватка законодательно установленных критериев определения размера компенсации морального вреда; нечеткость (размытость) формулировки случаев предоставления компенсации морального вреда в действующем российском законодательстве» [1].

А. М. Эрдевский полагает, что моральный вред — это неблагоприятные изменения в охраняемых законом благах, отражающиеся в сознании человека в форме негативных ощущений, поэтому учитывать характер и значимость тех нематериальных благ, которым причинён вред. [2].

По мнению В. А. Дубровного, П. П. Гуреева «моральный вред — это ущерб, причиненный душевному состоянию человека и выражющийся в его душевных переживаниях и нравственных страданиях» [3].

Некоторые ученые считают, что моральный вред имеет место не при любых нравственных переживаниях, а лишь тогда, когда они вызваны посягательством на честь и достоинство личности. Такого мнения придерживаются В. М. Савицкий и К. Д. Смакова [4].

Компенсация морального вреда в случае причинения смерти или повреждения здоровья гражданина представляет собой специфическую область гражданско-правовой ответственности, призванную смягчить невосполнимые последствия утраты здоровья или жизни. Рост числа случаев, связанных с причинением вреда здоровью, а также увеличение количества судебных разбирательств по этим вопросам подчеркивают необходимость глубокого анализа механизма компенсации.

Право человека на здоровье конструируется в качестве личного неимущественного права, а его смысловое наполнение задаётся дефиницией здоровья из преамбулы Устава Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ): «Здоровье — это такое состояние человека, которому свойственно не только отсутствие болезни или физических дефектов, но и полное физическое, душевное и социальное благополучие».

Право на здоровье характеризуется следующими особенностями:

– Во-первых, ключевая особенность права на здоровье — его неотделимость от личности. Данное право принадлежит человеку от рождения и не может быть передано другому лицу. Как фундаментальный атрибут существования, оно гарантирует возможность использовать достижения цивилизации для поддержания телесного и душевного здоровья.

– Во-вторых, оно не имеет стоимостного выражения. Здоровье не может быть оценено в денежном эквиваленте, и компенсация ущерба, причиненного здоровью, хотя и является важным инструментом защиты прав, не может полностью восстановить утраченное. Главная цель правовой защиты — предотвращение вреда здоровью и создание условий для его восстановления.

– В-третьих, оно носит абсолютный характер. Это означает, что обязанность по соблюдению права на здоровье возлагается на всех субъектов права, включая государство, юридических и физических лиц. Каждый обязан воздерживаться от действий, способных причинить вред здоровью других людей, и создавать условия для его поддержания.

– В-четвертых, оно тесно связано с другими личными неимущественными правами, здоровье является необходимым условием для их реализации, и его нарушение может существенно ограничить возможности человека в различных сферах жизни.

– В-пятых, оно требует активной защиты со стороны государства. Государство обязано обеспечивать доступность и качество медицинской помощи, создавать условия для здорового образа жизни, принимать меры по охране окружающей среды и осуществлять контроль за соблюдением санитарно-гигиенических норм.

В Российской Федерации право человека на здоровье является одним из важнейших личных неимущественных прав. Оно закреплено в нескольких нормативно-правовых актах: Конституция РФ (ст. 7 и 41) — провозглашает охрану здоровья и оказание медицинской помощи неотъемлемыми правами граждан; Гражданский кодекс РФ (ст. 150) относит здоровье к нематериальным благам, которые принадлежат гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом; Федеральный закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (от 21.11.2011) (ст. 4 и 5) закрепляет основные принципы соблюдения прав граждан в сфере охраны здоровья.

Дееспособный гражданин вправе распоряжаться своими правами на здоровье и его охрану, реализуя принцип автономии личности в сфере медицины. Это подразумевает в том числе право на отказ от медицинского вмешательства, даже если оно рекомендовано специалистами. Данное фундаментальное право основывается на признании за каждым индивидом способности самостоятельно принимать решения, касающиеся его тела и благополучия.

Как обоснованно указывает А. М. Эрдевский: «праву человека на здоровье соответствует обязанность всех остальных лиц воздерживаться от нарушающих это право действий, то право на охрану здоровья предполагает наличие соответствующих этому праву обязанностей на стороне специальных субъектов, обязанных в соответствии с законодательством принимать необходимые меры по сохранению и укреплению здоровья каждого человека, поддержанию его долголетней активной жизни и предоставлению ему медицинской помощи в случае утраты здоровья» [5].

При определении размера компенсации морального вреда суд оценивает тяжесть причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий с учетом заслуживающих внимания фактических обстоятельств дела, к которым могут быть отнесены любые обстоятельства, влияющие на степень и характер таких страданий. В частности,

последствия причинения потерпевшему страданий, определяемые, помимо прочего, видом и степенью тяжести повреждения здоровья, длительностью (продолжительностью) расстройства здоровья, степенью стойкости утраты трудоспособности, необходимостью амбулаторного или стационарного лечения потерпевшего, сохранением либо утратой возможности ведения прежнего образа жизни.

Правовой аспект причинения вреда и установления степени тяжести нанесения вреда здоровью необходимо рассматривать в рамках норм уголовного законодательства, а также подзаконных межотраслевых актов, в частности, Приказ Минздравсоцразвития России от 08 апреля 2025 г. № 172н «Об утверждении Порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека».

Моральный вред, возникающий вследствие причинения тяжкого вреда здоровью, занимает особое место в системе правовой защиты личности. Определение размера моральной компенсации за тяжкий вред здоровью — задача чрезвычайно сложная и деликатная. Суд, принимая решение, должен учитывать массу факторов, тесно переплетающихся и образующих уникальную картину страданий конкретного человека.

Моральный вред в данном контексте — это не абстрактное понятие, а вполне конкретные страдания, переживаемые потерпевшим. Это может быть физическая боль, не проходящая длительное время, ощущение собственной неполноценности, социальная изоляция, страх перед будущим, потеря смысла жизни. Тяжкий вред здоровью зачастую влечет за собой полную или частичную утрату трудоспособности, изменение привычного образа жизни, необходимость в длительном и дорогостоящем лечении и реабилитации. Все эти факторы в совокупности оказывают колоссальное давление на психику человека, вызывая глубокие эмоциональные потрясения.

Компенсация морального вреда призвана смягчить негативные последствия, вызванные причинением тяжкого вреда здоровью. Она не может полностью возместить утраченное здоровье или вернуть человека к прежней жизни, но способна оказать поддержку в процессе восстановления и адаптации к новым условиям.

Так в зависимости степени тяжести нанесения вреда здоровью размер компенсации морального вреда различается. Так, в одном из судебных дел в результате совершения Ответчиком противоправных действий в виде физического насилия, истцу был нанесен легкий вред здоровью. В момент нанесенного удара в область грудной клетки и сердца истец испытал сильную физическую боль, в последующем принимал обезболивающие препараты, находился в медицинском учреждении на лечении в течении одной недели с ушибами и кровоизлиянием. В период лечения и восстановления он не мог выполнять прежние функции, был ограничен в физических нагрузках. Судом была взыскана компенсация морального вреда в размере 50 000 рублей.

В следующем примере из судебной практики в результате совершения Ответчиком противоправных действий

в виде физического насилия, истцу был нанесен вред здоровью средней тяжести. Истец указал, что в ходе конфликта, возникшего между истцом и ответчиком, последний нанес сильный удар по телу, а впоследствии еще множественные удары ногами. Судом была взыскана компенсация морального вреда в размере 80 000 рублей.

Еще один пример судебного дела показывает, что причинение тяжкого вреда здоровью влечет больший размер компенсации морального вреда. В результате совершения Ответчиком противоправных действий в виде физического насилия, Истцу был нанесен тяжкий вред здоровью. Судом была взыскана компенсация морального вреда в размере 150 000 рублей.

Таким образом, величина компенсации морального вреда коррелирует с серьезностью ущерба здоровью. В ситуациях, когда вред незначителен и приводит лишь к кратковременным страданиям и временной потере трудоспособности, размер компенсации остается невысоким. Если же последствия тяжелы (инвалидность, тяжелые психологические травмы, серьезное ухудшение качества жизни), сумма возмещения существенно повышается.

Право на жизнь — это не просто формальное провозглашение, но и фундамент всей правовой системы современных правовых государств, что подтверждается положениями Всеобщей Декларации прав человека, принятой в 1948 году. В статье 3 данного международного документа закреплено следующее положение: «Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность». Право на жизнь также закреплено в ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 года, ст. 2 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года, а также в конституциях большинства государств. Оно определяет ценность человеческой личности, становится отправной точкой для разработки законодательных актов, гарантирующих безопасность и благополучие граждан. Закон выступает в роли щита, ограждающего жизнь от посягательств, и инструмента, обеспечивающего достойные условия для ее поддержания.

В случае лишения жизни человека законодательство позволяет родственникам, а также лицам, состоявшим на иждивении умершего и имеющим право на получение от него содержания требовать возмещения морального вреда. Основные условия для получения компенсации в связи со смертью близкого человека являются: наличие физических или нравственных страданий у близких родственников; причинно-следственная связь между действиями (бездействием) причинителя вреда и смертью близкого человека; вины причинителя вреда (за исключением случаев, когда компенсация предусмотрена независимо от вины).

Под нравственными страданиями понимаются переживания в связи с утратой родственника, чувство беспомощности, страха, унижения, стыда и другие негативные эмоции. Доказательствами могут служить свидетельские показания, медицинские справки о психологиче-

ском состоянии, документы, подтверждающие обращение к психологу или психотерапевту, а также любые другие доказательства, свидетельствующие о переживаниях и страданиях, вызванных утратой.

Моральный вред, причиненный смертью близкого человека, выражается в нравственных переживаниях, связанных с утратой, изменением жизненных планов, ухудшением психологического состояния, потерей перспектив и надежд. Размер компенсации определяется судом с учетом степени родства с погибшим, интенсивности эмоциональной связи, характера и глубины страданий, а также других индивидуальных обстоятельств дела. Факт родственных отношений сам по себе не является основанием для компенсации морального вреда.

Важно отметить, что право на компенсацию морального вреда возникает независимо от наличия или отсутствия вины причинителя смерти. При определении размера компенсации учитывается не только сам факт смерти, но и обстоятельства, при которых она произошла. Иными словами, суд анализирует не просто констатацию свершившегося события, но и исследует предпосылки, сопутствующие моменты и, самое главное, степень виновности лица, ответственного за причинение смерти. Здесь вступает в силу принцип дифференциации подхода, позволяющий более точно оценить моральный ущерб, понесенный близкими.

Например, размер компенсации в связи со смертью в результате несчастного случая, не связанного с чьей-либо халатностью или преступным умыслом, будет рассчитываться иначе, чем компенсация смерть, вызванная умышленным убийством или грубой врачебной ошибкой. Во втором случае уровень боли и страдания, как правило, значительно выше.

Так, в одном из судебных дел пострадавшая, являющаяся дочерью истца, была лишена жизни, ответчик нанес дочери истца со значительной силой множественные удары ножом в голову, шею, грудь и в область верхних и нижних конечностей, в результате чего, ей были причинены телесные повреждения опасные для жизни человека, от пострадавшая скончалась на месте. Судом взыскан моральный вред в размере 1 000 000 рублей. Поскольку деяние квалифицировано как умышленное убийство, суд определил размер компенсации в повышенном размере.

В другом примере решения суда и истцом заявлены требования о взыскании компенсации морального вреда, поскольку в результате несчастного случая, произошедшего с потерпевшим, являющимся близким родственником истца, наступила его смерть. Пострадавший работал в должности тракториста-машиниста у ответчика, он заступил на смену для жатки с комбайна, в результате несчастного случая отец умер. В ходе медицинского освидетельствования была установлена причина смерти: другие сочетания переломов, захватывающих несколько областей; лицо, пострадавшее в результате неуточненного транспортного случая. Ответчиком составлен акт о несчастном случае на производстве, в котором указаны при-

чины несчастного случая, среди которых неудовлетворительная организация производства работ, выразившаяся в отсутствии регламента производства работ на комбайне в полевых условиях, от работника не было сообщения о неисправности системы жатки, нарушения правил трудовой дисциплины со стороны работника, ненадлежащий контроль за трудовой дисциплиной ответственных лиц, согласно должностной инструкции. Судом назначена компенсации морального вреда в размере 450 000 рублей.

При изучении судебной практики данной категории дел было выявлено, что суды не привлекают психолога для дачи заключения. В связи с этим, возникает вопрос о необходимости расширения практики привлечения специалистов в области психологии для участия в судебных процессах данной категории. Введение обязательного психологического освидетельствования или привлечение психолога в качестве эксперта, возможно, позволило бы судам более точно определять степень морального вреда.

Заключение психолога, составленное на основе проведенных исследований и анализа личности, становится важным доказательством в суде. Оно позволяет суду более точно определить степень моральных страданий, испытанных истцом, и учесть их при определении размера компенсации. Психологическое освидетельствование помогает выявить скрытые эмоциональные расстройства, посттравматические стрессовые расстройства, а также другие психологические последствия, которые могут не проявляться явно, но существенно влияют на качество жизни человека.

Следует отметить, что консультация психолога необходима не только для определения размера компенсации, но и для оказания психологической помощи пострадавшему. Психологическая поддержка помогает справиться с травмой, восстановить эмоциональное равновесие и адаптироваться к новым условиям жизни. В случаях, когда речь идет о потере близких или получении серьезных увечий, психологическая помощь становится неотъемлемой частью реабилитации. Комплексный подход, включающий юридическую поддержку и психологическую помощь, обеспечивает наиболее эффективную защиту прав и интересов пострадавших.

Гражданским законодательством прямо не предусмотрена обязательная психологическая экспертиза при определении размера компенсации морального вреда, причиненного жизни и здоровью, что как представляется, является пробелом законодательства. Ключевыми факторами при расчёте размера компенсации выступают: характер и уровень нравственных страданий истца, фактические условия причинения вреда, индивидуальные характеристики потерпевшего.

В вышеуказанных целях в рамках регулирования компенсации морального при причиненном жизни и здоровью, предлагается изложить абзац 2 части 2 статьи 1101 Гражданского кодекса РФ в следующей редакции: «Характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при ко-

торых был причинен моральный вред, индивидуальных особенностей потерпевшего, а в случаях причинения вреда жизни и здоровью также заключения психолога».

В случае смерти гражданина компенсация морального вреда не может вернуть ушедшего человека, но может помочь семье пережить тяжелый период, отчасти справиться с финансовыми трудностями и получить психологическую поддержку. Сумма компенсации, определенная судом, отражает степень вины причинителя вреда, глубину страданий потерпевших и другие обстоятельства дела.

Если же посягательство направлено на здоровье, то компенсация морального вреда призвана компенсировать физические и душевные страдания, связанные с травмой, болезнью или инвалидностью. Она позволяет потерпевшему получить необходимую медицинскую помощь, пройти реабилитацию и адаптироваться к новым условиям жизни. Размер компенсации зависит от тяжести причиненного вреда, продолжительности лечения, степени утраты трудоспособности и других факторов.

Литература:

1. С. М. Воробьев «О теоретико-правовых основах понятия «моральный вред» // Вестник Воронежского государственного университета, 2017, № 2
2. В. А. Дубровский «Потерпевший на предварительном следствии в советском уголовном процессе». Саратов, 1966.
3. Гуреев П. П. Защита личных и имущественных прав. М., 1964. С. 85.
4. В. М. Савицкий, И. И. Потеружа. Потерпевший в советском уголовном процессе. М., 1963. С. 7, 13; Смаков К. Д. Некоторые вопросы предварительного расследования. Фрунзе, 1965. С. 38.
5. А. М. Эрделевский Компенсация морального вреда / А. М. Эрделевский — М.: Р.Валент, 2007. С. 66.

Административная ответственность саморегулируемых организаций: проблемы правовой природы и правоприменения

Власов Вячеслав Михайлович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Введение

Институт саморегулирования в Российской Федерации в течение последних двух десятилетий трансформировался в значимый элемент системы публичного управления экономическими процессами. Делегирование части контрольно-надзорных функций профессиональным объединениям было обусловлено стремлением государства к снижению уровня прямого административного вмешательства в предпринимательскую деятельность, повышению качества профессиональных стандартов и формированию механизмов внутренней ответственности участников рынка. Предполагалось, что профессиональное сообщество, обладая специальными знаниями и заинтересованностью в поддержании деловой репутации отрасли, способно более эффективно осуществлять контроль за деятельностью своих членов.

Вместе с тем практика функционирования саморегулируемых организаций (далее — СРО) свидетельствует о том, что данные структуры не всегда в полной мере реализуют возложенные на них публично значимые функции. Формализация контрольных процедур, наличие конфликтов интересов в органах управления, а также недостаточная прозрачность дисциплинарных механизмов снижают результативность саморегулирования и об-

условливают сохранение значимой роли государственного контроля.

В этих условиях возрастает значение административной ответственности СРО как правового инструмента обеспечения законности, прозрачности и добросовестности их деятельности. Однако правовая природа такой ответственности продолжает оставаться дискуссионной, а правоприменительная практика выявляет ряд существенных проблем, связанных с определением объема обязанностей СРО и критериев оценки эффективности их деятельности.

Цель настоящей статьи заключается в комплексном исследовании особенностей административной ответственности саморегулируемых организаций, выявлении ключевых проблем правового регулирования и формулировании предложений по его совершенствованию.

1. Правовая природа саморегулируемых организаций

В соответствии с федеральным законодательством саморегулируемая организация представляет собой основанную на членстве некоммерческую организацию, объединяющую субъектов предпринимательской либо профессиональной деятельности и устанавливающую обязательные для своих членов стандарты и правила.

Специфика правового статуса СРО заключается в сочетании частноправовых и публично-правовых начал. С позиций гражданского права СРО выступают в качестве некоммерческих организаций, деятельность которых базируется на принципах автономии воли, равенства участников и самоуправления. Вместе с тем содержание их функций выходит за рамки исключительно частных интересов членов организации.

Государство наделяет СРО рядом публично значимых полномочий, включая:

допуск субъектов к осуществлению отдельных видов деятельности в сферах, где лицензирование заменено членством в СРО;

контроль за соблюдением членами установленных стандартов и правил;

применение мер дисциплинарного воздействия;

формирование и управление компенсационными фондами;

участие в обеспечении защиты прав потребителей и иных третьих лиц.

Таким образом, СРО фактически интегрированы в систему публичного регулирования экономики, осуществляя квазигосударственные функции при формально негосударственном статусе. Указанная двойственная природа предопределяет специфику их юридической ответственности, в том числе административной.

2. Административная ответственность СРО как элемент публичного контроля

Административная ответственность традиционно рассматривается как форма государственного принуждения, применяемая за нарушение публично-правовых обязанностей. В отношении СРО она приобретает особое значение, поскольку направлена на обеспечение надлежащего исполнения организациями переданных им публичных функций.

В отличие от иных некоммерческих организаций, СРО обязаны обеспечивать функционирование механизмов внутреннего контроля, прозрачность деятельности своих членов, а также защиту интересов потребителей и иных участников гражданского оборота. Ненадлежащее исполнение данных обязанностей способно повлечь негативные последствия не только для отдельных субъектов, но и для целых сегментов экономики.

Следовательно, административная ответственность СРО носит комплексный характер, сочетая карательный и превентивный элементы, и выступает средством стимулирования развития эффективных механизмов самоконтроля в рамках профессионального сообщества.

3. Основания административной ответственности саморегулируемых организаций

Административная ответственность СРО наступает за нарушение установленных законодательством обязанно-

стей, связанных с реализацией ими публичных функций. К числу наиболее значимых оснований относятся:

1. Нарушение порядка осуществления контроля за деятельностью членов СРО.

СРО обязаны проводить проверки, анализировать соблюдение стандартов и правил, а также принимать меры по устранению выявленных нарушений. Формальный характер данных процедур рассматривается как ненадлежащее исполнение публичных функций.

2. Несоблюдение требований к формированию и использованию компенсационных фондов.

Компенсационные фонды предназначены для обеспечения имущественной ответственности членов СРО перед третьими лицами. Нарушения порядка их формирования или расходования подрывают доверие к институту саморегулирования.

3. Непредставление либо несвоевременное представление обязательной информации в государственные органы.

Информационная открытость является необходимым условием публичной подотчётности СРО.

4. Нарушение требований к ведению реестров членов СРО.

Реестры имеют публичное значение, поскольку позволяют определить правомерность осуществления субъектом определённого вида деятельности.

5. Нарушение установленного порядка рассмотрения жалоб и обращений.

Игнорирование обращений потребителей и иных заинтересованных лиц свидетельствует о формальном характере саморегулирования.

Характерной особенностью ответственности СРО является то, что она нередко наступает не в связи с причинением прямого имущественного вреда, а вследствие ненадлежащей организации контрольной деятельности. Значительная часть правонарушений выражается в бездействии либо формальном исполнении возложенных обязанностей.

4. Основные проблемы правоприменения

4.1. Неопределённость объёма обязанностей СРО

Законодательство закрепляет лишь общие рамки деятельности СРО, тогда как конкретные процедуры контроля, периодичность проверок и критерии оценки нарушений нередко определяются внутренними документами самих организаций. Это приводит к существенным различиям в подходах различных СРО и затрудняет формирование единообразной практики привлечения к административной ответственности.

4.2. Формализация внутреннего контроля

На практике контроль со стороны СРО нередко сводится к сбору отчётных документов без реальной оценки деятельности членов. Подобный подход не обеспечивает своевременного выявления нарушений и предупреждения причинения вреда.

4.3. Конфликт интересов

Зависимость органов управления СРО от крупнейших участников рынка может негативно сказываться на объективности дисциплинарных процедур и снижать доверие к институту саморегулирования.

4.4. Сложности доказывания

Для привлечения СРО к административной ответственности требуется установить факт ненадлежащего осуществления контроля. Однако критерии достаточности и эффективности контрольных мероприятий нормативно определены недостаточно чётко, что усложняет процесс доказывания.

5. Судебные подходы к оценке деятельности СРО

Судебная практика постепенно формирует подход к СРО как к субъектам, осуществляющим публично значимые функции. В связи с этим к ним предъявляются повышенные требования в части добросовестности, разумности и эффективности осуществляемого контроля.

Суды исходят из следующих позиций:

формальное наличие внутренних документов не свидетельствует о надлежащем исполнении обязанностей;

СРО должна подтверждать фактическое проведение контрольных мероприятий;

бездействие СРО может квалифицироваться как нарушение публичных обязанностей;

при оценке деятельности СРО учитывается степень риска причинения вреда третьим лицам.

Судебная практика усиливает публично-правовую составляющую статуса СРО и расширяет пределы их юридической ответственности.

6. Цифровизация и трансформация механизмов контроля

Развитие цифровых технологий оказывает существенное влияние на деятельность СРО. Использование электронных реестров, дистанционных форм проверок и автоматизированных систем отчётности способствует повышению прозрачности и оперативности контроля. Вместе с тем отсутствие единых стандартов цифрового взаимодействия создаёт риски фрагментации правового регулирования.

Недостаточная урегулированность вопросов хранения и обработки цифровых данных, а также различия в уровне

технического оснащения СРО могут снижать эффективность контроля и затруднять подтверждение факта надлежащего исполнения обязанностей.

7. Направления совершенствования правового регулирования

По результатам проведённого анализа представляется целесообразным:

закрепить на федеральном уровне минимальные стандарты внутреннего контроля СРО;

установить требования к организационной и функциональной независимости дисциплинарных органов;

внедрить единые цифровые форматы ведения реестров и представления отчётности;

конкретизировать составы административных правонарушений СРО в КоАП РФ;

разработать методические рекомендации по оценке эффективности внутреннего контроля.

Заключение

Административная ответственность саморегулируемых организаций является важным элементом механизма публичного регулирования предпринимательской деятельности. Несмотря на формально негосударственный статус, СРО выполняют функции, имеющие существенное значение для защиты прав потребителей и обеспечения безопасности экономической деятельности.

Действующее правовое регулирование не в полной мере учитывает специфику их статуса и характера выполняемых функций, что обуславливает неоднозначность правоприменительной практики и снижает эффективность института саморегулирования. Совершенствование законодательства должно быть направлено на повышение прозрачности деятельности СРО, укрепление независимости их контрольных механизмов и развитие единых цифровых стандартов.

Реализация указанных направлений позволит повысить доверие к институту саморегулирования, усилить результативность административно-правовых механизмов защиты публичных интересов и обеспечить более устойчивое развитие предпринимательской среды.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.
3. Федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях».
4. Градостроительный кодекс Российской Федерации.
5. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».
6. Бахрах Д. Н. Административное право России. — М.: Норма.
7. Конин Н. М. Административное право Российской Федерации. — М.: Юрайт.
8. Старилов Ю. Н. Административное право: современная теория. — М.: Норма.

9. Научные публикации по проблемам саморегулирования в юридических журналах Российской Федерации.
10. Судебная практика Верховного Суда РФ и арбитражных судов по спорам, связанным с деятельностью саморегулируемых организаций.

Проблемы доказывания и процессуальные особенности привлечения предпринимателей и саморегулируемых организаций к административной ответственности

Власов Вячеслав Михайлович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Введение

Административная ответственность в сфере предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций (далее — СРО) занимает особое место в системе публично-правового регулирования экономики. Её применение осуществляется в условиях усложнения хозяйственных процессов, расширения сферы технического регулирования, активной цифровизации и постоянного увеличения объёма обязательных требований. В связи с этим особое значение приобретает не только материально-правовая характеристика составов административных правонарушений, но и процессуальный механизм доказывания, от которого напрямую зависит законность и обоснованность привлечения к ответственности.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что значительное количество постановлений о привлечении предпринимателей и СРО к административной ответственности отменяется по процессуальным основаниям. К числу наиболее распространённых причин относятся недопустимость доказательств, нарушения порядка проведения контрольных мероприятий, несоблюдение процедур фиксации правонарушений, а также отсутствие надлежащей оценки вины привлекаемых лиц. Указанные обстоятельства свидетельствуют о наличии системных проблем правоприменения.

Цель настоящей статьи заключается в исследовании особенностей доказывания по делам об административных правонарушениях в сфере предпринимательской деятельности и функционирования СРО, выявлении типичных процессуальных нарушений и формулировании предложений по совершенствованию правового регулирования.

1. Доказывание в делах об административных правонарушениях: общая характеристика

В соответствии со ст. 26.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) по делу подлежат установлению событие административного правонарушения, лицо, совершившее противоправные действия (бездействие), вина данного лица, обстоятельства, смягчающие или отягчающие от-

ветственность, характер и размер причинённого вреда, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Специфика дел, связанных с предпринимателями и СРО, заключается в том, что предмет доказывания зачастую включает сложные технические, финансовые и организационные элементы, требующие специальных знаний и привлечения экспертов. Кроме того, значительная часть составов административных правонарушений в данной сфере носит формальный характер, в связи с чем акцент переносится с последствий на сам факт нарушения обязательных требований.

2. Специфика доказывания в отношении предпринимателей

2.1. Установление статуса субъекта предпринимательской деятельности

В ряде категорий дел ключевое значение имеет подтверждение факта осуществления лицом предпринимательской деятельности. Судебные органы при решении данного вопроса учитывают систематичность действий, их направленность на извлечение прибыли, самостоятельность и риск осуществляющей деятельности.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.10.2006 № 18 разъяснено, что при квалификации деяний по ст. 14.1 КоАП РФ необходимо устанавливать наличие признаков предпринимательской деятельности, а не ограничиваться констатацией единичных фактов оказания услуг либо выполнения работ. Недостаточность доказательств систематичности деятельности нередко влечёт отмену постановлений административных органов.

2.2. Доказывание вины юридического лица и индивидуального предпринимателя

Согласно ст. 2.1 КоАП РФ юридическое лицо признаётся виновным в совершении административного правонарушения, если установлено, что у него имелась возможность для соблюдения установленных правил и норм,

однако им не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению.

В этой связи суды при рассмотрении дел анализируют наличие внутренних регламентов, систему внутреннего контроля, принимаемые меры по предупреждению нарушений, а также реакцию организации на выявленные недостатки. Отсутствие надлежащей оценки указанных обстоятельств может рассматриваться как существенное процессуальное нарушение.

3. Особенности доказывания по делам, связанным с деятельностью СРО

3.1. Установление факта ненадлежащего контроля со стороны СРО

Административная ответственность СРО в большинстве случаев связана не с активными противоправными действиями, а с бездействием, выражаящимся в не осуществлении должного контроля за деятельностью своих членов.

В Определении Верховного Суда Российской Федерации от 22.06.2023 № АКПИ23-35 указано, что СРО, выполняя публично значимые функции, обязаны обеспечивать реальность и эффективность контрольных процедур. Формальное существование контрольных механизмов без их фактической реализации не может рассматриваться как надлежащее исполнение обязанностей.

В целях доказывания ненадлежащего контроля надзорные органы представляют документы о проведённых проверках, сведения о поступивших жалобах и порядке их рассмотрения, материалы дисциплинарных производств, а также данные о фактическом применении мер воздействия.

3.2. Оценка стандартов и правил СРО

В правоприменительной практике нередко возникает вопрос о соответствии внутренних стандартов СРО обязательным требованиям законодательства. Суды исходят из того, что стандарты СРО не могут снижать уровень безопасности или качества, установленный нормативными правовыми актами. При этом обязанность доказать наличие противоречий и их юридическую значимость возлагается на административный орган.

4. Допустимость и оценка доказательств

4.1. Материалы контрольных (надзорных) мероприятий

Вступление в силу Федерального закона № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» усилило требования к процессуальной форме проведения проверок. Существенные нарушения установленного порядка проведения

контрольных мероприятий могут повлечь признание полученных доказательств недопустимыми.

Судебные органы оценивают наличие законных оснований для проведения проверки, соблюдение сроков и процедур уведомления проверяемого лица, полномочия должностных лиц, а также корректность оформления процессуальных документов. Нарушение указанных требований способно повлечь исключение соответствующих доказательств из материалов дела.

4.2. Электронные доказательства

Цифровизация экономической деятельности обуславливает широкое использование электронных доказательств, включая данные информационных систем, электронные журналы, сведения онлайн-касс и цифровые реестры СРО.

Суды признают такие доказательства допустимыми при условии подтверждения их подлинности, целостности и принадлежности конкретному субъекту. Отсутствие надлежащего процессуального оформления осмотра электронных носителей либо технических пояснений относительно способов получения информации может поставить под сомнение достоверность соответствующих сведений.

5. Процессуальные гарантии предпринимателей и СРО

5.1. Реализация права на защиту

Статья 25.1 КоАП РФ закрепляет право лица, привлекаемого к административной ответственности, знакомиться с материалами дела, представлять доказательства, заявлять ходатайства и пользоваться юридической помощью. Нарушение указанных гарантий является самостоятельным основанием для отмены вынесенных постановлений.

Судебная практика исходит из недопустимости рассмотрения дела в отсутствие надлежащего извещения лица, ограничения возможности представления объяснений и доказательств, а также формального рассмотрения заявленных ходатайств.

5.2. Соблюдение сроков давности

Для ряда административных правонарушений в сфере предпринимательской деятельности установлены специальные сроки давности привлечения к ответственности. Ошибки в их исчислении либо нарушение порядка прощения сроков могут повлечь прекращение производства по делу.

6. Типичные процессуальные нарушения административных органов

Обобщение судебной практики позволяет выделить наиболее распространённые ошибки, допускаемые при производстве по делам рассматриваемой категории:

недостаточность доказательств вины юридического лица либо СРО;

формальный характер проведённых проверок без фиксации конкретных нарушений;

несоблюдение установленного порядка проведения контрольных мероприятий;

использование доказательств, полученных с нарушением закона;

игнорирование доводов и доказательств, представленных привлекаемым лицом.

Наличие указанных нарушений свидетельствует о необходимости повышения качества административного производства и уровня профессиональной подготовки должностных лиц контрольных органов.

7. Направления совершенствования правового регулирования

В целях повышения эффективности и справедливости привлечения предпринимателей и СРО к административной ответственности представляется целесообразным:

разработать и внедрить единые методические стандарты доказывания для контрольных органов;

расширить использование цифровых средств фиксации правонарушений при одновременном нормативном закреплении процессуальных гарантит их применения;

конкретизировать в КоАП РФ критерии оценки вины юридических лиц и СРО;

усилить требования к мотивированной части постановлений по делам об административных правонарушениях;

разивать судебные разъяснения по вопросам доказывания в сфере предпринимательской деятельности.

Заключение

Доказывание по делам об административных правонарушениях в сфере предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций представляет собой сложный и многоаспектный процесс, требующий обеспечения баланса между публичными интересами и защитой прав хозяйствующих субъектов.

Правоприменительная практика свидетельствует о том, что именно процессуальные нарушения чаще всего становятся основанием для отмены постановлений о привлечении к административной ответственности. Данное обстоятельство указывает на необходимость дальнейшего развития административного законодательства не только в направлении уточнения материально-правовых обязанностей бизнеса и СРО, но и в части укрепления процессуальных гарантит, стандартизации доказывания и повышения качества административного производства.

Совершенствование указанных механизмов будет способствовать обеспечению справедливости административного преследования, укреплению доверия к институтам государственного контроля и формированию более предсказуемой правовой среды для осуществления предпринимательской деятельности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.
3. Федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях».
4. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.2001 № 7-П.
6. Определение Верховного Суда РФ от 22.06.2023 № АКПИ23-35.
7. Бахрах Д. Н. Административное право России.
8. Старилов Ю. Н. Административное право: современная теория.

Основные признаки злоупотребления процессуальными правами

Волкова Валерия Александровна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье рассматриваются проблемы, касающиеся злоупотребления правом в гражданском процессе. На основе судебной практики проводится анализ, по результатам которого формулируются предложения по устранению некоторых выявленных проблем.

Ключевые слова: злоупотребление правом, гражданский процесс, негативные последствия, правосудие, отказ в удовлетворении иска.

Basic signs of abuse of procedural rights

This article examines issues related to abuse of rights in civil proceedings. Based on judicial practice, an analysis is conducted, resulting in proposals for addressing some of the identified problems.

Keywords: abuse of rights, civil proceedings, negative consequences, justice, dismissal of a claim.

Злоупотребление правом является в настоящее время мало исследуемым и малоизученным явлением. В некоторых отраслях права отсутствуют нормы о запрете злоупотребления правом, не содержится исчерпывающий перечень видов злоупотребления участниками процессуальными правами, отсутствует выработанная система по привлечению участников процесса к ответственности.

Все чаще суды сталкиваются с проблемой недобросовестного поведения сторон, в том числе их представителей, что также обуславливает актуальность затронутой темы, в рамках отсутствия должного нормативного регулирования этой важной составляющей в системе осуществления правосудия [1].

Злоупотребление правом, безусловно, носит негативный характер. Раскрывая значения понятия «злоупотребление процессуальными правами» можно сформулировать следующую мысль, которая будет наиболее полно охватывать сущностную характеристику этого явления: злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве выражается в использовании стороной процесса своих процессуальных прав не в соответствии с их назначением и целью, что приводит к нарушению принципов добросовестности и разумности, а также использовании участниками судебного разбирательства процессуальных средств для достижения целей, противоречащих интересам правосудия.

Злоупотребление процессуальными правами может выражаться в активной форме (действиях) и пассивной форме (бездействии). В результате злоупотребления сторонами своими процессуальными правами нарушается баланс интересов сторон и подрывается эффективность судебной системы.

Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве остаётся актуальной проблемой, которая затрагивает как участников процесса, так и саму судебную систему.

Анализ причин и форм такого злоупотребления показывает, что оно нередко связано с попытками затянуть судебное разбирательство, оказать давление на противоположную сторону или получить незаконные преимущества. Эти действия наносят ущерб не только отдельным лицам, но и обществу в целом, подрывая доверие к правосудию и увеличивая сроки рассмотрения дел.

Рассмотрим некоторые примеры злоупотребления процессуальными правами. Так, из Постановления Третьего арбитражного апелляционного суда от 16.01.2023 по делу № А33-30882/2022 следует, что заказчик имел задолженность перед подрядчиком в размере 545 000 рублей [2].

По мнению подрядчика, требования были бесспорными и могли соответствовать условиям выдачи судебного приказа, хотя сумма превышала допустимый лимит. На тот момент в рамках приказного производства рассматривались задолженности до 500 000 рублей.

Тем не менее подрядчик решил воспользоваться процедурой приказного производства и подал заявление о выдаче судебного приказа на сумму 45 000 рублей. Вследствие чего, суд отказал в выдаче судебного приказа. Было установлено, что истец действовал недобросовестно, искусственно разделяя свои требования для взыскания долга частями. Такое поведение расценивается как злоупотребление правом, поэтому суд счёл возможным отказать в предоставлении судебной защиты.

Другим же примером будет являться повторное заявление отвода судье без наличия на то оснований. Согласно Постановлению АС Западно-Сибирского округа от 14.03.2023 № Ф04-811/2021 по делу № А45-42079/2019 понятно, что в ходе судебного разбирательства ФИО5 заявил отвод судье, мотивируя это тем, что судья знаком с его оппонентом ещё со времён учёбы в одном университете, и потому несправедливо защищает интересы последнего. Ходатайство было отклонено [3].

Существуют и иные способы злоупотребления процессуальными правами.

Так попытки повторного пересмотра обстоятельств по аналогичным требованиям по тому же предмету в качестве повторного пересмотра обстоятельств по ранее принятым судами решениям, что не предусмотрено ГПК РФ и является злоупотреблением правом.

Гражданин обратился в суд с иском к ГУ МЧС России по г. Москве о признании правопреемником, возложении обязанности признать незаконным отказ ГУ МЧС России по г. Москве и выдать копии документов, связанных с его работой, взыскании компенсации за потерю времени. Решением Подольского городского суда Московской области (суда первой инстанции) было отказано в удовлетворении исковых требований. Решение суда первой инстанции было оставлено без изменения судом апелляционной инстанции. После этого гражданин обратился с кассационной жалобой.

Первый кассационный суд общей юрисдикции указал, что требования гражданина уже были ранее рассмотрены Подольским городским судом Московской области, документы были ему предоставлены, своим правом истец воспользовался, при этом, повторное обращение с аналогичными требованиями по тому же предмету не образует обязанности у работодателя на предоставление документов.

Кроме того, заявленные требования, по сути, являются попыткой повторного пересмотра обстоятельств по ранее принятым решениям суда, что не предусмотрено гражданским процессуальным законодательством Российской Федерации, а с учетом неоднократности обращений с аналогичными требованиями по ранее рассмотренным делам, суд расценил такие действия гражданина (истца), как злоупотребление своим правом, в соответствии со ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, и пришел к выводу об обоснованности отказа в удовлетворении иска [4].

Впоследствии участник процесса продолжал подавать подобные заявления на каждом последующем заседании, ссылаясь на ту же причину. Судья не только отказывался удовлетворить эти заявления, но и наложил на заявителя судебный штраф. Участник решил оспорить штраф. В связи с чем, штраф был признан законным.

Повторяющиеся необоснованные отводы судье указывают на злоупотребление правом. Такие действия направлены не на защиту прав участника процесса, а на подрыв авторитета судебной власти, что выражает неуважение к суду.

Также можно выделить проблему злоупотребления правами сторон в виде необоснованных запросов на отсрочку судебного заседания, что может существенно затянуть процесс и усложнить его разрешение. Это может быть связано с намеренным неявкой на судебные заседания, не предоставлением необходимых документов или запросов об отводе судьи [5].

В ГПК РФ за лицами, участвующими в деле закреплено право заявлять ходатайства, и возражать относительно ходатайств. Однако не закреплено, в каком количестве указанное право может быть реализовано.

Данный пробел, по нашему мнению, дает дополнительную возможность недобросовестным лицам злоупотреблять предоставленным им процессуальным правом, нанося вред другим участникам судебного процесса. Внедрение указанных изменений в ГПК РФ создаст, на наш взгляд, наиболее благоприятные условия, направленные на: реализацию конституционных прав граждан и организаций; и их более эффективную судебную защиту; обеспечение принципа доступности правосудия по гражданским; правомерное и своевременное рассмотрение судами гражданских дел; значительное снижение количества необоснованных исковых заявлений.

Несмотря на серьёзность проблемы, законодательство и судебная практика постепенно адаптируются к новым вызовам. Вводятся новые правовые механизмы, направленные на борьбу с злоупотреблением процессуальными правами, такие как наложение штрафов, взыскание компенсаций за потерянное время и другие санкции. Также повышается роль судей в оценке добросовестности участ-

ников процесса и принимаются меры по улучшению правовой грамотности населения.

Тем не менее, для эффективной борьбы с злоупотреблением процессуальными правами необходимы дальнейшие шаги. Важнейшими направлениями работы остаются совершенствование законодательства, усиление контроля за соблюдением процессуальной дисциплины и развитие альтернативных методов разрешения споров, таких как медиация. Кроме того, важно продолжать работу над повышением правовой культуры и профессиональной этики среди участников процесса.

Только комплексное и систематическое решение указанных задач позволит существенно снизить уровень злоупотребления процессуальными правами и повысить качество и эффективность гражданского судопроизводства.

В целях совершенствования законодательства в рассматриваемой сфере считаем необходимым разработать отдельную главу в ГПК РФ, где законодатель даст четкое определение понятию «злоупотребление процессуальным правом», его признаки, виды, формы и меры гражданской процессуальной ответственности в случаях их применения.

Статью 35 ГПК РФ, необходимо дополнить следующим положением: «Использование процессуальных прав с целью срыва судебного заседания, увеличения срока судебного разбирательства, затягивания рассмотрения дела, а также иное недобросовестное действие (бездействие) при использовании процессуальным правом — не допускается» [6].

Безусловно, злоупотребление процессуальными правами следует отнести к правонарушениям в гражданском процессе, поскольку лица, допускающие недобросовестное поведение при осуществлении своих прав и обязанностей при осуществлении судебного разбирательства и отправления правосудия, нарушают положения ст.ст. 10, 35 ГПК РФ [7].

В связи с этим нельзя не согласиться с мнением преподавателя кафедры Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) Е. С. Хохлова, который отмечает, что «злоупотребление правом — это особый вид гражданского правонарушения и его следует отличать от других правонарушений» [8].

Как представляется, устранению существующих противоречий в оценке фактов злоупотребления процессуальными правами в значительной мере способствовала бы реализация унифицированного подхода к решению данной проблемы в процессуальном законодательстве, а также формирование Верховным Судом РФ соответствующей судебной правовой позиции, которая должна отразить признаки злоупотребления права, обозначить возможные формы его проявления, а также определить возможные последствия его совершения.

Литература:

1. Князева А. А. К вопросу о злоупотреблении процессуальными правами в гражданском процессе // Право и общество. 2024. № 3 (16). С. 41–44.

2. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 16.01.2023 по делу № А33-30882/2022 // <https://sudact.ru/arbitral/doc/KThVh6qNYaog/> (дата обращения 16.01.2026).
3. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 14.03.2023 № Ф04-811/2021 по делу № А45-42079/2019 // <https://sudact.ru/arbitral/doc/DdAX18pmUw1Y/> (дата обращения 16.01.2026).
4. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12.07.2022 по делу № 8Г-15114/2022. // СПС Гарант [Электронный ресурс]: справочно-правовая система / Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения 16.01.2026).
5. Толчина Т. Е. Проблемы в сфере злоупотреблениями процессуальными правами в гражданском судопроизводстве // Вестник науки. 2024. Т. 2. № 3 (72). С. 135–140.
6. Муртазаева С. Р., Худоба В. Н. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском процессе // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях. Сборник статей по результатам II Международной научно-практической конференции, посвященной празднованию 10-летней годовщины воссоединения Крыма с Российской Федерацией. Симферополь, 2024. С. 229–235.
7. Хохлов Е. С. Соотношение понятий «злоупотребление доминирующим положением» и «злоупотребление правом» // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. № 9. 2023. С. 43–47.

Ретроспективный анализ работы органов публичной власти по рассмотрению обращений граждан в России

Жерновая Марьяна Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Каплунов Андрей Иванович, доктор юридических наук, профессор
Санкт-Петербургский университет МВД России

В статье проведен анализ становления и развития работы органов публичной власти по рассмотрению обращений граждан в России. Исследованы основные правовые источники, регламентирующие основания, порядок, права и обязанности органов публичной власти по рассмотрению обращений от граждан. Показана постепенная детализация порядка рассмотрения обращений граждан уполномоченными на это должностными лицами, введение сроков и ответственности. Сделан вывод, что только путем закрепления конституционного права граждан на обращение в органы публичной власти можно говорить об окончании становления системы работы органов публичной власти по рассмотрению обращений граждан

Ключевые слова: обращения граждан, становление, развитие, органы публичной власти.

В современных условиях особое значение для реализации государством своей обязанностей по защите и гарантированию прав и свобод человека и гражданина играет своевременное и полное рассмотрение обращений граждан. Именно обращение граждан выступает одним из основных способов взаимодействия институтов гражданского общества и государства. Исторический анализ работы органов публичной власти по рассмотрению обращений граждан в России позволит указать на предпосылки его становления, способы выстраивания механизмов реагирования на обращения граждан.

Ретроспектива работы органов публичной власти по рассмотрению обращений граждан свидетельствует о том, что данный институт существует достаточно давно. Понятие « обращение » в российской истории тесным образом связано с понятием «челобитная», «жалобница» [5].

Так, в Судебнике 1497 года впервые было закреплено право обращения во все органы государственной власти, в том числе великому князю. Отсутствовала потребность конкретизации содержания обращения населения. Каждый был вправе обратиться к любому государствен-

ному лицу для дачи ему пояснений и разрешения имеющихся проблем [4, с. 7]. Однако уже в Судебнике Ивана IV 1550 года были регламентированы условия, основания для обращения в органы публичной власти. Исключалось обращение крестьян напрямую к великому князю. Одной из причин такого запрета стало создание специального органа по рассмотрению обращений (челобитных) — Челобитная изба [6, с. 127].

В Соборном уложении 1649 года уже определялся механизм, согласно которому население могло обратиться в специальные органы власти с челобитной, жаловницей, как на государевых лиц, так с имеющейся проблемой [7, с. 140]. Одновременно с этим, в Соборном уложении определялся порядок работы органов власти по рассмотрению таких обращений и ответственность недобросовестных челобитных.

Следующий этап развития института обращения граждан в России связан с правлением Петра I. Именно в указанный период времени существенным образом детализировался порядок рассмотрения обращения граждан, появились новые органы, уполномоченные на рассмотрение

трение, а также осуществляющие контроль за полнотой такого рассмотрения. Появились новые подходы к делопроизводству: написание обращений исключительно на гербовой бумаге, замена оформления документов на столбцах тетрадями, обязательность учета обращений и др.

В свою очередь Указом от 27 апреля 1722 г. «О должности Сената» была конкретизирована работа с челобитными. Указ предписывал порядок рассмотрения жалоб в Сенат.

С 1720 г. порядок рассмотрения различных дел по челобитьям и делопроизводство в коллегиях и губернских канцеляриях стало подчиняться Генеральному регламенту. В нем представлены требования о документировании всех управлеченческих решений, впервые были определены сроки рассмотрения челобитных, определен порядок доклада по челобитьям, прописывался порядок участия челобитчика в процессе рассмотрения его челобитной, четко прописывался порядок, согласно которому должна была иметься книга, в которую должны были прописывать все челобитные с приложенными к ним документами [4, с. 29].

Екатерина II установила новые правила составления жалоб, по которым было предписано писать «прошения» и «жалобницы» вместо употреблявшихся до этого «челобитен». Павел I сделал доступной для любого подданного возможность письменно обратиться к царю [4, с. 49-61].

Таким образом к началу XIX века были созданы необходимые предпосылки для регистрации каждого обращения от подданного Российской Империи, определения подведомственности их рассмотрения, выделения двух видов обращений граждан, связанных с жалобой на работу действующих органов власти, других лиц и прошений, то есть инициатив по совершенствованию работы, потребности получения дополнительных прав, благ и др. Одновременно с этим, Российский Император также стал выступать в качестве субъекта рассмотрения обращений граждан.

Следующий этап развития работы органов публичной власти с обращениями граждан связан с XIX и началом XX веков. В начале XIX века была проведена административная реформа, по результатам которой создана система Министерств. В 1810 году создан Государственный Совет. В структуре данного Совета действовала специализированная служба — Комиссия прошений, занимающаяся приемом, регистрацией, распределением и контролем за рассмотрением обращений граждан [3, с. 395]. Была также введена ответственность государственных чиновников за нерегистрацию и нерассмотрение обращений.

На протяжении последующих нескольких десятилетий на уровне высших органов государственной власти создавались новые службы, занимающиеся получением, изучением и контролем за рассмотрением обращений граждан. С этого периода времени институт обращений граждан стал выполнять еще одну функцию — аналитическую. На основании анализа поступающих обращений составлялся

отчет о состоянии в той или иной сфере с последующим докладом Императору.

В представленном виде структура органов публичной власти Российской Империи действовала вплоть до 1917 года. С советского периода государственности вся правовая система Российской Империи перестала действовать. Все это касалось и института рассмотрения обращений.

Одним из первых правовых документов, касающихся порядка обращений граждан в органы советской власти, стало Постановление СНК РСФСР от 6 декабря 1917 г. «Об упразднении Канцелярии для принятия прошений при Временном правительстве». Этим постановлением было определено, что граждане РСФСР должны обращаться с жалобами и прошениями в создаваемые советские административные и судебные органы. 8 ноября 1918 г. Постановление VI чрезвычайного Всероссийского съезда Советов «О точном соблюдении законов» установило правовую обязанность всех должностных лиц и учреждений РСФСР принимать обращения от любого гражданина республики, желающего обжаловать их действия.

В апреле 1919 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли совместный Декрет «О государственном контроле», согласно которому Наркомату государственного контроля поручалось наблюдать и контролировать работу по обращениям граждан. Таким образом, с одной стороны, обращения граждан стали направляться в первую очередь в создаваемые на местах органы исполнительной и судебной власти, а с другой стороны, на высшем государственном уровне обеспечивался контроль за работой органов публичной власти на местах. Такой контроль реализовывался на основании повторных обращений, проверок на местах, прямого обращения в высшие органы власти.

Постановление ВЦИК от 1 июля 1934 г. «Об упорядочении дела рассмотрения и разрешения жалоб» определило порядок приема обращений, их направление и рассмотрение в исполнительных комитетах и советах [8]. Данное положение указывает на тенденцию повышения эффективности рассмотрения обращений граждан, ухода от волокиты, оперативного реагирования на возникающие причины обращения граждан. Особенно это касалось отдельных категорий населения, в частности, военнослужащих Красной Армии.

В Постановлении ЦИК СССР от 14 декабря 1935 г. «О положении дел с разбором жалоб трудящихся» впервые подробно были прописаны правила работы с обращениями граждан [4 с. 112-126]. Все это проявлялось в: принципах делопроизводства, рассмотрения обращений граждан, порядке распределения между органами государственной власти, сроков рассмотрения, а также специфики учета и ответственности должностных лиц за неполноту рассмотрения и граждан, представивших ложную информацию.

Принятая в 1977 г. Конституция СССР впервые в истории советского общества провозгласила конституционное право граждан «вносить в государственные органы и общественные организации предложения об улучшении

их деятельности, критиковать недостатки в работе» [9]. Конституционное закрепление права граждан на обращения в органы власти, в том числе с критикой их работы, явилось следствием реализации принципа соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина в СССР.

Президиум Верховного Совета СССР 4 марта 1980 г. утвердил новую редакцию Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 г. «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан». На основании внесенных изменений органы публичной власти были обязаны создавать необходимые условия для обращения граждан. Иными словами, органы государственной власти должны были быть открыты для обращения граждан, последние должны быть осведомлены о компетенции конкретного органа власти, обеспечить возможность не только письменного обращения, но и личного приема [4, с. 133-144].

В 1950–1980 гг. в работе с обращениями граждан были достигнуты существенные успехи, в том числе анализ по обращениям граждан, унифицированные формы документов, предельные сроки рассмотрения обращений, кроме понятия «жалоба», были закреплены такие виды обращений как «заявление» и «предложение». Такая детализация позволила обеспечить распределение нагрузки и уровня задействованных ресурсов для рассмотрения обращений граждан, определение компетентного органа и должностного лица по рассмотрению обращения.

Следующий (современный) этап работы органов публичной власти в России связан с принятием Конституции Российской Федерации 1993 года, закрепившей основные права, свободы человека и гражданина и принципы деятельности органов государственной власти по рассмотрению обращений граждан. Была закреплена система органов государственной власти, определены основные полномочия высших органов государственной власти. Так, в статье 33 Конституции Российской Федерации установлено право граждан на обращение, что с формально-юридической точки зрения ставило право на обращение в один ряд с основными конституционными правами граждан.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: офиц. текст: принятая Всеноародным голосованием 12 декабря 1993 г. (ред. от 6 октября 2022 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210060013> (дата обращения: 14.03.2025).
2. Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 № 59-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 8 мая 2006 г. № 19 ст. 2060.
3. Данилевский И. Н. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории: учебное пособие для студентов вузов / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. — М., 2000. — 553 с.
4. Кабашов С. Ю. Организация работы с обращениями граждан в истории России / С. Ю. Кабашов. — М., 2010. — 304 с.
5. Качалкин А. Н. Название допетровских деловых текстов / А. Н. Качалкин // Русская речь. — 2002. — № 2. — С.34.
6. Мельникова Н. В. Становление института обращения граждан в российском государстве / Н. В. Мельникова // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации, 2018. — № 5. — С. 127-130.

Вплоть до принятия Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 № 59-ФЗ [2] в России продолжал действовать ряд нормативных правовых актов, принятых еще в советский период. Однако с 2006 года выстроилась полноценно современная модель работы органов публичной власти по рассмотрению обращений граждан.

Таким образом, ретроспективный анализ работы органов публичной власти с обращениями граждан в России позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, прообразом понятия «обращение» стали такие понятия, как «челобитная», «жаловница», «прощение», раскрывающие сущность взаимодействия органов публичной власти с населением. Зарождение института обращений граждан относится к концу XV века, когда на законодательном уровне было закреплено право на обращение в любые органы с проблемами, вопросами и потребностью разъяснения. В период Петра I был создан первый орган, аккумулирующий поступающие обращения на уровне высших органов власти и контролирующий рассмотрение обращений на местах.

Во-вторых, с развитием системы органов государственной власти, распределением компетенций в XIX веке были выработаны единые подходы (принципы) к работе с рассмотрением обращений граждан, установлен алгоритм рассмотрения, а также реализации аналитической функции всего института рассмотрения обращения граждан.

В-третьих, в советский период была разработана новая законодательная база, которая устанавливала двухуровневую систему органов государственной власти, в частности, рассмотрение органами исполнительной и судебной власти обращений граждан, контроль полноты и законности рассмотрения на уровне высших органов государственной власти. Определены сроки рассмотрения, мера ответственности должностных лиц, рассматривающих обращения. На основании конституционного регулирования обращение граждан стало следствием реализации прав граждан на оценку и критику органов публичной власти и обязанности последних создания условий для обращения граждан в их адрес.

7. Миронов К. О. Право на обращение граждан в органы государственной власти: основные исторические предпосылки / К. О. Миронов // Молодой учёный. — 2023. — № 2 (449). — С. 140–145.
8. Собрание установлений РСФСР (СУ РСФСР). 1934. № 31. С. 182.
9. Конституция СССР: политico-правовые комментарии / под ред. Б.Н. Пономарева. М., 1982. С. 163.

Субъективные признаки разбоя

Жукова Анна Олеговна, студент магистратуры
Сибирский университет потребительской кооперации (г. Новосибирск)

В статье автор исследует субъективные признаки разбоя. Определена актуальность и необходимость исследования актуальных вопросов квалификации субъективных признаков разбоя. Уделено внимание признакам субъекта данного преступления. Подробно охарактеризована субъективная сторона разбоя и проблемные аспекты, возникающие в данной сфере.

Ключевые слова: разбой, нападение, субъект, субъективная сторона, вина, умысел.

Разбой в Российской Федерации продолжает оставаться одним из наиболее серьёзных преступлений против собственности и представляет значительный интерес для изучения в рамках уголовного права, и данная тема актуальна не только из-за высокой общественной опасности деяния, но и ввиду сложностей, связанных с его юридической квалификацией.

В современном российском обществе разбойные нападения представляют серьёзную угрозу безопасности граждан, а одной из важнейших проблем является чёткое разграничение разбоя с другими преступными деяниями, такими как кража и грабёж. В доктрине уголовного права подчёркивается, что разбой неразрывно связан с применением насилия или угрозой его применения при изъятии имущества у жертвы, однако же на практике выявление этих признаков нередко вызывает затруднения.

Не менее важным аспектом является анализ субъективной стороны преступления, его мотивов и намерений правонарушителя; для корректной юридической оценки содеянного необходимо учитывать не только внешние проявления деяния, но и внутреннее состояние преступника в момент совершения противоправного акта.

Актуальным остаётся и вопрос совершенствования законодательства в данной сфере, и при этом, некоторые эксперты выступают за ужесточение наказания за разбой, полагая, что это послужит эффективной превентивной мерой. Однако подобные инициативы требуют тщательного анализа с точки зрения соответствия принципам гуманности и справедливости.

Следовательно, углублённое изучение уголовно-правовых аспектов разбоя и проблем его квалификации имеет огромное значение для укрепления правового порядка в России, т. к. это способствует формированию действенной системы противодействия данному виду преступлений и обеспечивает надёжную защиту имущественных прав граждан от противоправных посягательств.

В уголовном праве особое внимание уделяется таким элементам состава преступления, как субъект и субъективная сторона, т. к. понимание этих категорий позволяет объективно оценить степень вины лица и определить справедливое наказание. Ведь суд, принимая во внимание все обстоятельства дела, опирается на эти элементы для вынесения обоснованного приговора.

Субъектом преступления выступает физическое лицо, которое достигло возраста уголовной ответственности и признано вменяемым, и тут следует подчеркнуть, что только человек может быть субъектом преступного деяния.

В соответствии с положениями Уголовного кодекса Российской Федерации [1] (статьи 20 и 21) лицо, совершившее разбой, должно соответствовать определённым критериям, и прежде всего, оно должно достигнуть возраста наступления уголовной ответственности — 14 лет, а также быть вменяемым. Специалисты в области права единодушны во мнении, что для признания лица субъектом разбоя необходимо одновременное наличие трёх условий: достижение установленного возраста, вменяемость и статус физического лица.

А. А. Пичугина выделяет ряд особенностей, которые позволяют охарактеризовать человека как субъект с определёнными психологическими качествами, а благодаря наличию интеллекта и свободы выбора человек способен принимать решения и проявлять индивидуальные психические черты. Чтобы считать его вменяемым, необходимо, чтобы он был в состоянии анализировать последствия своих действий, оценивать их потенциальную опасность для общества, держать под контролем своё поведение и правильно интерпретировать окружающую действительность, т. е. иными словами, человек должен быть способен к осмысленному самоанализу своих поступков. При этом степень зрелости личности нередко коррелирует с хронологическим возрастом человека [11, с. 326].

Э. Ф. О. Латифов подчёркивает «невозможность привлечения к уголовной ответственности без наличия опре-

деленных характеристик субъекта, даже если его вина в допущении преступления очевидна» [10, с. 420]. Чтобы квалифицировать деяние как разбой, требуется установить наличие у преступника прямого умысла, который не допускает трактовки случившегося как случайного или неумышленного события. Лицо, совершая подобные действия, отчётливо осознаёт, что применение агрессии или угроз может нанести вред здоровью или жизни другого человека, и намеренно использует этот факт для того, чтобы завладеть чужим имуществом, а подобные действия полностью соответствуют положениям статьи 25 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Психическое отношение преступника к собственному деянию формирует субъективную сторону преступления, т. к. она определяется через форму вины — умысел или неосторожность. Умысел, в свою очередь, может быть прямым или косвенным: в обоих случаях человек осознаёт опасность своих действий для общества и либо стремится к определённым последствиям, либо сознательно допускает их возможность.

В случае с разбоем важным аспектом выступает стремление к получению выгоды, и согласно статье 162 Уголовного кодекса Российской Федерации, преступление может быть квалифицировано как разбой лишь при наличии мотива незаконного овладения чужим имуществом, а если этот мотив отсутствует, правовая оценка содеянного меняется. Следовательно, для того чтобы привлечь человека к ответственности за разбой, необходимо не только доказать факт совершения противоправного действия, но и выявить корыстные мотивы, которые побудили злоумышленника к преступлению.

Н. Н. Артеменко под корыстью понимает «стремление к наживе, желание обратить имущество в свою пользу, либо пользу иных лиц» [7, с. 8].

Анализ материалов судебных разбирательств демонстрирует: в процессе судопроизводства обвиняемые нередко пытаются представить свои действия не как обусловленные стремлением к личной выгоде, а как продиктованные, скажем, неприязненными чувствами к потерпевшему. Однако практика рассмотрения дел свидетельствует о том, что подобные объяснения зачастую не выдерживают критики и не находят отклика у судей, будучи признанными недостаточно вескими.

Так, в результате судебного разбирательства было установлено, что обвиняемый виновен в совершении разбойного нападения, которое квалифицируется по статье 162 Уголовного кодекса Российской Федерации, т. к. преступник действовал с применением насилия, угрожавшего жизни и здоровью потерпевшего, а его конечной целью было незаконное овладение чужими ценностями.

В ходе нападения злоумышленник нанёс пострадавшему телесные повреждения, в том числе повредил органы слуха, и под угрозой продолжения насилия вынудил отдать мобильный телефон и иные личные вещи. В другом случае агрессор мощным ударом сбил человека с ног, а его соучастник, несмотря на попытки жертвы защититься,

сумел нанести травмы и завладеть её имуществом, но а после этого пострадавший был вынужден бежать.

Обосновывая свою позицию, суд не принял во внимание утверждения обвиняемого о том, что его действия были продиктованы личной неприязнью к жертвам, а не стремлением к материальной выгоде. Суды учили, что преступник настойчиво требовал передачи имущества и возможности свободно распоряжаться им, а также приняли во внимание другие имеющиеся доказательства [5].

В пункте 7 Постановления Пленума Верховного Суда № 29 акцентируется внимание на важности выяснения истинных намерений преступника в отношении чужой собственности при рассмотрении дел о преступлениях [3]. Судебная практика показывает, что иногда мотивы, побудившие человека к противоправным действиям, не связаны с корыстным желанием завладеть имуществом.

Например, согласно приговору Советского районного суда Новосибирской области от 08 мая 2019 г. по делу № 1-343/2018 [4], несколько лиц, объединившись и тщательно спланировав свои действия, совершили противоправное деяние — они завладели сельскохозяйственной продукцией и весами, которые были в собственности пострадавшего. Во время совершения преступления один из участников группы превысил договорённости; он нанёс удар потерпевшему в область лица, отчего тот испытал боль и упал, а когда пострадавший смог подняться, злоумышленник стал угрожать ему ножом, и эта угроза была воспринята как вполне реальная и способная привести к физическому вреду. После этого преступники погрузили похищенное в автомобиль, нанеся тем самым существенный ущерб пострадавшему.

В процессе судебного рассмотрения дела выяснилось, что ФИО1 и ФИО2 не стремились к присвоению имущества в классическом понимании. Суд пришёл к выводу, что их действия были направлены не на приобретение собственности, а на незаконное изъятие активов у владельца, что нарушает положения Гражданского кодекса Российской Федерации [1] о праве собственности. Преступники хотели добиться прекращения предпринимательской деятельности пострадавшего — в этом и заключалась их основная цель.

В научной среде преобладает точка зрения, что мотив и цель преступления тесно переплетены между собой, так в своих трудах Л. Ю. Ларина отмечает: цель преступления возникает на базе уже имеющегося мотива, который представляет угрозу для общества. Мотив, в свою очередь, служит движущей силой для достижения преступной цели, формируя тем самым психологическую взаимосвязь между ними [9, с. 11].

А. А. Зотов делает вывод о том, что «мотивация, являясь частью внутреннего аспекта преступного акта, подчеркивает важность стремления как неотъемлемой составляющей поступка человека. Это стремление отражается в конечных результатах его действий» [8, с. 23].

Есть мнение, что при совершении разбоя корыстный интерес далеко не всегда выступает единственной движи-

жущей силой, т. к. к примеру, когда речь идёт о тщательно спланированном преступлении, осуществлённом группой лиц, не каждый из участников действует исключительно из стремления получить материальную выгоду. А. А. Турышев в своих исследованиях обращал внимание на феномен «хищения в компании», подчёркивая, что подобные действия могут иметь и иные мотивы, помимо жажды наживы [12, с. 18].

В соответствии с положениями п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда № 29, в случае если разбойное нападение совершено группой лиц, заранее договорившихся о совместном преступлении, юридическая ответственность возлагается на всех участников без исключения. Речь идёт о ситуациях, когда один из соучастников непосредственно осуществляет захват имущества, а остальные создают для этого благоприятные условия и помогают в осуществлении преступного замысла; и подобные действия законодательно трактуются как соучастие в преступлении. И следовательно, при совершении противоправного деяния в рамках групповой схемы каждый из её участников подлежит ответственности, даже если его роль сводилась лишь к содействию в реализации преступного плана, а не к непосредственному захвату имуществом.

Принимая участие в коллективном хищении, индивид совершает ряд действий, направленных на поддержку и обеспечение успеха преступной схемы — например, помогает соучастникам, создаёт условия для совершения кражи, а это свидетельствует о наличии у него умысла, направленного на получение незаконной выгоды. Важно отметить, что корыстный мотив не всегда подразумевает желание завладеть чужим имуществом лично — он может заключаться и в стремлении передать похищенное третьим лицам.

Анализ судебной практики демонстрирует, что при установлении корыстной мотивации как основы преступного деяния суды нередко принимают во внимание факт

применения насилия в качестве средства для реализации незаконных целей.

Так, в результате судебного разбирательства лица, обозначенные как ФИО1 и ФИО2, были признаны виновными в совершении серьёзных противоправных деяний. Согласно вынесенному вердикту, в гараже они совершили нападение на пострадавшего: ФИО2 не давал жертве уйти, а ФИО1, угрожая ножом, принудил передать мобильный телефон и оформить документ о передаче прав на автомобиль, а чтобы замести следы преступления и не дать возможности разоблачить себя, ФИО1 лишил жизни потерпевшего после подписания документов [6].

Зашитная сторона выдвигала аргументы, утверждая, что действия обвиняемого были продиктованы не желанием обогатиться, а стремлением вернуть автомобиль матери, и по их мнению, имело место лишь превышение полномочий. Однако суд не нашёл эти доводы убедительными, т. к. для незаконного и безвоздмездного получения собственности было применено насилие, суд пришёл к выводу, что в основе преступления лежало желание получить личную выгоду.

Законодательство не даёт исчерпывающего перечня мотивов, которые могут побудить человека к совершению разбойного нападения, и независимо от того, что руководило преступником — желание отомстить, личная неприязнь или стремление повысить свою значимость в собственных глазах — важнейшим аспектом остаётся намерение завладеть чужим имуществом. Существенным обстоятельством является то, что такое деяние всегда связано с проявлением агрессии, будь то физическое насилие или угроза его применения.

Таким образом, субъективными признаками разбоя выступают вина в форме прямого умысла, и цель, которая направлена именно на хищение не принадлежащего субъекту имущества, для чего применяется опасное насилие или угроза такого насилия, независимо от побудительного мотива.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2003. — № 2.
4. Приговор Советского районного суда Новосибирской области от 08 мая 2019 г. по делу № 1-343/2018 — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/93uBg1CpXNJs/> (дата обращения: 28.01.2026).
5. Приговор Индустриального районного суда Пермской области от 11 сентября 2023 г. по делу № 1-397/2023. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ezQmm0hJkHQm/> (дата обращения: 28.01.2026).
6. Приговор Амурского областного суда от 07 февраля 2024 г. по делу № 2-1/2024 г. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/n0SMSLcsL7LC/> (дата обращения: 28.01.2026).
7. Артеменко Н. Н. Преступления против собственности: учебное пособие. — Москва: РГУП, 2024. — 96 с.
8. Зотов А. А. Значение мотива и цели в оценке субъективной стороны преступления в современном уголовном праве // Новизна. Эксперимент. Традиции. — 2021. — Т. 7. — № 1(13). — С. 23–28.
9. Ларина Л. Ю. Цель преступления: уголовно-правовое значение и соотношение с мотивом // Вестник Югорского государственного университета. — 2024. — Т. 20. — № 3. — С. 10–17.

10. Латифов Э. Ф. О. К вопросу об уголовно-правовой характеристики разбоя // StudNet. — 2020. — Т. 3. — № 9. — С. 420–427.
11. Пичугина А. А., Андрушенко А. В. Понятие субъекта преступления и его признаки // Молодой ученый. — 2022. — № 23(418). — С. 325–327.
12. Турышев А. А. Корыстный мотив преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2020. — № 4(79). — С. 17–21.

Столыпинская аграрная реформа и программа «Дальневосточный и Арктический гектар»: связь прошлого и настоящего

Заморухова Ольга Александровна, студент

Научный руководитель: Зазолина Елена Викторовна, старший преподаватель
Государственный университет «Дубна» (Московская область)

В настоящей статье рассматриваются правовые аспекты проведения и реализации аграрной реформы П. А. Столыпина, которая в дальнейшем оказала существенное влияние на формирование земельной политики государства начала XX века. На основе проведенного историко-правового анализа автором делается вывод, о наличии историко-правовой связи земельной реформы П. И. Столыпина и программы «Дальневосточный и Арктический гектар», реализуемой на сегодняшний день в России.

Ключевые слова: Столыпинская аграрная реформа, Дальневосточный и Арктический гектар, малоземелье крестьян, ликвидация сословных ограничений, Дальний Восток.

Формирование новой политики на Дальнем Востоке и Арктике базируется на историческом опыте предыдущих поколений. Важнейшим условием является учет национальных традиций и культурных особенностей региона. Из этого следует, что современная программа «Дальневосточный и Арктический гектар» имеет исторические аналоги, отражающие сходные причины и условия привлечения граждан для приобретения и освоения земель. Ввиду этого программа «Дальневосточный и Арктический гектар» можно рассматривать как исторический прецедент Столыпинской аграрной реформы, существовавший еще с XX века.

Важно отметить, что в российском обществе аграрный вопрос являлся актуальным на протяжении длительного времени [1, с.303]. Стремясь к установлению политики «успокоения», П. А. Столыпин в своей реформаторской деятельности стремился решать одни из наиболее острых проблем того времени, а именно, вопросы малоземелья крестьян, ликвидация сословных ограничений для всего населения и другие вопросы. Как П. А. Столыпин полагал, существование общины вело к застою в аграрной области и не позволяло развиваться крепким хозяйствам.

Следует отметить, что для прекращения революции и политического террора в середине 1906 г. начинают действовать военно-полевые суды, оперативно принимавшие строгие решения относительно лиц, замешанных в актах насилия. Осознавая ограниченность вышеуказанных мер, Столыпином разрабатывается аграрная реформа суть, которой заключается в проведении комплекса мероприятий, направленных на обеспечения порядка и процветания в стране. К основным целям, которые преследо-

вались П. А. Столыпиным для ее дальнейшей реализации относились: разрушение общины «сверху» и вывод крестьян на отруба и хутора, а также поощрение переселения малоземельных и безземельных крестьян из Центральной России на окраины (в Сибирь, на Дальний Восток, в Среднюю Азию).

В 1906 г. были приняты законодательные меры, так в соответствии с царским указом от 9 ноября 1906 г. «О дополнении некоторых постановлений действующего закон, касающегося крестьянского землевладения» [2]. Согласно данному акту, каждый крестьянин имел право добровольно покинуть общину став полноправным владельцем своей доли в общинной земле (отруб) либо выбрать земельный участок за пределами деревни (хутор).

Также, в силу вышеупомянутого указа крестьянская семья, вышедшая из общины, обладала правом собственности на имущество и получала права на формирование юридического лица. В последующем данные семьи имели возможность получать кредиты в банках для покупки сельскохозяйственных угодий и оборудования. В целях исполнения данной инициативы был учрежден специальный Крестьянский банк, продавший населению около 9,5 млн гектаров земельных наделов с 1905 по 1914 гг. [3].

Основной целью таких преобразований являлось формирование нового класса зажиточных крестьян-хозяев, активно развивающих свое хозяйство и производивших продукцию для рынка, фактически превращавшего их в фермеров. Рассматриваемый указ 1906 г., предусматривал, в том числе, дополнительные меры для ускорения выхода крестьян из общины. Так, например, в случае проведения землестроительных работ для ликвидации

чересполосицы внутри общины, ее члены могли считаться собственниками земли, даже если они об этом не просили.

П. А. Столыпин считал, что помещичье землевладение может быть ограничено только естественным путем, в ходе конкуренции с крестьянами-фермерами, но никак не волевым решением правительства [4, с.114]. Кроме того, считалось незаконным, когда крестьяне самовольно захватывали имущество помещиков. Одним из решений земельного вопроса XX века, стало решение предоставить всем желающим в собственность участки общей площадью шестьдесят гектаров на Дальнем Востоке, Южной Сибири, Северном Кавказе с последующей возможностью их освоения и обустройства [5, с.146].

Государство в свою очередь, выдавало переселенцам денежные средства (ссуды) и позволяло осуществлять переселение за казенный счет. Это привело к тому, что правом на переселение с 1907 по 1914 гг. воспользовалось 3,5 млн крестьян [4, с.115].

Из этого следует что, что Столыпинская программа переселения активным образом повлияла на:

1. Уравнение крестьян в гражданских правах с другими сословиями;
2. Укрепилась устойчивая значимость сельского хозяйства, а также началось массовое становление крестьянских хозяйств фермерского типа по образу американских фермеров США;
3. Стали активно развиваться различные формы кооперации крестьянских хозяйств;
4. Удалось нарастить экспорт продукции за границу.

Однако, наравне с вышеуказанными преимуществами и достигнутыми целями данной аграрной реформы, выделяются и существенные проблемы, это в свою очередь, выражалось в следующем:

Во-первых, на втором году земельной реформы многие хозяйства оказались слабыми и нежизнеспособными. Отруба и хутора часто создавались в совершенно неприспособленных для этого местах в непригодных условиях и нередко разорялись из-за неурожаев. Хутора и отруба приживались лишь в конкретных западных и северо-западных губерниях, где этому способствовала местность. К началу Первой мировой войны большинство крестьян оставались привязанными к традиционным формам ведения хозяйства, община продолжала иметь огромное влияние в сельском обществе.

Во-вторых, учитывая во внимание вопросы переселенцев, которые уезжали из своих земель в дальние регионы, с целью освоения новых территорий и как правило для дальнейшей жизни столкнулись с проблемой непригодности, выданной для ведения хозяйства земли, так многие крестьяне, получив земли разорялись и озлобленные возвращались на прежнее место жительства. В период с 1906 по 1911 гг. из Сибири вернулось 0,5 млн человек. В связи с чем, за годы реформы из общин вышло менее трети общей численности крестьянского населения России. Из всего вышеизложенного следует, что П. А. Столыпину не удалось ни разрушить общину, ни создать новые формы крестьянского владения землей.

Стоит заметить, что современная программа «Дальневосточный гектар», принятая Президентом России В. В. Путиным в 2016 г., имеет ряд особенностей в сравнении с аграрной реформой, а именно:

Во-первых, данная программа рассчитана на активное предоставление любому гражданину РФ, земельного участка площадью которого составляет один гектар;

Во-вторых, цель данной программы заключается в освоении свободных территорий Дальнего Востока, Забайкалья, Республики Бурятия и др. территорий, предусмотренных федеральным законом от 1 мая 2016 г. № 119 — ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных в Арктической зоне Российской Федерации и на других территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее по тексту — Закон о дальневосточном гектаре) [6];

В-третьих, срок в течение которого должен быть освоен земельный участок, предоставляемый по данной программе, составляет пять лет, в последствии участок также может быть предоставлен в собственность либо в долгосрочную аренду сроком на сорок девять лет.

При этом, несмотря на привлекательные условия, установленные для граждан, данная программа, сталкивается с рядом трудностей что и аграрная реформа П. А. Столыпина, а именно: отсутствие развитой инфраструктуры, трудности адаптации граждан (переселенцев) к новым условиям проживания, недостаток финансовых ресурсов. Несмотря на значительные усилия со стороны органов государственной власти совместно с органами местного самоуправления, большое количество предоставленных земельных участков остается неиспользованными и неосвоенными или используется недостаточно эффективно. Так, например, в Приморском крае из обследованных 155 участков 73 % оказались заброшенными (неосвоенными). [7, с.1039]

Из этого следует, что, как и аграрная реформа Дальневосточный и Арктический гектар имеет ряд правовых, социальных, экономических проблем, которые на сегодняшний день являются наиболее острыми в парадигме ее реализации и как следствие, требуют незамедлительного их решения. Так как прошло более века с момента становления аграрной реформы П. А. Столыпина земельный вопрос все еще, остается актуальным и востребованным в связи с чем, программа Дальневосточного и Арктического гектара особо остро нуждается в последующем ее усовершенствовании особенно в части разрешения вышеуказанных мною проблем.

Подводя итог, следует отметить, что Столыпинская аграрная реформа оставила значительный исторический след, оказавший влияние на формирование программы «Дальневосточный и Арктический гектар». Некоторые положения такие как, процедура предоставления земельных

участков в собственность, меры государственной поддержки с целью повышения уровня освоенных земель на Дальнем востоке, а также введение дополнительных мер по предоставлению инвестиции с целью осуществления предпринимательской деятельности все это, помогло получить гражданам земельные гектары и эффективно осваивать новые территории.

На сегодняшний день программа «Дальневосточный и Арктический гектар» охватывает широкий спектр на-

правлений как предоставление новых рабочих мест, так и решение демографических вопросов с целью предотвращения оттока большого числа населения [8, с.157]. Обобщая изложенное, важно подчеркнуть, что основой для существующей программы является Столыпинская аграрная реформа, которая хоть и была по меркам XX века новаторской и прогрессивной, но помогла раскрыть потенциал государственной программы «Дальневосточного и Арктического гектара».

Литература:

1. Кириллов В. В. История России для технических вузов: учебник для вузов / В. В. Кириллов, М. А. Бравина. 5-е изд., перераб, и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2025. С.303
2. О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования // ПСЗРИ. Т. XXVI, Ст. 28528.
3. Высочайше утвержденное положение о Крестьянском поземельном банке // ПСЗРИ. Т. II (1882), Ст. 894.
4. Барабанов В. Б., Николаев М. Г., Рожков Б.Г Истории России с древнейших времен до конца XX века: учебное пособие для абитуриентов высших учебных заведений/ В.Б Барабанов, М.Г Николаев, Б.Г Рожков; под ред. В.В Барабанова.-Москва: АСТ, Астрель,2007-С.114–115
5. Касьянов, В. В. История России: учебник для вузов / В. В. Касьянов. — 3-е изд., перераб, и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. С.146
6. Федеральный закон от 01.05.2016 г. N 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных в Арктической зоне Российской Федерации и на других территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»// Собрании законодательства Российской Федерации от 02.05.2016 г. N 18
7. Феоктистова К. И., Журавская Т. Н., Как работает программа «Дальневосточный гектар»: влияние стимулов исполнителей// Экономика региона-2023.-Т.19. № 4-С.1039
8. Журавская Т. Н., Рыжова Н.П Программа «Дальневосточный гектар» ритуализация машины развития//Мир России.-Т.31.-№.4.-С.157

Проблема розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда

Захаров Никита Сергеевич, студент
Московский университет «Синергия»

Статья посвящена проблемам розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, а также анализу современных методов, правового регулирования и технологий, используемых в процессе розыска. В статье рассматриваются основные трудности, с которыми сталкиваются правоохранительные органы при поиске скрывшихся преступников, включая проблемы международного сотрудничества, недостаточную координацию между странами и сложности в применении современных технологий. Особое внимание уделяется правовым аспектам, таким как использование Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона «Об оперативнорозыскной деятельности», а также актуальным вопросам обмена информацией между государствами. Также предложены пути совершенствования правовой базы и методов розыска, с акцентом на использование цифровых технологий и международное сотрудничество.

Ключевые слова: розыск лиц, скрывающихся, органы дознания, следствие, суд, уголовно-процессуальный кодекс, оперативнорозыскная деятельность, международное сотрудничество, экстрадиция, правовое регулирование, цифровые технологии, биометрия, розыскные мероприятия, преступники, обмен информацией.

Введение

Проблема розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, представляет собой важнейшую

задачу в области уголовного судопроизводства и оперативно-розыскной деятельности. В последние годы количество таких лиц, включая тех, кто уклоняется от наказания, значительно возросло. Это связано как с внутренними со-

циональными и экономическими проблемами, так и с международной миграцией, которая затрудняет розыск скрывшихся преступников.

Розыск лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, является неотъемлемой частью правоохранительной системы. Без эффективной работы в данной области невозможно обеспечить справедливость и безопасность общества. В условиях глобализации, быстрого развития информационных технологий и изменений в международных соглашениях перед правоохранительными органами встает задача адаптации к новым вызовам [4].

Проблемы и сложности розыска скрывшихся лиц

Розыск лиц, скрывшихся от правосудия, представляет собой сложный многоэтапный процесс. В первую очередь, проблема заключается в том, что современные преступники обладают возможностью скрываться за пределами страны. Это усложняет процесс экстрадиции и расследования. Несмотря на существующие международные соглашения, сотрудничество между странами далеко не всегда является эффективным. Причины этому разнообразны: от политических и экономических факторов до юридических особенностей правовых систем.

Одной из важных проблем является увеличение числа преступлений в сфере киберпреступности, что позволяет преступникам скрывать свои следы, менять данные и перемещаться через Интернет. Вследствие этого, правоохранительные органы сталкиваются с трудностями в установлении личности преступника и его местонахождения.

Нормативноправовое регулирование розыска

Розыск скрывшихся лиц регулируется несколькими основными нормативно-правовыми актами. Среди них ключевое место занимает **Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации** (УПК РФ), который определяет порядок розыска обвиняемых и подозреваемых. В частности, он регулирует основания для объявления лица в розыск, а также порядок применения меры пресечения в виде заочного осуждения [3].

Важным законодательным актом является **Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»**. Этот закон регулирует действия правоохранительных органов, связанные с использованием специальных методов розыска. Он устанавливает порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий, которые могут быть использованы для поиска скрывшихся преступников, включая мониторинг связи, использование биометрических данных и другие методы.

Международное сотрудничество играет важную роль в розыске лиц, скрывающихся за рубежом. Страны имеют соглашения о правовой помощи, в том числе по вопросам экстрадиции преступников. Важную роль в междуна-

родном розыске также играет Интерпол, который осуществляет координацию усилий правоохранительных органов разных стран.

Методы розыска

В розыске скрывшихся лиц активно используются современные методы и технологии. Одним из таких методов является использование биометрии для установления личности подозреваемых, а также анализ цифровых следов и отслеживание перемещений через электронные средства. Также большое значение имеет использование международных баз данных, таких как **Interpol Red Notices** — система объявлений о розыске преступников, которые могут быть экстрадированы по международным соглашениям.

Для повышения эффективности розыска важно развивать системы обмена информацией между государственными органами. Это включает в себя создание и поддержку единой базы данных о преступниках, использование электронных средств связи и автоматизированных систем для координации усилий правоохранительных органов [1].

Проблемы правового регулирования и предложения по улучшению

Одной из главных проблем является недостаточная интеграция различных правоохранительных органов и международных организаций в процессе розыска. В частности, существует проблема недостаточной координации между государствами в вопросах экстрадиции и обмена информацией.

Для повышения эффективности розыска важно реформировать действующие международные механизмы, улучшить законодательство и правовую базу. Одним из таких шагов может быть **создание единой международной базы данных** о преступниках, которая позволила бы странам быстро обмениваться информацией о скрывшихся преступниках и их местонахождении [2].

Кроме того, следует развивать систему мониторинга и использования **цифровых технологий** для идентификации преступников. Важно улучшить работу с цифровыми следами, так как преступники часто используют интернет и другие технические средства для скрытия своей личности и перемещений.

Заключение

Розыск лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда — это сложный и многогранный процесс, который требует высокого уровня координации, использования современных технологий и международного сотрудничества. На сегодняшний день существует ряд проблем, связанных с недостаточной эффективностью существующих механизмов розыска, что требует даль-

нейших исследований и совершенствования правовых и практических подходов в этой области.

Актуальность исследования темы розыска скрывающихся преступников возрастает в связи с ростом международной мобильности и развитием технологий, что от-

крывает новые вызовы для правоохранительных органов. Важно продолжать улучшать законодательство, развивать методы и стратегии розыска, а также укреплять международное сотрудничество, чтобы эффективно бороться с преступностью и обеспечивать справедливость.

Литература:

1. Кудрявцев В. Н. Проблемы розыска лиц, скрывающихся от следствия и суда // Журнал российского права. — 2021. — № 6. — С. 98–106.
2. Наумов А. В. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / А. В. Наумов. — 9-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма, 2022. — 784 с.
3. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон Рос. Федерации от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ (ред. действующая). — Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. действующая). — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Механизмы защиты прав военнослужащих — участников СВО при оспаривании решений органов военного управления

Ковальнова Юлия Вячеславовна, студент магистратуры
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В статье проводится комплексный анализ системы механизмы защиты прав военнослужащих, участвующих в специальной военной операции (СВО), при оспаривании ими решений, действий (бездействия) органов военного управления и должностных лиц. Рассматривается специфика правового положения данной категории военнослужащих, обуславливающая особенности реализации ими права на обжалование. В работе исследуется иерархия и взаимодействие административных (внутриведомственных) и судебных способов защиты, включая административный иск в военный суд и обращение в военную прокуратуру. Особое внимание уделяется практическим проблемам, возникающим в процессе реализации этих механизмов в условиях военного времени, таким как территориальная подсудность, обеспечение доказательственной базы, соблюдение процессуальных сроков, и предлагаются пути их возможного преодоления. Делается вывод о необходимости поддержания баланса между требованиями военной дисциплины и оперативного управления, с одной стороны, и неотъемлемыми правами военнослужащего на справедливое рассмотрение его требований — с другой.

Ключевые слова: военнослужащие, специальная военная операция, СВО, защита прав, оспаривание решений, орган военного управления, военный суд, военная прокуратура, административное судопроизводство, военная служба.

Правовой статус военнослужащего, особенно в период выполнения задач в условиях вооруженного конфликта или специальной военной операции, характеризуется повышенной степенью ограничений общегражданских прав и свобод, обусловленных необходимостью обеспечения обороноспособности и безопасности государства. Решения органов военного управления, затрагивающие права и законные интересы военнослужащих, зачастую принимаются в режиме оперативного реагирования на изменяющуюся обстановку. Однако это не отменяет принципа законности в деятельности военной организации государства и не лишает военнослужащего, исполняющего конституционный долг, гарантированных средств правовой защиты.

Актуальность темы исследования обусловлена масштабным характером специальной военной операции, вовлеченностью в нее значительного числа военнослу-

жащих как по контракту, так и мобилизованных, а также широким спектром возникающих у них правовых вопросов. Эти вопросы могут касаться денежного довольствия, обеспечениявещевым и иным имуществом, признания права на получение статуса участника боевых действий, реализации социальных гарантий и компенсаций (включая выплаты при ранении, контузии или в случае гибели), привлечения к дисциплинарной или материальной ответственности, увольнения с военной службы и многих других аспектов. Неправомерные или оспариваемые решения по данным вопросам требуют эффективных и доступных механизмов обжалования.

Военнослужащий, выполняющий задачи в зоне проведения СВО, формально обладает тем же объемом прав, что и любой другой военнослужащий, однако их реализация наталкивается на какие-либо ограничения.

Специфика ограничений напрямую влияет на выбор и использование механизмов защиты. С одной стороны, государство, заинтересованное в поддержании высокого морально-психологического состояния личного состава, обязано обеспечить действенные и доступные каналы для восстановления нарушенных прав. С другой стороны, механизмы защиты не должны подрывать принцип единонаучия и боеспособность подразделений. Таким образом, система защиты прав военнослужащих в период СВО должна быть адаптирована к экстраординарным условиям, сохраняя при этом свою эффективность и справедливость.

Первичным и обязательным в большинстве случаев, за исключением прямо установленных законом, является внутриведомственный порядок обжалования. Его суть заключается в том, что военнослужащий подает жалобу на незаконные в отношении его действия (бездействие) командира (начальника) или других военнослужащих непосредственному командиру (начальнику) того лица, действия которого обжалует [1].

Данный механизм имеет ряд преимуществ. Он оперативен, не требует соблюдения сложных процессуальных формальностей, позволяет быстро устранить ошибку на месте силами самого ведомства, обладающего специальными познаниями. Для участника СВО это зачастую наиболее доступный способ, который можно реализовать непосредственно в части или соединении. Обжалованию подлежат широкий круг решений: приказы о назначении на должность, о наложении дисциплинарных взысканий, об отказе в предоставлении отпуска, о взыскании суммы ущерба и т. д.

Процедура регулируется общевоинскими уставами, Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе», а также ведомственными нормативными актами Министерства обороны РФ. Закон устанавливает обязанность командира (начальника) рассмотреть поступившее обращение (предложение, заявление или жалобу) в срок до 30 суток со дня регистрации, а в случае невозможности — уведомить заявителя о продлении срока. Решение, принятное по результатам рассмотрения, должно быть мотивированным и сообщено военнослужащему [1].

Однако у внутриведомственного порядка есть существенные недостатки:

1 Запрет на подачу жалоб в определенных ситуациях: нельзя подать обращение во время боевого дежурства, при нахождении в строю, в карауле, а также в другом наряде и на занятиях.

2 Отказ в рассмотрении жалоб, если они не относятся к компетенции должностного лица воинской части [1].

В таком случае военнослужащему предоставляется подробное разъяснение о порядке обращения: в какой суд ему следует обратиться, чтобы обеспечить ясность и правильность дальнейших действий.

Судебная защита представляет собой центральный, наиболее гарантированный и независимый механизм. Для военнослужащих, включая участников СВО, споры с ор-

ганами военного управления относятся к подсудности военных судов, что закреплено в Федеральном конституционном законе «О военных судах Российской Федерации». Основной процессуальной формой такого оспаривания является административное исковое производство, регламентированное Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ).

Военнослужащий (административный истец) вправе обратиться в военный суд с требованием о признании полностью или частично незаконным решения, действия (бездействия) органа военного управления или должностного лица (административного ответчика), если полагает, что нарушены или оспорены его права, свободы и законные интересы. Предметом судебного обжалования могут быть как нормативные, так и ненормативные правовые акты, а также решения по вопросам прохождения военной службы.

Особенностью для участников СВО является вопрос территориальной подсудности. По общему правилу, закрепленному в ст. 22 КАС РФ, административный иск подается в суд по месту нахождения ответчика. Однако если военнослужащий проходит службу в зоне проведения СВО, возникает проблема физической недоступности соответствующего суда. В этой связи критически важное значение приобретают нормы о подаче административного искового заявления в электронном виде через систему «Электронное правосудие», а также возможность применения правил об исключительной подсудности или подсудности по месту жительства истца в случаях, предусмотренных законом (например, при оспаривании решений о выплатах). Разъяснения Верховного суда РФ и практика должны способствовать гибкому подходу к определению подсудности в интересах военнослужащего — участника СВО.

Формирование доказательственной базы также представляет сложности. Военнослужащий должен представить суду копии оспариваемых решений, рапортов, ответов на них, иные документы. В условиях боевых действий сохранение и копирование документов может быть затруднено. Суд, в соответствии с принципом состязательности и оказания содействия в реализации прав, вправе истребовать доказательства от ответчика, но эффективность этого механизма зависит от оперативности и добросовестности органа военного управления, который может сослаться на условия военного времени.

Преимущество судебного порядка — в его беспристрастности и обязательности решений. Вступившее в законную силу решение суда обязывает административного ответчика устраниТЬ допущенное нарушение в полном объеме: отменить оспариваемый приказ, произвести перерасчет выплат, восстановить на службе и т. д. Неисполнение судебного акта влечет административную ответственность.

Военная прокуратура, являясь специализированным органом в системе прокуратуры РФ, осуществляет надзор за соблюдением законов в Вооруженных силах и других

войсковых формированиях. Это делает ее ключевым элементом системы защиты прав военнослужащих, действующим как по обращениям граждан, так и по собственной инициативе.

Основная задача военной прокуратуры — обеспечение соблюдения законности в сфере защиты прав и законных интересов военнослужащих. Указанная задача достигается путем постоянного контроля за соблюдением законодательства в военных организациях, включая анализ и проверку внутренних документов и приказов. Особое внимание уделяется вопросам, связанным с правами и свободами военнослужащих, включая вопросы дисциплины, жилищных условий и трудовых отношений, а также социальной защиты членов их семей [2].

Для участника СВО обращение в прокуратуру может быть более быстрым способом реакции, чем судебный процесс, особенно если нарушение носит системный характер или связано с бездействием командования. Военная прокуратура, обладая аппаратом на местах (в гарнизонах, объединениях), может оперативно отреагировать. Однако ее акты (представление, предписание) носят обязательный, но не окончательный характер для органа военного управления. Они могут быть обжалованы вышестоящему прокурору, а их неисполнение влечет ответственность, но окончательное разрешение спора по существу часто остается за судом.

Анализ существующей системы выявляет ряд проблем, особенно острых в контексте СВО:

- проблема доступности (физическая и информационная доступность механизмов защиты для военнослужащего в зоне боевых действий). Решение видится в активном внедрении дистанционных технологий (электронная подача жалоб и исков, онлайн-консультации, цифровые рабочие места военных юристов в частях), а также в усилении разъяснительной работы правового характера непосредственно в подразделениях силами военных юристов;

- проблема процессуальных сроков. Сроки рассмотрения жалоб и исков, установленные в мирное время, могут оказаться нереалистичными в условиях СВО из-за перебоев со связью, необходимости истребования документов из зоны боевых действий и т. д. Требуется гибкий подход судов и прокуроров, применение института приостановления производства по делу или продления сроков по уважительным причинам, связанным с выполнением боевых задач;

- проблема исполнения судебных и прокурорских актов. Исполнение даже вступившего в силу решения суда или предписания прокурора может быть затянуто

органом военного управления под предлогом военной необходимости или организационных трудностей. Здесь необходима жесткая позиция вышестоящих судов и Генеральной прокуратуры по применению мер ответственности за неисполнение, включая персональную ответственность должностных лиц.

Мною предлагаются следующие направления совершенствования:

1. Нормативное: возможно закрепление в законодательстве специальных упрощенных процедур или сроков для рассмотрения отдельных категорий дел, связанных с участниками СВО (например, по вопросам выплат, признания статуса).

2. Организационное: создание мобильных групп военных юристов и представителей военной прокуратуры для работы непосредственно в районах дислокации войск; расширение сети юридических консультаций для военнослужащих и членов их семей.

3. Информационное: разработка и распространение понятных инструкций-памяток о порядке обжалования, специальных цифровых сервисов для участников СВО на порталах военных судов и прокуратуры.

Таким образом, механизмы защиты прав военнослужащих — участников СВО при оспаривании решений органов военного управления представляют собой многоуровневую систему, включающую внутриведомственный, судебный и прокурорский способы. Каждый из них имеет свою сферу применения, преимущества и недостатки.

Специфика условий специальной военной операции вносит существенные корректизы в практику реализации этих механизмов, порождая проблемы доступности, доказывания, соблюдения сроков и исполнения принятых решений. Преодоление этих проблем требует согласованных усилий законодателя, судебной системы, органов прокуратуры и самого военного ведомства.

Успешное функционирование системы защиты прав в экстремальных условиях является не только требованием верховенства закона, но и важнейшим фактором укрепления морального духа войск, поддержания социальной справедливости и в конечном итоге обеспечения эффективности выполнения поставленных боевых задач. Гарантированное право на справедливое обжалование неправомерных решений должно быть неотъемлемой составляющей правового статуса защитника Отечества, где бы и в каких условиях он ни исполнял свой долг. Дальнейшее совершенствование рассматриваемых механизмов видится в их адаптации к современным реалиям с опорой на цифровые технологии при неукоснительном сохранении принципов независимости, состязательности и законности.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 (ред. от 24.06.2025) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2025. — № 26. — Ст. 3450 (последняя редакция).

2. Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72806/c898e37b15002afce9357e402aed7491bf20bbf8/
3. Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72806/c401b0ba6064c7e607a9ea1b9aeb05e4d7e20fdf/
4. Устав гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72806/cd59566ddef0b9143c9f26cb9433bd10d749d552/
5. Панчихина, В. В. Роль органов военной прокуратуры в обеспечении прав и законных интересов военнослужащих в РФ / В. В. Панчихина, Е. Ю. Миханова. — Текст: непосредственный // Молодой учёный. — 2025. — № 16 (567). — С. 250–252. — URL: <https://moluch.ru/archive/567/124293>

Институт условно-досрочного освобождения: теория и практика реализации в Российской Федерации

Колупаев Евгений Сергеевич, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье рассматривается институт условно-досрочного освобождения (УДО) в российском уголовном и уголовно-исполнительном праве сквозь призму действующего законодательства, разъяснений Верховного Суда РФ, позиции Конституционного Суда РФ, актуальной судебной практики и сравнительно-правового контекста. Показано, что современная редакция ст. 79 УК РФ закрепляет совокупность материальных и процессуальных условий УДО (доказанность исправления, возмещение вреда, фактическое отбытие части срока), а Постановление Пленума № 8 (ред. 25.06.2024) формирует стандарты оценки и мотивировки судебных решений. Особое внимание уделено новеллам 2023–2024 гг. (в т. ч. 1/4 срока для женщин с детьми до четырёх лет), самостоятельности решения вопроса об освобождении от дополнительного наказания при УДО (Определение КС РФ № 225-О/2024), а также связи УДО с институтом probation (ФЗ № 10-ФЗ «О probation в РФ»). В компартиативной части через практику ЕСПЧ (*Vinter and Others v. UK; Matiošaitis and Others v. Lithuania; Sanchez-Sanchez v. UK*) и современную доктрину «права на надежду» обосновывается, что предсказуемые и проверяемые критерии «исправления» и наличие реальной перспективы пересмотра/освобождения — ключ к гуманизации, снижению рецидива и укреплению доверия к правосудию. Сформулированы предложения по уточнению критериев «исправления», взвешиванию фактора возмещения вреда, усилению постпенитенциарного сопровождения и стандартизации мотивировок судебных актов. [1–17]

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение, ст. 79 УК РФ, ст. 175 УИК РФ, Пленум Верховного Суда № 8, Конституционный Суд РФ, probation, дополнительное наказание, возмещение вреда, «право на надежду», ЕСПЧ.

The Institute of Parole: Theory and Practice of Implementation in the Russian Federation

The article explores the Russian institution of parole (UDO) through current legislation, the Supreme Court's interpretative guidance, the Constitutional Court's position, recent case-law and comparative insights. It highlights the cumulative statutory conditions for parole (rehabilitation, compensation for harm, part-term served) and the standards for judicial reasoning. Recent amendments (e.g., eligibility after one-quarter of the term for mothers of children under four) and the autonomy of decisions on additional penalties upon parole are analyzed, alongside the new Federal Probation Act. A comparative section uses ECtHR jurisprudence and the "right to hope" scholarship to argue for predictable, reviewable criteria, linked to desistance and public trust. Policy suggestions include clarifying "rehabilitation" factors, weighting victim compensation, strengthening post-release support, and standardizing judicial reasoning.

Keywords: parole, Article 79 Criminal Code, Article 175 Penal Enforcement Code, Supreme Court Plenum No. 8, Constitutional Court, probation, additional penalties, compensation for harm, right to hope, ECtHR.

Институт условно-досрочного освобождения в российском праве исторически воспринимается как «поощрительный» механизм, который соединяет цели наказания с индивидуально-превентивным эффектом и задачами ресоциализации. Его современная конструкция,

закреплённая в ст. 79 УК РФ, исходит из того, что УДО возможно лишь при совокупности условий: суд признаёт, что осуждённый не нуждается в полном отбывании наказания для своего исправления, вред, причинённый преступлением, возмещён полностью или частично в раз-

мере, определённом судом, а также фактически отбыта предусмотренная законом часть срока наказания (дифференцированная по категориям и приоритетам охраняемых благ). Эти базовые элементы в последние годы дополнялись и уточнялись законодателем, что потребовало обновления разъяснений Пленума ВС РФ и тонкой настройки правоприменения. [1–2]

Существенная роль в стабилизации судебной практики принадлежит Постановлению Пленума № 8 от 21.04.2009 (в ред. 25.06.2024), которое предписывает судам исходить из совокупности данных об исправлении: поведение за весь период отбывания, отношение к труду и обучению, динамика поощрений и взысканий, участие в программах коррекции, взаимодействие с потерпевшим и реальные усилия по возмещению вреда. При этом «тяжесть преступления» и прежние судимости не образуют самостоятельного запрета для УДО; решающим является проверяемая фактическая картина исправления. Требование к мотивировке решений подчёркнуто: общие ссылки на «недостижение целей наказания» без конкретных фактов — признак незаконного отказа. [2]

Процедурный каркас УДО строится на ст. 175 УИК РФ: ходатайство подаётся через администрацию учреждения (или органа, исполняющего наказание), которая обязана в десятидневный срок направить его в суд с характеристикой и комплектом документов. Участие осуждённого и его защитника, а также информирование потерпевшего — гарантии справедливого разбирательства, усиливающие доверие к результату. Важна точная квалификация процессуальной ситуации (отказ в принятии к рассмотрению vs отказ в удовлетворении), поскольку от неё зависят горизонты повторного обращения. [3]

Законодательные новеллы последних лет показали тренд на дифференциацию условий УДО. С 2020 г. закреплён специальный минимальный порог — 1/4 срока — для беременных женщин и женщин, имеющих ребёнка в возрасте до четырёх лет, находящегося в доме ребёнка исправительного учреждения; в 2023 г. эта льгота была расширена и уточнена (ФЗ № 591-ФЗ), а с 10.06.2024 вступили в силу отдельные положения, обеспечивающие её практическую реализацию. Эти изменения и их правоприменительный контекст свидетельствуют о стремлении увязать УДО с интересами ребёнка и особыми задачами семейной политики. [4]

Отдельного рассмотрения требует соотношение УДО с дополнительными видами наказаний (штраф, запрет занимать должности и др.). Конституционный Суд РФ в Определении № 225-О/2024 подчёркнул самостоятельность решения суда по вопросу освобождения от дополнительного наказания при применении УДО к основному наказанию: полное «автоматическое» освобождение не вытекает из факта УДО; возможно дифференцированное решение с учётом целей и степени исполнения дополнительного наказания, а также повторное обращение при соблюдении сроков, установленных законом. Эта позиция исключает механистический подход и укрепляет баланс публичных и частных интересов. [5]

Правовая природа УДО подразумевает оценку «исправления» как комплексной категории. Судебная практика подтверждает, что одиночное, тем более погашенное взыскание само по себе не блокирует УДО; напротив, значение имеет общий баланс дисциплины и труда, участие в программах, характеристика администрации, наличие социально-полезных связей вне учреждения. Важным аспектом является возмещение вреда: закон требует его наличия (полностью или частично) в размере, определённом судебным актом по делу; вместе с тем сама по себе частичность при добросовестных усилиях, отсутствии исполнительных документов, скромных доходах в ИК и иных объективных обстоятельствах не образует «автоматического» основания для отказа. Оптимальным представляется подход, при котором суд мотивированно взвешивает реальность усилий, финансовые возможности и динамику поведения. [1–2, 6]

С концептуальной точки зрения, современную практику УДО дополняет инфраструктура probation. Вступивший в силу Федеральный закон № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации» институционализировал три вида probation — пенитенциарную, исполнительную и постпенитенциарную, — зафиксировал цели ресоциализации и социального сопровождения, определил субъектов и механизмы межведомственного взаимодействия. Это создаёт правовую основу для «мостика» между моментом освобождения и устойчивым встраиванием в правоохранительную жизнь (жильё, занятость, медицинская и психологическая помощь, социальные услуги), что непосредственно связано с качеством применения УДО. [7]

Эмпирические публикации последних лет из ведомственных и академических журналов, посвящённые контролю за условно-досрочно освобождёнными, демонстрируют как эффективность адресных мер (надзор УИИ, индивидуальные программы), так и проблемные узлы: неравномерность ревизии обязанностей, дефицит ресурсов на первых неделях после освобождения, риски «символического» возложения обязанностей без их реальной исполнимости. Рекомендации исследователей и практиков сходятся: необходимы индивидуализация контроля и поддержка в ключевых «точках риска» (жильё, занятость, контакты), что коррелирует с успешностью УДО и снижением отмен условного освобождения. [8–10]

Доктринальные работы подчёркивают и теоретические, и прикладные проблемы: разрыв между формально-юридическими условиями и содержательной оценкой исправления, непоследовательность правоприменения в части веса «возмещения вреда», вариативность мотивировок при сходных вводных. Появление специализированных исследований (включая диссертационные) фокусирует взгляд на необходимости шкалированных критерии и унификации требований к доказательной базе: характеристика с конкретными индикаторами, участие в программах, динамика поведения, стабилизация социальных связей, подтверждаемая внешними субъектами probation. [11–12]

Значимой является категория пожизненно осуждённых, для которых УДО в российском праве возможно при отбытии не менее 25 лет и отсутствии злостных нарушений установленного порядка за последние три года. В 2024 г. законодатель ограничил возможность УДО по ряду особо опасных составов террористической направленности; это отражает подход к соразмерности рисков и общественной безопасности, но одновременно обостряет вопрос о корреляте «права на надежду», развитом в европейской правозащитной доктрине. [1]

В компаративной перспективе практика ЕСПЧ выстроила три ключевых ориентира. Во-первых, в деле *Vinter and Others v. UK* (2013) сформулировано требование реальной перспективы пересмотра пожизненного заключения: «нераскрываемые» пожизненные сроки считаются противоречащими ст. 3 Конвенции. Во-вторых, в деле *Matiošaitis and Others v. Lithuania* (2017) Суд конкретизировал стандарты «надежды» и пересмотра. В-третьих, в *Sanchez-Sanchez v. UK* (Большая палата, 2022) акцент смешён на оценку механизмов пересмотра в экстрадиционных делах (включая институт «compassionate release»), что демонстрирует границы универсальности «правила Vinter». Для российской дискуссии эти решения важны не как прямые шаблоны, а как ценностные маркеры: реальная перспектива освобождения и проверяемость критериев — ядро гуманистической логики наказания. [13–15]

Современная англоязычная доктрина развивает идею «права на надежду» как соотнесённого с достоинством человека стандарта обращения с осуждённым; вместе с тем критическая литература справедливо предупреждает об опасности превращения «надежды» в риторику, если за ней не стоят процедурные гарантии, прозрачные критерии и подотчётные решения. Это хорошо согласуется

с российской необходимостью измеряемых индикаторов «исправления» и стандартизации мотивировки при УДО. [16–17]

Суммируя, практический профиль «качественного» УДО сегодня — это не «пунктир» формальных галочек, а доказательная картина устойчивых изменений личности, подтверждённая разными источниками: поведение и труд, отсутствие свежих взысканий, участие в коррекционных и образовательных программах, социальные связи, добросовестное возмещение вреда и реальная перспектива правопослушной жизни. В процессуальном плане ключ к устойчивости решений — конкретная мотивировка: суд должен назвать проверенные факты, объяснить вес каждого фактора и почему совокупность данных свидетельствует (или не свидетельствует) об исправлении; любые общие формулы без фактов подлежат отмене. На уровне политики права логичным является движение к: (1) уточнению в законе индикаторов «исправления» (check-list с весами, не лишающий суд усмотрения, но делающий его подотчётным); (2) более тонкому «взвешиванию» фактора возмещения вреда (различие недобросовестного уклонения и объективной невозможности при доказанных усилиях); (3) институционализации взаимодействия суда, УИС и субъектов пробации для построения индивидуальной программы сопровождения; (4) регулярной аналитике отмен/отказов по регионам с обратной связью Пленума для устранения разнотолков; (5) развитию цифровых формулариев ходатайств и характеристик, позволяющих «сшивать» поведенческие данные, участие в программах и документы о возмещении вреда в единую картину. В совокупности это укрепит предсказуемость и справедливость решений об УДО, повысит их легитимность в глазах общества и снизит риски рецидива за счёт управляемого, сопровождённого выхода.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. Ст. 79 «Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания». Актуальная редакция.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 (ред. от 25.06.2024) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания».
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. Ст. 175 «Порядок обращения с ходатайством...». Актуальная редакция.
4. Федеральный закон от 12.12.2023 № 591-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». (Новеллы о 1/4 срока для женщин с детьми до 4 лет; вступление отдельных положений в силу 10.06.2024.)
5. Верховный Суд РФ. Обзор судебной практики № 2, 3 (2024). (Материалы и разъяснения по применению уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.)
6. Арутюнян О. В. Условно-досрочное освобождение и замена наказания: обзор судебной практики кассационных судов общей юрисдикции (22.10.2024).
7. Определение Конституционного Суда РФ от 30.01.2024 № 225-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы...» (о порядке освобождения от дополнительного наказания при УДО).
8. Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (в ред. 29.05.2024). Вступление основных положений в силу с 01.01.2024.
9. Фоменко Е. Н. Контроль за лицами, освобожденными условно-досрочно от отбывания наказания // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 2. С. 33–37. DOI: 10.51522/2307-0382-2023-249-2-33-37.

10. Давыдова И. А. Контроль за лицами, условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания, и их реабилитация как направления осуществления probation // Уголовно-исполнительное право. 2024. № 3. С. 431–440.
11. Александрова К. Н.; Бадердинова И. Я. Условно-досрочное освобождение: проблемы и тенденции // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 11–3 (98). С. 11–15.
12. Мяханова А. Н. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания в виде лишения свободы в контексте достижения целей наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Университет прокуратуры РФ, 2024/2025.
13. Vinter and Others v. the United Kingdom [GC], nos. 66069/09, 130/10, 3896/10, judgment of 9 July 2013.
14. Matiošaitis and Others v. Lithuania, no. 22662/13 et al., judgment of 23 May 2017.
15. Sanchez-Sanchez v. the United Kingdom [GC], no. 22854/20, judgment of 3 November 2022.
16. Vannier M. Beware of the Siren's Call — The European Right to Hope and the Challenge of Old Age Behind Bars // Human Rights Law Review. 2024. Vol. 25(2).
17. Trotter S. Hope's Relations: A Theory of the 'Right to Hope' in European Human Rights Law // Human Rights Law Review. 2022. Vol. 22(2).

Особенности правового регулирования агентской деятельности в сфере профессионального спорта и способы его совершенствования

Косов Семен Игоревич, студент магистратуры
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

В статье рассматриваются особенности правового регулирования агентской деятельности в сфере профессионального спорта, а также способы его совершенствования. Анализируется история появления института спортивного агентирования, правовая природа агентской деятельности, выявляются основные гражданско-правовые риски, возникающие при осуществлении агентской деятельности в сфере спорта. Особое внимание уделяется пробелам в нормативном регулировании. На основе анализа норм гражданского законодательства, законодательства о физической культуре и спорте, а также регламентирующих документов спортивных ассоциаций формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования агентской деятельности в сфере профессионального спорта.

Ключевые слова: агентская деятельность, спортивный агент, спортивная ассоциация, агентский договор, правовое регулирование, федеральное законодательство.

Спорт является одним из самых динамично развивающихся социальных институтов. Он затрагивает большинство сфер жизни современного общества. На протяжении последних десятилетий развитие профессионального спорта в Российской Федерации происходит в тесной взаимосвязи с происходящими социально-экономическими и политическими преобразованиями. Долгое время считалось, что спорт как особый вид деятельности, направленный на укрепление и сохранение здоровья, имеющий в том числе соревновательную составляющую, не имеет прямой связи с экономикой и правом. Однако такой подход можно считать устаревшим. Сегодня по всему миру спорт является высокодоходной индустрией, в которой все процессы предельно регламентированы. Профессиональный спорт непрерывно развивается, вслед за ним претерпевают изменения правовые и экономические взаимоотношения между спортсменами, тренерами, спортивными организациями, федерациями, лигами. Еще одним субъектом современного профессионального спорта выступают спортивные агенты. Они осуществляют посредническую деятельность, в том числе связанную с заключением, изменением и расторжением трудовых договоров спорт-

сменов и тренеров, переходами (трансферами) спортсменов, реализацией так называемых «имиджевых» прав, выступают консультантами и советниками своих клиентов по широкому кругу вопросов.

История возникновения института спортивных агентов берет свое начало в прошлом столетии. В первой половине двадцатого века профессиональный спорт перешел в фазу активного развития. Стремление к достижению высоких спортивных результатов все чаще сопровождалось желанием спортсменов, тренеров, клубов и команд получать вознаграждение за свою деятельность. Начался процесс «монетизации» спорта. Тогда же появились идеи о том, что у спортсменов и спортивных организаций могут быть профессиональные посредники. Уже в 1925 году в США впервые спортсмен подписал профессиональный контракт при помощи своего представителя. Впоследствии за рубежом, в частности в США и странах Западной Европы, институт спортивных агентов был преобразован в регулируемый правовой институт [1, с. 101]. Появление в России агентской деятельности, в том числе в сфере профессионального спорта, стало следствием перехода нашей страны к рыночной экономике, и ее развитиешло по модели западных стран.

В нашей стране агентская деятельность регулируется главой 52 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ). В статье 1005 ГК РФ дано легальное определение агентского договора. По агентскому договору одна агент обязуется за вознаграждение совершать по поручению другой стороны (принципала) юридические и иные действия от своего имени или от имени принципала [2]. По своей природе агентское соглашение является двусторонним, возмездным, консенсуальным. Данная конструкция является универсальной и, в частности, применяется к спортивному агентированию.

Сфера физической культуры и спорта в России регулируется Федеральным законом от 04.12.2007 N 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (далее — Закон). Однако отечественное законодательство не содержит определения понятия спортивный агент. В 2017 году, в рамках внесенных в Закон изменений, спортивные агенты были обозначены как субъекты физической культуры и спорта. Тогда же Закон был дополнен статьей 19.3 «Спортивные агенты», в которой речь идет про источники правового регулирования агентской деятельности, права, обязанности агентов и порядок их аккредитации спортивными органами [3].

В силу того, что закон о физической культуре и спорте затрагивает ограниченный круг вопросов, связанных с агентской деятельностью, а нормы ГК РФ носят общий характер и не учитывают особенности, сопровождающие профессиональный спорт, существенная роль в правовом регулировании деятельности спортивных агентов отводится регламентирующему документам международных (ФИФА, ИИХФ) и национальных (РФС, КХЛ, ВФВ) спортивных ассоциаций, что прямо предусмотрено статьей 19.3 закона о спорте. Таким образом главной особенностью правового регулирования агентской деятельности в сфере профессионального спорта является то, что каждая спортивная разрабатывает собственные нормы такого регулирования, которые, в свою очередь, не должны противоречить принципам, заложенным в законе.

Приведенная выше позиция подтверждается проведенным анализом документов, издаваемых спортивными ассоциациями и федерациями. Прежде всего обратимся к актам ФИФА (международной ассоциации футбольных ассоциаций) и РФС (Российского футбольного союза), поскольку футбол является видом спорта, в котором институт спортивных агентов наиболее развит.

В 2023 году ФИФА, в целях повышения качества работы футбольных агентов и устранения сложившихся в этой сфере проблем, произвела масштабную реформу и утвердила новые правила работы для посредников. Целями обновленного регламента стали установление минимальных профессиональных и этических стандартов деятельности футбольных агентов, обеспечение качества услуг, оказываемых футбольными агентами, установление разумного и унифицированного размера вознаграждения за такие услуги, устранение конфликтов интересов, повышение финансовой и административной прозрачности,

защита игроков, в особенности несовершеннолетних, повышение информированности игроков о системе футбольных трансферов, предотвращение злоупотреблений, чрезмерных и спекулятивных действий со стороны агентов [4]. Была внедрена в жизнь новая система обязательного лицензирования, по которой заниматься агентской деятельностью может физическое лицо (лично или как представитель юридического лица), сдавшее экзамен и получившее агентскую лицензию ФИФА, был введен подробный понятийный аппарат, введены лимиты по взиманию агентской комиссии, несовершеннолетние клиенты получили право расторгать договор в одностороннем порядке без негативных последствий. Также были введены санкции для клиентов за подписание договора о представительстве с нелицензированным агентом. Все эти положения стали обязательными и для национальных ассоциаций, в том числе для Российского футбольного союза.

Так, в Регламенте РФС по деятельности футбольных агентов появилось официальное определение футбольного агента — это физическое лицо, которое получило лицензию ФИФА для целей оказания услуг футбольного агента и являющееся спортивным агентом в понимании норм закона о спорте. Система обязательного лицензирования ФИФА была принята за основу как система аккредитации, предусмотренная национальным законодательством.

Согласно регламенту, агент и клиент (спортсмен, тренер, клуб, лига) заключают между собой договор о представительстве гражданско-правового характера, включающий в себя обязательные положения о предмете договора, наименовании сторон, сроке действия договора, размере выплачиваемого клиентом агенту вознаграждения. Срок действия договора о представительстве между футбольным агентом и клиентом — физическим лицом не превышает двух лет, условия об автоматическом продлении его срока либо другого положения, предусматривающего возможность его продления, не допускаются и не признаются. При этом, максимальный срок действия договора, заключенного между юридическим лицом и футбольным агентом, не ограничен [5].

Одним из главных рисков долгое время являлась ситуация так называемого «двойного представительства», когда в одной сделке агент представлял обоих ее участников, что зачастую приводило к конфликту интересов. По новому регламенту, двойное представительство футбольного агента в одной конкретной сделке запрещено, за исключением случаев оказания услуг футбольного агента клиенту-физическому лицу и клиенту-юридическому лицу (новому клубу, в который переходит игрок) в одной и той же сделке при условии наличия предварительного письменного согласия от обоих клиентов на двойное представительство футбольного агента.

Предусмотренный же регламентом механизм контроля оказания услуг исключительно лицензированными агентами оказался несовершенным. Так в случае, если клиент заключил договор о представительстве с агентом, у ко-

торого отсутствует лицензия ФИФА, уполномоченные органы РФС вправе применить к такому игроку спортивные и иные санкции, в том числе финансового характера. Для клиентов также предусмотрена обязанность самостоятельно проверять наличие лицензии у потенциального агента. Но юрисдикция РФС ограничена субъектами футбола, в которые агенты, не имеющие лицензии, не входят, и возможность привлечь такого недобросовестного агента к ответственности у юрисдикционных органов РФС отсутствует. На практике это неоднократно приводило к тому, что весь груз ответственности ложился на спортсменов, к ним применялись спортивные и иные санкции, а недобросовестные агенты продолжали злоупотреблять своим положением и вводить футболистов, тренеров и клубы в заблуждение. Спортсмены, не обладая специальными знаниями, вынуждены полагаться на добросовестность агента. Однако, несмотря на пробелы в регулировании отдельных отношений, можно утверждать, что реформа регулирования деятельности футбольных агентов достигла большинства поставленных целей.

Далее рассмотрим хоккей. В Федерации хоккея России утверждено Положение о деятельности хоккейных агентов (далее — Положение). Согласно этому положению, агент — это субъект профессионального спорта, аккредитованный в соответствии с Положением и осуществляющий деятельность по содействию в трудоустройстве хоккеистов и тренеров в профессиональных спортивных клубах (включая иностранные клубы), по представлению интересов хоккеистов и тренеров (включая иностранных) в переговорах с Целью заключения трудовых договоров [6].

Континентальная хоккейная лига устанавливает собственные правила в рамках Правового регламента КХЛ. Так, клубы КХЛ имеют право заключать сделки только с теми агентами, которые имеют действующую аккредитацию, как и в футболе определен предельный размер вознаграждений, к агентам применяются санкции, в том числе штрафы и дисквалификации, согласно Дисциплинарному регламенту [7, с. 333].

Регламенты некоторых спортивных федераций содержат в себе искусственные ограничения. Так, в Положении о деятельности агентов Всероссийской федерации волейбола (ВФВ) закреплено, что посредником может быть исключительно физическое лицо, лицо, которое выполняет вспомогательную функцию по реализации интересов клиентов (волейболистов и тренеров) в сфере трудоустройства. Агент также представляет их правоотношения со спортивными организациями и федерациями.

Международная ассоциация легкой атлетики в целом не регламентирует деятельность агентов, термин «агент» в документах ассоциации отсутствует. Спортивным пред-

ставителем спортсмена может быть любое лицо. В регламентных документах указано про «представителя спортсмена» — лицо, которое должно быть авторизовано и зарегистрировано в качестве представителя спортсмена в соответствии с установленными Международной ассоциацией легкой атлетики правилами [7, с. 326].

Наличие указанных выше особенностей и проблем в регулировании агентской деятельности в профессиональном спорте свидетельствует о том, что государству необходимо плотнее взаимодействовать со всеми субъектами профессионального спорта для того, чтобы устранить имеющиеся трудности и снизить риски для клиентов при работе со спортивными посредниками. Сложившееся в настоящее время правовое регулирование деятельности спортивных агентов зачастую не отвечает новым вызовам. Федеральное законодательство, определяя лишь базовые принципы такой деятельности, также оставляет без внимания большой спектр вопросов, касающихся регулирования деятельности агентов в профессиональном спорте, и фактически отдает их на «откуп» спортивным федерациям и лигам, при этом не наделяя последних необходимыми инструментами по контролю за исполнением норм регламентирующих документов. В конечном итоге практически все риски материального ущерба и спортивных санкций ложатся на игроков и спортивные организации, обходя стороной недобросовестных посредников.

Агентирование в сфере профессионального спорта, оставаясь в рамках гражданско-правового регулирования, имеет специфические особенности, обусловленные жестким отраслевым регулированием международных федераций. Можно также сделать вывод о том, что дополнительным источником рисков и злоупотреблений является сложность корректного применения законодательства и норм регламентов спортивных федераций в условиях высокой коммерциализации спорта и конфликта интересов. Необходимо построение эффективного механизма повышения правовой грамотности субъектов спорта, в особенности спортсменов и тренеров. Актуальным вопросом также является дополнение существующего законодательства нормами о базовых гарантиях спортсменам при работе с агентами, гармонизация законодательства и регламентных норм, распространение на уровне законодательства наиболее удачных практик, таких как ограничение выплачиваемого агентам вознаграждения, внедрение единых этических стандартов и других, на все виды профессионального спорта. Только сочетание императивных норм закона, эффективного саморегулирования и повышения правовой грамотности самих спортсменов позволит трансформировать институт спортивного агентирования из поля повышенного риска в эффективный инструмент построения успешной спортивной карьеры.

Литература:

1. Кудрявцева Л. В., Нарышкина А. В. Правовое регулирование деятельности спортивных агентов в России. Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. Т. 42. № 2. С. 100–104.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: федер. Закон № 14-ФЗ от 26 января. 1996 г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января. 2026 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон № 329-ФЗ от 4 дек. 2007 г.: в ред. от 28 ноября 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. По деятельности футбольных агентов: регламент ФИФА: утвержден 10 декабря 2024 года Советом ФИФА Официальный интернет-сайт ФИФА. URL: <https://digitalhub.fifa.com/m/1e7b741fa0fae779/original/FIFA-Football-Agent-Regulations.pdf> (дата обращения: 20.01.2026).
5. По деятельности футбольных агентов: регламент Российской футбольной союза: утв. постановлением № 222/4 от 26 декабря 2025 года Бюро Исполкома Общероссийской общественной организации «Российский футбольный союз». Официальный интернет-сайт РФС. URL: <https://www.rfs.ru/subject/1/documents> (дата обращения: 20.01.2026).
6. Положение о деятельности хоккейных агентов: утв. Советом руководителей ООО «КХЛ» (Протокол от 23 марта 2018 г. № 82). Официальный интернет-сайт Федерации Хоккея России. URL: <https://fhr.ru/hockey-of-russia/docs/hockeyagents/> (дата обращения: 20.01.2026).
7. Блажеев В. В., Байрамов В. М. [и др.] Спортивное право России: учебник для магистров / отв. ред. Д. И. Рогачев. М.: «Проспект», 2016.

Проблемы исчисления срока исковой давности по страховым спорам

Кузнецова Светлана Николаевна, студент магистратуры

Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

В данной статье рассматриваются подходы к определению срока исковой давности для разных видов страхования, а также сложности, возникающие в правоприменительной практике в связи с исчислением срока исковой давности по договору страхования. Кроме того, делается вывод о том, что в связи с распространением требований Федерального закона от 4 июня 2018 года № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» на отношения в сфере страхования, обозначилась коллизия с нормами Гражданского кодекса РФ относительно сроков исковой давности. Существующая коллизия существенно препятствует реализации права на защиту страхователем.

Ключевые слова: договор личного страхования, договор страхования, договор имущественного страхования, срок исковой давности, страховое возмещение, страховой случай.

Problems of calculating the limitation period for insurance disputes

Kuznetsova Svetlana Nikolaevna, master's student

North-West Institute (branch) of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (Vologda)

This article examines approaches to determining the limitation period for different types of insurance, as well as the challenges that arise in law enforcement practice related to calculating the limitation period under an insurance contract. Furthermore, it concludes that the extension of the requirements of Federal Law No. 123-FZ of June 4, 2018, «On the Financial Services Consumer Rights Commissioner» to insurance relations has created a conflict with the provisions of the Civil Code of the Russian Federation regarding limitation periods. The existing conflict significantly hinders the implementation of the right to protection by the insured.

Keywords: personal insurance contract, insurance contract, property insurance contract, limitation period, insurance indemnity, insured event.

Разнообразие споров в сфере страховых отношений в рамках исполнения договора и защиты нарушенных прав обусловлено активным применением института страхования в гражданском обороте.

Анализ ст. 966 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) позволяет выделить два момента [1].

1. Положения данной нормы не устанавливают срок исковой давности для договоров личного страхования. Сле-

довательно, к этим договорам применяется общий (трехлетний) срок исковой давности, исчисляемый по общим правилам (со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права (ч. 2. ст. 966 ГК РФ)).

2. Срок исковой давности по требованиям, вытекающим из договора имущественного страхования, составляет два года.

3. По договорам страхования риска ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения

вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц, установлен срок три года.

Учитывая разные подходы к определению срока исковой давности для разных видов страхования, возникает вопрос о целесообразности таких различий и обратить внимание на сложности, возникающие в правоприменительной практике в связи с исчислением срока исковой давности по договорам страхования.

Действие договора страхования прекращается в момент наступления срока, до которого он был заключен. Такой срок четко определен в каждом договоре страхования. В соответствии со ст. 958 ГК РФ договор страхования может прекращаться до окончания срока, на который он был заключен, если после вступления его в силу возможность наступления страхового случая отпала и страхование прекратилось по иным обстоятельствам, чем страховой случай.

Так, например, в ст. 966 ГК РФ определяется, что срок исковой давности по требованиям, вытекающим из договора имущественного страхования, за исключением договора страхования риска ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц, составляет два года. По требованиям, вытекающим из договора страхования риска ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц, срок исковой давности составляет три года. Специальных правил о начале исчисления срока исковой давности не устанавливается ст. 966 ГК РФ. Соответственно, применяются общие правила исчисления начала срока исковой давности — со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права (п. 1 ст. 200 ГК РФ).

25 сентября 2023 года Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации рассмотрена кассационная жалоба общества с ограниченной ответственностью «Страховая компания «Гелиос» по делу по исковому заявлению общества с ограниченной ответственностью «ТРАСТ» о взыскании суммы страхового возмещения [2].

Между открытым акционерным обществом «Азиатско-Тихоокеанский Банк» (далее — банк) и физическим лицом было заключено кредитное соглашение от 27 июня 2012 года, срок кредита — 84 месяца.

В целях обеспечения исполнения обязательств по кредитному договору в день подписания кредитного договора было подписано заявление на включение в список застрахованных лиц к договору страхования жизни и здоровья заемщиков (договор страхования заключен между банком и страховщиком — обществом с ограниченной ответственностью «Страховой компания «Гелиос»).

Согласно условиям договора страхования, страховым риском по договору страхования является, в том числе, смерть застрахованного лица, наступившая в результате болезни или несчастного случая.

В дальнейшем ФИО1 не исполнял надлежащим образом обязательства по кредитному договору, в результате чего с него судом была взыскана задолженность по кредитному договору в пользу банка.

В период действия договора страхования 2 октября 2017 года наступила смерть застрахованного лица. 5 декабря 2019 года между цедентом (банком) и цессионарием (обществом с ограниченной ответственностью «Траст») заключен договор уступки прав требований по кредитным договорам. 15 июня 2021 года ООО «Траст» в адрес ООО Страховой компании «Гелиос» направлено уведомление о наступлении страхового случая. 27 июля 2021 года была направлена претензия.

Поскольку ООО Страховая компания «Гелиос» страховую выплату не произвело, ООО «Траст» обратилось в арбитражный суд с иском. Отклоняя доводы ответчика о пропуске срока исковой давности (который страховщик рассчитывал с момента наступления страхового случая), суды указали на то, что до момента отказа страховщика осуществить выплату, ООО «Траст» рассчитывало на получение страховой выплаты, следовательно, именно с этого момента у него появились основания не согласиться с решением страховщика (отказом в выплате) и обратиться в суд за защитой своих прав.

Банк за выплатой страхового возмещения к страховщику не обращался. Исковое заявление общества по настоящему делу поступило в арбитражный суд в сентябре 2021 года, то есть спустя четыре года с момента смерти заемщика. Также страховщик указал, что о наступлении страхового случая банк мог узнать, проявив должную степень осмотрительности, действуя разумно и добровольно.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты нижестоящих инстанций, дело направила на новое рассмотрение, поскольку, помимо прочего, доводы ООО Страховой компании «Гелиос» о пропуске срока исковой давности не получили надлежащей оценки.

До 2013 года российские суды в основном исходили из того, что срок начинает исчисляться с момента страхового случая, в 2013 году произошло изменение подхода судебной практики к исчислению срока исковой давности по спорам, вытекающим из договора страхования. Новый подход был закреплен в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 20 «О применении законодательства о добровольном страховании имущества граждан» и заключался в том, что срок исковой давности следует исчислять с момента отказа страховщика в выплате страхового возмещения или осуществления выплаты в неполном размере [3].

Так, в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10 марта 2015 года по делу № А40-160174/2012 установлено, что в пределах срока действия договоров (полисов) страхования племенных животных в период с декабря 2009 по июнь 2010 года включительно произошла гибель крупного рогатого скота [4].

В связи с наступлением страхового случая общество «Росагролизинг» — выгодоприобретатель обратилось к страховщику с требованиями о выплате страхового возмещения, предусмотренного заключенными договорами страхования. Страховщик отказал в выплате страхового возмещения со ссылкой на то, что гибель каждого животного является самостоятельным страховым случаем и данный ущерб возмещению не подлежит, поскольку стоимость одного животного не превышает размер предусмотренной договором страхования франшизы.

Однако в дальнейшем страховщик принял решение о признании гибели крупного рогатого скота страховым случаем и частичной выплате страхового возмещения, которая была произведена страховщиком 30 ноября 2011 года и 6 февраля 2012 года.

Нижестоящими судами в удовлетворении иска отказано, поскольку истцом пропущен срок исковой давности, исчисляемый с момента получения страховщиком уведомления о наступлении страхового случая и 15-дневного срока для выплаты страхового возмещения по получении всех необходимых от страхователя документов или обоснованный отказ в выплате страхового возмещения.

Общество «Росагролизинг» подало кассационную жалобу об отмене принятых по делу судебных актов, в которой указало, что срок исковой давности должен исчисляться с момента, когда его право на получение страхового возмещения было нарушено перечислением страховщиком страхового возмещения не в полном объеме. Иск в арбитражный суд на выплату оставшейся части страхового возмещения предъявлен 6 декабря 2012 года, то есть в пределах двухгодичного срока исковой давности.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации указала, что согласно правовой позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 20 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан» двухгодичный срок исковой давности по спорам, вытекающим из правоотношений по имущественному страхованию, исчисляется с момента, когда страхователь узнал или должен был узнать об отказе страховщика в выплате страхового возмещения или о выплате его страховщиком не в полном объеме, а также с момента истечения срока выплаты страхового возмещения, предусмотренного законом или договором.

Поскольку страховщик 30 ноября 2011 года и 6 февраля 2012 года произвел частичную выплату страхователю страхового возмещения, срок исковой давности исчисляется с последней даты — 6 февраля 2012 года, т. е. в данном случае страховщиком была частично признана претензия и по ней произведена выплата. Следовательно, страхователь узнал о нарушении своего права с момента частичного отказа от выплаты предъявляемого страхового возмещения.

В настоящее время действует постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2024 года № 19 «О применении судами законодательства о добровольном стра-

ховании имущества», содержащим в п. 77 аналогичные положения о сроке исковой давности по спорам, вытекающим из правоотношений по страхованию имущества [5].

Пример законодательного и правоприменительного закрепления приоритета интересов страховщика как стороны договора связан с межотраслевой коллизией норм ГК РФ о сроках исковой давности (ст.ст. 196, 966 ГК РФ), с одной стороны, и ст. 25 Федерального закона от 4 июня 2018 года № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» (далее федерального закона) о тридцатидневном процессуальном сроке для обращения в суд, с другой стороны [6]. Данные противоречия появились вследствие распространения требований указанного федерального закона на отношения в сфере страхования.

Согласно разъяснениям по вопросам, связанным с применением Федерального закона от 4 июня 2018 года № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг», с 1 июня 2019 года Федеральный закон вступил в силу в отношении страховых организаций, осуществляющих деятельность по добровольному страхованию гражданской ответственности владельцев автотранспортных средств; по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств, предусмотренному Федеральным законом от 25 апреля 2002 года № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее — Федеральный закон № 40-ФЗ); по страхованию средств наземного транспорта (за исключением средств железнодорожного транспорта), к которому, в частности, относится добровольное страхование автотранспортных средств [7,8].

В соответствии со ст. 15 и ст. 25 Федерального закона № 40-ФЗ страхователь вправе заявлять требования о взыскании страхового возмещения по договорам обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств в судебном порядке только после получения решения финансового уполномоченного по данному вопросу.

Срок для обращения в суд страхователя как потребителя финансовых услуг установлен равным тридцати дней со дня вступления в силу такого решения. На основании анализа судебной практики следует, что до 1 июня 2019 года суды при рассмотрении споров в сфере страхования исходили из общего срока исковой давности в три года (ст. 196 ГК РФ) или специального срока исковой давности в два года (ст. 966 ГК РФ) [9].

С одной стороны, срок тридцать дней, установленный в ст. 25 Федерального закона № 40-ФЗ, является значительно меньшим по сравнению со сроком исковой давности. С другой стороны, как следует из анализа судебной практики, в значительном количестве случаев истечение указанного срока исключает право на иск, так как препятствует самому обращению с иском в суд. Таким образом, в разъяснениях, связанных с применением Федераль-

ного закона от 4 июня 2018 года № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг», указано, что при обращении страхователя в суд по истечении тридцатидневного срока заявление подлежит возвращению судом в связи с пропуском указанного срока, если в заявлении либо в отдельном ходатайстве не содержится просьба о восстановлении этого срока. Но в случае, если исковое заявление было принято судом, оно подлежит оставлению без рассмотрения.

Введение Федеральным законом № 123-ФЗ для потребителей финансовых услуг 30-дневного срока для обращения в суд после решения финансового уполномоченного создает предпосылки для злоупотребления правом со стороны страховщика, так как препятствует страхователю как стороне договора страхования осуществлять права на защиту. Для решения проблемы следует увеличить срок для обращения страхователя в суд как потребителя финансовых услуг, который будет равен общему сроку исковой давности в три года со дня вступления в силу такого решения.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что существующая дифференциация сроков исковой давности для личного (3 года) и имущественного страхования (2 года), а также 3-летний срок для страхования ответственности за причинение вреда приводит к сложностям в правоприменении и отсутствию единого подхода. Для решения данного вопроса целесообразно рассмотреть возможность установления в ст. 966 ГК РФ единого срока исковой давности (3 года) для всех видов страхования.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26 января 1996 года № 14-ФЗ: [редакция от 24 июля 2023 года: принят Государственной Думой 22 декабря 1995 года]. — Текст: электронный // СПС Консультант-Плюс. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.05.2024).
2. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25 сентября 2023 года по делу № А40-192847/2021 // Интернет-ресурс судебных и нормативных актов РФ. — URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/Y4rWPDLP4wg0/?vsrf> (дата обращения: 24.03.2025). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 20 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан» (утратил силу с 25 июня 2024 года) // СПС КонсультантПлюс. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.06.2025). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10 марта 2015 года по делу № А40-160174/2012 // Интернет-ресурс судебных и нормативных актов РФ. — URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/wQi7z8Lbv618/?vsrf-txt=&vsrf-case_doc=305- %D0 %AD %D0 %A114-2210&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge= / (дата обращения: 24.03.2025). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2024 года № 19 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества» // СПС КонсультантПлюс. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.10.2025). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.
6. Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг: Федеральный закон Российской Федерации от 4 июня 2018 года № 123-ФЗ [редакция от 12 марта 2024 года: принят Государственной Думой 24 мая 2018 года: одобрен Советом Федерации 30 мая 2018 года]. — Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.05.2024).

Кроме того, несмотря на разъяснения о том, что течение срока исковой давности по имущественному страхованию начинается с момента отказа страховщика в выплате или неполной выплаты, в сложных случаях на практике сохраняются споры, например, при цессии прав требования или бездействии выгодоприобретателя. Для устранения данных споров полагаем необходимым указать в ст. 966 ГК РФ о том, что течение срока исковой давности по требованиям из договора страхования начинается со дня, когда страхователь узнал или должен был узнать об отказе страховщика в выплате страхового возмещения или осуществлении выплаты в неполном размере.

Сокращенный процессуальный срок для обращения в суд, введенный Федеральным законом от 4 июня 2018 года № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» для потребителей финансовых услуг, несоразмерно мал по сравнению с материальным сроком исковой давности и лишает добросовестного страхователя возможности на судебную защиту. Для устранения указанной коллизии предлагаем внести изменения в ст. 25 Федерального закона № 123-ФЗ, увеличив 30-дневный срок для обращения страхователя в суд как потребителя финансовых услуг до 3 лет, исчисляемого со дня вступления в силу решения финансового уполномоченного.

Реализация данных предложений позволит повысить определенность и единобразие в применении норм об исковой давности в страховании, а также восстановить баланс интересов сторон страховых правоотношений и снизить возможность для злоупотребления правом.

7. О применении Федерального закона от 4 июня 2018 года № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг»: разъяснения, утвержденные Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 марта 2020 года. — Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 21.05.2024).
8. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств Федеральный закон Российской Федерации от 25 апреля 2002 года № 40-ФЗ [редакция от 25 декабря 2023 года: принят Государственной Думой 3 апреля 2002 года: одобрен Советом Федерации 10 апреля 2002 года]. — Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.05.2024).
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2018 года по делу № 5-КГ18-252 // ЮИС Легалакт. — URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-ru-ot-20112018-n5-kg18-227> (дата обращения: 21.05.2024). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.

Квалификация ОСАГО: публичный договор и договор присоединения

Кунниев Ислам Набигулаевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Макарьян Андрей Альбертович, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

В статье рассматриваются вопросы гражданско-правовой квалификации ОСАГО как публичного договора и договора присоединения. Обращается внимание на то, что договор ОСАГО с одной стороны, является публичным в силу прямого указания на это в законодательстве, с другой стороны, может быть квалифицирован как договор присоединения части, в которой он заключен на условиях Правил ОСАГО. Подчеркивается, что отказ страховщика от заключения договора ОСАГО в случае предоставления всех необходимых документов незаконен и может быть обжалован в административном и судебном порядке. В работе высказывается мнение о том, что исключение из общих диспозитивных начал гражданского законодательства в данном случае оправдано.

Ключевые слова: обязательное страхование, ОСАГО, автогражданская ответственность, транспортное средство, страховой полис, присоединение, публичный договор.

На дорогах России ежегодно происходит большое количество дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП), которые уносят жизни тысяч людей каждый год и становятся причиной существенного объема поврежденного имущества. Например, по данным официальных источников за 2024 год на дорогах произошло более 132 тысяч ДТП, в которых погибло 14,4 тысяч человек и ранено 164 тысяч [16].

Механизм правовой защиты прав потерпевших в результате ДТП строится на основе специально разработанной законодателем договорной конструкции — договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (далее — договор ОСАГО). Именно заключение такого договора всеми владельцами транспортных средств, участвующий в дорожном движении на российской территории, призвано обеспечить интересы субъектов данных правоотношений.

По своей правовой природе договор ОСАГО является видовой разновидностью договора имущественного страхования (ст. 929 ГК РФ [1]) и относится к группе договоров страхования гражданской ответственности. Помимо этого, он относится к двум группам договоров: публичному и договору присоединения. Общей их особенностью является ограничение принципа свободы договора, провозглашенного ст. 1 ГК РФ, согласно которому стороны договора

вправе выбрать его форму и способ заключения (ст. ст. 421, 434 ГК РФ), а также имеют возможность в любое время своим соглашением изменить договор (ст. 450 ГК РФ).

Публичные договоры (ст. 426 ГК РФ) являются самыми распространенными договорными конструкциями в гражданском праве.

К ним относятся, например, договоры розничной купли-продажи, договор перевозки общественным транспортом, договоры на оказание услуг в сфере связи, прокат вещей, договор бытового подряда и т. д. Суть любого публичного договора состоит в том, что субъект предпринимательской деятельности обязан заключить его в отношении каждого лица, которое у нему обратится на равных ценовых условиях.

Договор ОСАГО является публичным в силу прямого указания на это в ст. 1 Закона РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (далее — Закон о страховании [5]). Это означает, что страховщик не вправе отказать в заключение договора владельцу транспортного средства, который обратился к нему с заявлением и представил необходимые документы. Также страховщик не может оказывать предпочтение одному лицу перед другими при заключении рассматриваемого вида договора. В случае объективной невозможности осуществить страхование страховщик

обязан в письменном виде выдать обратившемуся собственнику или водителю мотивированный отказ (п. 7 ст. 15 Закона об ОСАГО).

Таким образом, как пишет И. О. Косенко, «относя договор страхования ОСАГО в разряд публичных, законодатель заложил модель доступности такой услуги для каждого обратившегося при соблюдении установленных в законе требований, а именно — при условии предоставления корректных и достоверных документов» [8, с. 89]. Отказ страховщика от заключения договора ОСАГО по иным причинам незаконен. В этом случае потенциальный страхователь может, в первую очередь, обратиться в головной офис самой страховой компании с письменным заявлением. Получив письменный отказ (а равно зафиксировав иными законными способами — помошью фото-, аудио- или видеоустройств, свидетелей), его необходимо направить вместе с жалобой в Банк России и в Российский союз автостраховщиков (РСА). Так, в настоящее время за отказ страховщика от заключения публичных договоров предусмотрена административная ответственность (ст. 15.34.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) [2]. Например, Банк России наложил штраф на АО «ЗЕТТА СТРАХОВАНИЕ» за то, что страховщик не направил страхователю электронный полис после оплаты, сославшись на некорректно введенный VIN номер автомобиля. Однако страховщик имел в наличии копию свидетельства о регистрации транспортного средства, номер которого полностью совпадал с VIN номером, указанным в заявлении [14].

Также на основании ч. 4 ст. 445 ГК РФ в этом случае лицо, которому не удалось застраховать свой автомобиль, может обратиться в суд с требованием о понуждении страховщика договор заключить, а также о возмещении причиненных неправомерным отказом убытков. На практике незаконным суды называют отказ, обусловленный непредставлением для осмотра транспортного средства [12], либо нежеланием автовладельца приобретать у страховщика дополнительные услуги [13]. И. Ю. Побережная, С. Г. Побережный и Е. И. Горбов пишут о том, что автомобилисты сталкиваются со следующими основаниями отказа: старый автомобиль (более 20 лет) или регистрация собственника в другом регионе [10, с. 120].

Также в своем письме от 14.10.2021 № ИН-06-59/81 в адрес страховых организаций Банк России рассмотрел вопрос незаконности отказа в заключение договора ОСАГО по мотивам отсутствия соответствующих полномочий у специалиста-сотрудника страховщика. Банк России со ссылками на применимые правовые нормы признал такую практику незаконной и указал на необходимость ее исключения из страховых отношений по ОСАГО ввиду публичности данного договора [11].

В судебной практике есть случаи, когда суды отказывают в исках о понуждении страховой компании к заключению договора на том основании, что «иск о понуждении к заключению договора ОСАГО направлен на фактическую возможность эксплуатации автотранспорт-

ного средства». Так, Шпаковский районный суд Ставропольского края счел законным отказ ООО «СК «Согласие» в страховании автомобиля истца. Суд принял к сведению, что в регионе действует программа «единый агент», (согласно внутренней инструкции), в рамках которой страховые полисы выдаются в случайном порядке по номеру паспорта транспортного средства. Это приводит к тому, что автовладельцы не могут сами выбрать страховую компанию. Истец настаивал на заключении договора именно с ООО «СК «Согласие», поскольку у ООО «СК СЕРВИС-РЕЗЕРВ» нет представительства на территории края. Суд, отказывая в иске, указал, что «учитывая обязательный характер заключения договора и ограниченный срок его действия, истец, реализовав свое право путем заключения договора страхования с иной организацией, имеет право требовать лишь возмещения понесенных убытков причиненных ему как потребителю вследствие нарушения его права на свободный выбор товаров» [15].

Однако договор ОСАГО может быть квалифицирован и как договор присоединения (ст. 428 ГК РФ) в той части, в которой он заключен на условиях Правил ОСАГО, установленных Положением Банка России от 01.04.2024 № 837-П «О правилах обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [6]. Условия договора в этом случае определены в стандартной форме, а страхователь при его заключении присоединяется к ним. Это типичное правило всех договоров присоединения: присоединяющаяся сторона не может выбирать и изменять условия соглашения, а может только присоединиться к договору в целом или не присоединяться к нему совсем.

А. А. Гончаров в этой связи справедливо отмечает следующее: «В использовании стандартных условий заложена возможность злоупотребления свободой договора стороной, которая составила проект договора» [7, с. 51].

Е. Ю. Никитина также обращает внимание на риски использования уязвимого положения страхователя, который обязан оформить полис, согласившись со всеми условиями, даже, если они включают в себя дискриминирующие условия [9, с. 412]. Однако полагаем, что в современных условиях, когда основная форма страхового полиса ОСАГО — электронная, стандартизация всех условий договора — это наиболее оптимальный порядок регулирования рассматриваемых отношений.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, о том, что правовая конструкция договора ОСАГО, сочетающая в себе черты публичного договора и договора присоединения, представляет собой исключение из общих диспозитивных начал гражданского законодательства. При этом современный договор ОСАГО является формой проявления конституционного принципа равенства всех граждан и гражданско-правового принципа равенства сторон договора. Благодаря такой форме, с одной стороны, уравнены все страхователи между собой, с другой стороны, уравнены страхователи и страховщики как сильные и слабые стороны договора.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.11.2025). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 15.12.2025). // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.11.2025). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.
3. Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.11.2025). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.
4. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) «О защите прав потребителей» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.11.2025). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.
5. Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (ред. от 17.11.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.11.2025). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.
6. Положение Банка России от 01.04.2024 № 837-П «О правилах обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (ред. от 01.04.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.12.2025). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.
7. Гончаров, А. А. Свобода договора, заключенного на стандартных условиях // Актуальные проблемы развития экономики и управления в современных условиях: сборник материалов V Международной научно-практической конференции, Москва, 23 ноября 2022 года / под ред.
8. Е. А. Руднева. — Москва: Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский экономический институт», 2022. — С. 51–59
9. Косенко, И. О. Отказ от заключения договора обязательного страхования автогражданской ответственности страховыми компаниями /
10. И. О. Косенко // Правоприменение: теория и практика: сборник докладов VIII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 85-летию образования ДВГУПС. — Хабаровск, 2022. — С. 89–99.
11. Никитина, Е. Ю. Типовой договор в гражданском праве: проблемы изменения условий / Е. Ю. Никитина // Молодой ученый. — 2024. — № 48 (547). — С. 412–414.
12. Побережная, И. Ю. К вопросу о заключении договора ОСАГО / И. Ю. Побережная, С. Г. Побережный, Е. И. Горбов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2023. — № 2 (53). — С. 120–125.
13. Информационное письмо Банка России об отдельных вопросах, связанных с заключением договора обязательного страхования от 14.10.2021 № ИН-06-59/81 // URL: <https://cbr.ru/Crosscut/LawActs/File/5722> (дата обращения: 20.12.2025). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.
14. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 09.04.2024 № 07АП-383/2024 по делу № А45-34397/2023 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.12.2025). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.
15. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 06.02.2024 № Ф04-6393/2024 по делу № А03-5043/2023 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.12.2025). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.
16. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 19 марта 2025 г. по делу № А40-8306/2025 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.12.2025). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.
17. Решение Шпаковского районного суда Ставропольского края № 2-538/2021 2-538/2021~М-278/2021 М-278/2021 от 23 марта 2021 г. по делу № 9-337/2020~М-2259/2020 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.12.2025). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.
18. Статистика. Дорожно-транспортные происшествия // URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 20.12.2025). — Режим доступа: свободный. — Текст: электронный.

Проблемы организации кадрового обеспечения судебной деятельности

Куренных Олеся Николаевна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье проанализированы работы юристов, научная литература и действующее нормативно-правовое регулирование кадрового обеспечения судебной деятельности. Внимание уделено проблемам кадровой работы в судебной системе.

Судебная деятельность является одной из важнейших составляющих функционирования государства, обеспечивающей защиту прав и свобод граждан, поддержание правопорядка и законности. Эффективность судебного процесса напрямую зависит от уровня квалификации судебного корпуса, качества подбора кадров и организационных механизмов управления персоналом судебных органов. Несмотря на значительный прогресс в развитии правовой системы России, проблемы кадрового обеспечения остаются актуальными и требуют комплексного подхода к решению. Рассмотрим проблемы кадрового обеспечения деятельности судебной системы.

С. А. Балина выделяет три наиболее важные проблемы, касающиеся судебной системы. Первая проблема судебной системы — низкая квалификация сотрудников аппарата суда. Для её устранения необходимо привлекать специалистов с профильным образованием, соответствующим специфике конкретного суда (уголовное, гражданское, административное право). Выпускники вузов с узкопрофильной юридической подготовкой лучше подходят для работы в соответствующих коллегиях суда, поскольку обладают необходимыми знаниями правовых норм своей специализации. Подобным образом ситуация выглядит и в отношении гражданских и административных специализаций, где также требуются специалисты соответствующей направленности. Вторая значимая проблема судебной системы России связана с низким уровнем зарплат помощников судей и секретарей судебных заседаний, что провоцирует постоянную смену кадров и нехватку сотрудников. Оклады этих категорий работников настолько невелики, что практически недерживают персонал на рабочих местах. Решением вопроса стало бы увеличение бюджетных ассигнований на оплату труда сотрудников судов. Третья проблема судебной системы России заключается в отсутствии реальной независимости судей. Их работа часто подвержена влиянию со стороны руководства судов и участников процесса, каждый из которых заинтересован в определенном результате разбирательства. Давление на судей осуществляется различными способами, включая финансовые стимулы, шантаж и угрозы. Председатель суда оказывает значительное воздействие на судей путем распределения дел, назначения премий и продвижения по службе. [1, с.354–356].

С автором нельзя не согласиться, поскольку действительно размер заработной платы сотрудников аппарата

суда желает оставлять лучшего и необходимо предпринять меры для повышения финансирования фонда оплаты труда данных гражданских служащих.

По мнению М. И. Савенковой, что для разрешения проблемы нехватки сотрудников в судах необходимо уменьшить нагрузку на составы судов посредством, во-первых, увеличения времени рассмотрения дел и материалов, во-вторых, увеличения заработной платы секретарей судебного заседания и помощников судьи, так как из-за маленькой оплаты труда на эти должности чаще всего идут работать выпускники ВУЗов, не имеющие опыта работы и навыков, но и они не остаются надолго. Поможет в решении проблемы загруженности судей и их аппарата введение резервных судебных ставок, временных судей. Также необходима возможность передавать дела из более загруженных судов в менее загруженные, так как, например, в основном нагрузка судей небольшого города намного меньше, чем судьи, который осуществляет правосудие в городе федерального значения. Основное и самое большое по численности звено в системе судов общей юрисдикции — районные суды. Они являются первой инстанцией и рассматривают большинство дел, а вышестоящие суды осуществляют только пересмотр вынесенных ими решений, в связи с чем нагрузка судей и аппарата районных судов очень высокая. Этими обстоятельствами вызвана потребность в разработке соответствующих условий их деятельности, в том числе предотвращения «текучки» кадров [3, с. 196–200].

Предложенные автором способы снижения нагрузки судов интересны и должны найти свое применение при совершенствовании законодательства, касающегося организационного обеспечения деятельности судов. Очевидна необходимость увеличения заработной платы секретарей судебного заседания и помощников судьи, это будет способствовать повышению престижности данных должностей и привлечению более квалифицированных кадров, что позволит более углубленно изучить каждое дело и значительно повысить качество выносимых судебных актов.

Как отмечают А. И. Глушков и Г. И. Федосов о состоянии кадрового обеспечения судебной системы: «Как выяснили, все проблемы не относятся только к судьям, или только к секретарям и помощникам, они носят взаимосвязанный характер: низкая заработная плата сотрудников аппарата суда — текучка кадров — необходимость постоянного обучения судьей своего секретаря и помощника — недостаток времени для вынесения обосново-

ванного и справедливого решения; низкая заработная плата сотрудников аппарата суда — невозможность нормальной полноценной жизни — невозможность своеевременного или вовсе исключаемого в конкретном случае назначения на должность судьи — «антиреклама» для потенциальных работников судебной системы. Подобные линии можно продолжать бесконечно. Полагаем, что реальными действиями, направленными на разрешение обозначенных проблем, является: 1) повышение заработной платы сотрудников аппарата суда, чтобы можно было назвать ее достойной как это требует ч.1 ст.7 Конституции РФ; 2) увеличение штата судей и сотрудников аппарата суда; 3) строительство пригодных для судопроизводства зданий судов; 4) детализировать порядок соискания кандидатом должности судьи с указанием исчерпывающего перечня распространенных обстоятельств, в т. ч. в их различных сочетаниях и возможность или невозможность граждан, в связи с этим, претендовать на должность судьи. Только так можно привить остальным членам юридического сообщества мысль о престиже судебной системы, а сами дела будут рассматриваться судьями более полно и основательно, что увеличит престиж судебной системы в глазах рядовых граждан» [2].

В настоящее время судебная система в нашем государстве идет по пути нововведений, которые хочется ве-

рить приведут к наиболее качественному осуществлению правосудия. Законодателю следует уделить внимание кадровым вопросам организации судебной деятельности, так как в отсутствии надлежащего кадрового обеспечения, деятельность судов претерпевает трудности, что отражается на качестве выносимых судами решений.

Одной из самых серьезных и чувствительных проблем судебной системы является высокая текучесть и дефицит кадров в аппаратах судов. Именно сотрудники аппаратов выполняют важнейшие функции, необходимые для нормального осуществления правосудия, несмотря на то, что сами непосредственно судебные процессы не ведут. Улучшение условий труда, повышение зарплаты и формирование прозрачных путей карьерного роста до позиций судей являются не просто решением кадрового дефицита, а важным вложением в стабильность всей судебной системы. Отсутствие профессиональных и мотивированных сотрудников аппаратов негативно сказывается как на сроках рассмотрения дел, так и на качестве принимаемых решений. Некоторые вопросы существуют давно, например, отсутствие индексации зарплат на протяжении многих лет усилило отток работников. Необходимо пересмотреть подходы к материальной поддержке и социальным гарантиям мировых и федеральных судей, а также сотрудников аппаратов судов.

Литература:

1. Балина, С. А. Проблемы судебной системы в современной России / С. А. Балина. — Текст: непосредственный // Научный электронный журнал Меридиан. — 2020. — № 2 (36). — С. 354–356.
2. Глушкин А. И., Федосов Г. А. Кадровое обеспечение деятельности судебной системы: особенности, проблемы, перспективы. Журнал «Научный лидер» выпуск № 15(113), Апрель 2023.
3. Савенкова, М. И. Актуальные вопросы деятельности судов общей юрисдикции в России и за рубежом / М. И. Савенкова. — Текст: непосредственный // Право и практика. — 2022. — С. 196–200.

Прокурорская деятельность в досудебном уголовном судопроизводстве

Малаканова Яна Сергеевна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Прокурор является одной из центральных фигур в уголовном судопроизводстве в Российской Федерации, обладая широким спектром полномочий как на досудебных стадиях производства по уголовным делам, так и на этапе судебного разбирательства (судебного следствия).

На прокурорского работника законом возложена обязанность по поддержанию государственного обвинения при рассмотрении уголовных дел судами, а также по осуществлению надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования.

Осуществляя уголовное преследование и надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и след-

ствия, прокурор выполняет в уголовном судопроизводстве важнейшую государственную задачу — защиту прав и свобод человека и гражданина, что выражается в обеспечении им исполнения требований национального законодательства всеми участниками уголовного процесса.

Прокуратура традиционно играет ключевую роль в системе обеспечения процессуальных гарантий прав подозреваемых, обвиняемых и потерпевших. Такое положение обусловлено ее полифункциональным назначением, содержанием и характером полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве.

Все закрепленные в международно-правовых документах принципы деятельности прокурора являются не-

отъемлемой частью единого национального правового механизма обеспечения верховенства закона и фундаментальных прав и свобод человека и гражданина, о которых говорится, прежде всего, во Всеобщей декларации прав человека (1948 г.), Международном пакте о гражданских и политических правах (1966 г.), Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) и других международных документах.

Как справедливо подчеркивает С. Г. Кехлеров, не обладая средствами процессуального принуждения, прокурор при реализации надзорных полномочий побуждает других участников уголовного судопроизводства принимать меры по устранению нарушений закона и восстановлению нарушенных прав [1, с. 47].

В настоящем исследовании сосредоточим внимание на прокурорской деятельности на досудебной стадии уголовного судопроизводства, то есть от момента поступления в уполномоченные правоохранительные органы сообщения о преступлении до момента принятия прокурором одного из решений, предусмотренных ст.ст. 221, 226 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ).

Чтобы рассмотреть все аспекты прокурорской деятельности на досудебной стадии уголовного процесса и дать ей наиболее точное определение, целесообразно оперировать понятием *функций прокурора в уголовном судопроизводстве*. Указанное понятие позволяет проанализировать полномочия прокурора, их существо, определить смысл и назначение прокурорской деятельности в уголовном процессе, как в теоретическом, так и в сугубо практическом, прикладном значении. В этой связи понятие функций прокурора, а также определение их перечня являются предметом дискуссии в отечественной науке уголовно-процессуального права.

Например, М. С. Шалумов полагает, что функции прокуратуры необходимо рассматривать как обязанности по решению поставленных перед нею задач, вытекающие из правового статуса прокуратуры, ее места и назначения в государственном механизме [2, с. 155].

По мнению Д. А. Сычева, функции прокурора — это направления его деятельности как участника уголовного процесса по достижению назначения уголовного судопроизводства, реализующиеся посредством совокупности имеющихся процессуальных полномочий [3, с. 31].

Как указывают А. А. Василенко и М. А. Сильнов, под функциями прокурора в досудебном производстве необходимо понимать направления деятельности прокуратуры, характеризующиеся специфическими задачами и определенным предметом ведения, предполагающие использование правовых средств в виде присущих прокурору полномочий на досудебных стадиях уголовного процесса [4].

Таким образом, в целом представление о функциях прокурора в уголовном процессе (на его досудебной стадии) сводится к направлениям прокурорской работы, каждому из которых соответствуют определенные за-

дачи, набор полномочий, иными словами, функции — это своего рода «зоны, участки ответственности» прокурора в уголовном судопроизводстве

Существенное значение приобретает в этой связи вопрос о количественном и качественном составе уголовно-процессуальных функций прокурора как участника уголовного процесса со стороны обвинения. Чтобы определить их перечень, обратимся к положениям действующего законодательства. В силу норм Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — Закон о прокуратуре) любая прокурорская деятельность имеет своим назначением обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства (п. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре).

Закон о прокуратуре закрепляет ряд направлений деятельности, которые мы можем определить как функции прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса.

Во-первых, прокурор уполномочен осуществлять надзор за органами, производящими дознание и предварительное следствие.

Во-вторых, в п. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре указано, что прокурор осуществляет уголовное преследование в соответствии с полномочиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации. Данной норме корреспондируют норма п. 55 ч. 1 ст. 5 УПК РФ, в которой дается дефиниция уголовного преследования (как процессуальной деятельности, осуществляющей стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления); положение ч. 2 ст. 15 УПК РФ (закрепляет, наряду с принципом состязательности сторон в уголовном процессе, функцию обвинения, ее носителем выступает именно прокурор); а также основополагающая норма ч. 1 ст. 37 УПК РФ (в которой речь идет об осуществлении прокурором от имени государства уголовного преследования, а также надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования).

Таким образом, согласно российскому законодательству кроме функции обвинения прокурор в досудебном производстве осуществляет также функцию уголовного преследования и надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия, что укладывается в логику УПК РФ и Закона о прокуратуре.

В вопросе о составе процессуальных функций прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства отсутствует единство мнений, есть разные точки зрения относительно их числа и содержательного наполнения.

К примеру, В. С. Шадрин полагает, что прокурору не чужда правозащитная функция, поскольку прокурор обязан проявлять заботу о соблюдении прав и свобод любого лица, оказавшегося в положения участника уголовного судопроизводства, в том числе обвиняемого или подозреваемого [5, с. 24]. Существо данной функции раскрывается в том числе в статьях 1 и 10 Закона о прокура-

туре, в которых указывается, соответственно, на то, что органы прокуратуры осуществляют надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина (ст. 1), а также на то, что в органах прокуратуры в соответствии с их полномочиями разрешаются заявления, жалобы и иные обращения, содержащие сведения о нарушении законов (ст. 10).

Д. А. Сычев отмечает, что исторически сложилось выделение в деятельности прокурора функции надзора и уголовного преследования, а также *функции процессуального руководства* при осуществлении надзора за процессуальной деятельностью органов дознания [6, с. 49].

Имеет место точка зрения некоторых исследователей о том, что в досудебном производстве прокурор выполняет исключительно надзорную функцию в отношении органов предварительного следствия и дознания и функцию процессуального руководства деятельностью дознания [7, с. 68].

В доктринальных источниках встречается мнение и о таких функциях прокурора в досудебном производстве, как *функция борьбы с преступностью*, а также смежная с нею *функция координации деятельности правоохранительных органов*. О последней пишет, например, А. Р. Сафина [7, с. 120].

И, действительно, в силу ч. 2 ст. 21 УПК РФ в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные УПК РФ меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. Данное положение выражает и функцию уголовного преследования (обвинения), присущую прокурору на досудебной стадии уголовного процесса.

Содержание функции по координации борьбы с преступностью раскрывается в статье 8 Закона о прокуратуре, которой предусмотрено, что прокуроры координируют деятельность по борьбе с преступностью органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, органов таможенной службы и других правоохранительных органов. В целях обеспечения координации деятельности органов, указанных в п. 1 ст. 8 Закона о прокуратуре, прокурор созывает координационные совещания, организует рабочие группы, ищет статистическую и другую необходимую информацию, осуществляет иные полномочия в соответствии с Положением о координации деятельности по борьбе с преступностью, утверждаемым Президентом Российской Федерации.

Иными словами, смысл данной функции состоит в привлечении прокурором правоохранительных органов, осуществляющих дознание, предварительное следствие и оперативно-розыскную деятельность, ко взаимодействию, обмену информацией, совместным согласованным действиям в уголовном процессе (в системе, механизме уголовного преследования — деятельности по противодействию преступности, борьбе с криминалом).

В научной литературе высказывается тезис о том, что упомянутые функции прокурора (правозащитная и функция координации деятельности правоохранительных органов) являются вспомогательными, факультативными, отражающими различные аспекты проявления участия прокурора в уголовно-процессуальных правоотношениях на досудебных стадиях процесса, но не основными, поскольку не определяют роль и задачи прокурора как представителя стороны обвинения в уголовном процессе [4].

Применительно к так называемой правозащитной функции следует, по-видимому, согласиться с таким подходом, ведь реализация данной функции на досудебных стадиях уголовного судопроизводства осуществляется в основном через институт рассмотрения жалоб прокурором (ст. 124 УПК РФ), который, в свою очередь, является способом реализации прокурором надзорных полномочий за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия.

Как считает Н. В. Буланова, правильнее говорить не о самостоятельной правозащитной функции, а о правозащитной природе любой функции органов прокуратуры, поскольку их (функций) содержание в равной мере должно носить правозащитный характер [9, с. 47].

А вот относительно полномочий прокурора координировать деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью позволим себе не согласиться с А. А. Василенко и М. А. Сильновым, которые пишут о том, что «означенная функция является в первую очередь функцией прокуратуры как государственного института, и считать ее функцией прокурора, выступающего в уголовном процессе в качестве его участника со стороны обвинения, нельзя», то есть видят в ней вспомогательную функцию, но не более.

По нашему мнению, реализация координационной функции зачастую (например, когда является неэффективным ведомственный контроль за процессуальной деятельностью органов расследования, а мер прокурорского реагирования, принятых в рамках осуществления надзорных функций, недостаточно) имеет определяющее, ключевое значение для обеспечения результивного характера уголовного преследования. Действуя в рамках полномочий, предоставленных ст. 8 Закона о прокуратуре, то есть проводя координационные совещания, организуя рабочие группы, анализируя истребованную уголовные статистику, прокурор может существенно повлиять, пусть и косвенным образом, на ход расследования уголовных дел, его оперативное сопровождение, на организацию работы органов расследования и оперативных подразделений, одним словом, оптимизировать деятельность всех субъектов системы уголовного преследования.

Ярким примером может служить деятельность прокуратуры Санкт-Петербурга в 2022–2025 годах по координации работы по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Именно координаци-

онные усилия прокуроров существенно изменили (и изменили в лучшую сторону, повысили эффективность) методику расследования соответствующих уголовных дел, организацию оперативной работы по выявлению и пресечению преступлений данной категории.

А вот функцию *процессуального руководства расследованием*, на наш взгляд, нет необходимости выделять в качестве самостоятельной. Такого рода предложение связано с тем, что прокурор, осуществляя надзор за процессуальной деятельностью органов дознания, обладает широким кругом полномочий, причем директивного (руководящего) характера, которые разительно отличают роль прокурора от аналогичного надзора за процессуальной деятельностью органов следствия (при осуществлении которого полномочия прокурора носят более ограниченный характер). Так, прокурор, в частности, уполномочен давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий; давать согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения; отменять незаконные или необоснованные постановления органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя; отстранять дознавателя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований УПК РФ; изымать любое уголовное дело у органа дознания и передавать его следователю с обязательным указанием оснований такой передачи.

Тем не менее представляется, что такого рода «руководящие» полномочия, реализуя которые, прокурор фактически осуществляет прямой надзор за дознавателями, расследующими подследственные им преступления, все равно осуществляет надзорную функцию, общую для всех органов предварительного расследования. К тому же, уголовно-процессуальный закон сохраняет полномочия по осуществлению ведомственного контроля за дознанием, предусмотренные статьей 40.1 УПК РФ для начальника подразделения дознания, эти полномочия не столь обширны, как у прокурора, но позволяют влиять на ход дознания, направлять его и в известном смысле дополняют прокурорский надзор. Поэтому выделять функцию процессуального руководства расследованием в качестве отдельной, обособленной, по нашему мнению, нецелесообразно.

Таким образом, системный анализ норм уголовно-процессуального законодательства позволяет утверждать, что в досудебном производстве в условиях состязательности прокурор осуществляет следующие основные функции: функцию обвинения (уголовного преследования), функцию надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия и функцию координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. В рамках надзора за процессуальной деятельностью органов расследования считаем

возможным выделить дополнительный элемент или подфункцию — надзор за исполнением законов при приеме, регистрации, рассмотрении и разрешении сообщений о преступлениях.

Кратко разберем названные функции, их сущность, как элементов прокурорской деятельности на досудебной стадии уголовного судопроизводства.

Функция уголовного преследования, как указано выше, закреплена как в Законе о прокуратуре (ч. 2 ст. 1), так и в уголовно-процессуальном законодательстве (п. 55 ч. 1 ст. 5, ст. 21, ч. 1 ст. 37 УПК РФ). Нужно ли понимать уголовное преследование буквально как «процессуальную деятельность, осуществляющую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления» (в формулировке п. 55 ч. 1 ст. 5 УПК РФ)? Следует отметить, что смысл данного понятия (института, конструкта) в отечественной юридической науке трактуется различным образом.

Дореволюционная доктрина чаще отождествляла уголовное преследование (изобличение) и обвинение. Именно так трактовал понятия «уголовное преследование» и «обвинение» (не разделяя их) И. Я. Фойницкий [10, с. 28].

Советская юриспруденция в целом разделяла данную позицию. К примеру, М. С. Стrogович писал, что уголовное преследование направлено на изобличение, обвинение лица в совершении преступления [11, с. 58].

А. Б. Соловьев и Н. А. Якубович уголовное преследование понимали как функцию специально уполномоченных законом государственных органов и должностных лиц, заключающуюся в обязанности в пределах своей компетенции возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления, принять все необходимые меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и меры к их наказанию [12, с. 79].

А. Г. Халиуллин выделяет несколько стадий уголовного преследования, а именно: возбуждение уголовного дела, производство расследования, выдвижение обвинения против конкретного лица, формирование этого обвинения и поддержание его в суде. Ученый также предлагает интересную классификацию форм уголовного преследования, например: уголовное преследование в форме обвинения; уголовное преследование в форме подозрения; уголовное преследование при осуществлении производства с применением принудительных мер медицинского характера [13, с. 33].

Обобщая приведенные точки зрения, А. А. Василенко и М. А. Сильновым высказывают предположение о том, что даже доктринальное толкование термина «уголовное преследование» не позволяет считать прокурора носителем этой функции. Прокурор сегодня уголовные дела не возбуждает, лиц, виновных в совершении преступлений, не устанавливает, вывод о совершении лицом общественно-опасного деяния не формирует [4].

С подобным мнением мы согласиться не можем. Полагаем, что прокурором является полноправным участ-

ником процедуры уголовного преследования, фактически определяет его (преследования) ход, направление, может инициировать преследование, а также возобновить. Основание считать именно так дают предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством полномочия прокурора по отмене постановления о возбуждении уголовного дела (ч. 4 ст. 146 УПК РФ); по отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (ч. 6 ст. 148 УПК РФ); по вынесению мотивированного постановления о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства (п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ); наконец, полномочия прокурора по отмене постановлений о приостановлении и прекращении уголовного дела (ч. 1.1 ст. 211, ч. 1 ст. 214 УПК РФ). Со-лидарен со сформулированным выводом А. В. Смирнов, по мнению которого уголовное преследование реализуется в тех прокурорских полномочиях, которые нацелены на максимально эффективное и целесообразное обеспечение неотвратимости уголовной ответственности лиц, совершивших преступление [14, с. 125–126].

Такой взгляд на уголовное преследование близок и Н. В. Булановой, которая полагает, что в соответствии с действующим УПК РФ прокурор не уполномочен лично осуществлять уголовное преследование, а вправе принимать решения, которые направлены на инициирование и (или) активизацию деятельности органов предварительного расследования по осуществлению уголовного преследования [9, с. 53].

В целом, характеризуя функцию уголовного преследования, которая на стадии судебного следствия (рассмотрения уголовного дела в суде) трансформируется в функцию обвинения, можно констатировать, что в осуществлении уголовного преследования прокурор играет ведущую роль, а *само уголовное преследование — существенный признак прокурорской деятельности на досудебной стадии уголовного судопроизводства*.

Безусловно, многие ученые не без оснований сетуют на недостаточность полномочий прокурора, предусмотренных УПК РФ (например, отсутствие полномочия возбуждать уголовные дела самостоятельно). Но, в целом, как представляется, даже имеющийся у современного прокурора арсенал процессуальных полномочий и мер прокурорского реагирования является достаточным для того, чтобы прокурор, выражаясь термином социологии или политологии, являлся полноправным «актором» уголовного процесса на стороне обвинения.

Рассматривая функцию надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия, выделим две основные составляющие: надзор за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и органах предварительного следствия, а также надзор за процессуальной деятельностью органов следствия и дознания при расследовании уголовных дел.

Характер деятельности прокурора обусловлен необходимостью соблюдения органами предварительного расследования принципов уголовного судопроизводства. В связи с этим особого внимания прокуроров требуют вопросы обеспечения законности при рассмотрении сообщений о преступлениях и при производстве по уголовному делу, в том числе решений, принимаемых органами дознания и предварительного следствия, соблюдения ими разумных сроков уголовного судопроизводства, охраны конституционных и иных прав и свобод человека и гражданина, включая право подозреваемого и обвиняемого на защиту, презумпция невиновности. От эффективности реализации прокурорам надзорных полномочий зависит полнота достижения назначения уголовного судопроизводства: защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Нормативную базу процессуального надзора составляют Закон о прокуратуре и УПК РФ. Кроме того, требования к организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования закреплены в приказах Генерального прокурора Российской Федерации от 16.01.2012 № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности» (далее — Приказ № 7), от 23.10.2023 № 730 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и органах предварительного следствия» (далее — Приказ № 730), от 19.01.2022 № 11 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» (далее — Приказ № 11), от 17.09.2021 № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» (далее — Приказ № 544), от 27.11.2007 № 189 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве» (далее — приказ № 189).

Также необходимо помнить, что в результате реформы 2007 года изменилась и надзорная функция прокурора. Часть полномочий прокурора перешла к руководителю следственного органа. Кроме того, законодатель предоставил органу предварительного следствия возможность обжаловать направленные прокурором в его адрес требования об устранении допущенных в ходе расследования уголовного дела нарушений федерального законодательства.

Итак, в силу прямого указания п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор уполномочен проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях.

Приказ № 730 требует от прокуроров обеспечить постоянный и действенный надзор за неукоснительным исполнением органами дознания и органами предварительного следствия требований федерального законода-

тельства при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях.

Особое внимание прокурор должен обращать на вопросы соблюдения: компетенции уполномоченных должностных лиц органов дознания и органов предварительного следствия; обязательного порядка проверки сообщений средств массовой информации о преступлениях; сроков регистрации сообщений о преступлениях и их проверки; порядка продления сроков; требований оценки достоверности документов и результатов проверки сообщений; правильного применения норм материального или процессуального права; порядка уведомления заявителя о результатах разрешения его сообщения; разъяснения ему права обжалования принятого решения и порядка обжалования.

И, разумеется, на данной стадии уголовного процесса прокурор проверяет законность и обоснованность принимаемых в порядке ст.ст. 144–145 УПК РФ процессуальных решений.

После возбуждения уголовного дела, на стадии его расследования, прокурор в рамках обозначенной надзорной функции, осуществляет надзор за исполнением органами дознания и следствия уголовно-процессуального законодательства. Использует для этого прокурор прежде всего полномочия, предусмотренные ст. 37 УПК РФ. Организация надзора регламентирована вышеназванными Приказами № № 11, 189 и 544. Прокурор в том числе следит за соблюдением разумных сроков уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ), иных принципов уголовного судопроизводства (глава 2 УПК РФ), за соблюдением законности при избрании и реализации мер процессуального принуждения, а в особенности при задержании и применении мер пресечения (раздел IV УПК РФ), законностью производства следственных и иных процессуальных действий.

По поводу последней составляющей В. Ф. Крюков отмечает, что при осуществлении деятельности по обеспечению исполнения закона при совершении следственных действий по выявлению, сабиранию, проверке и оценке доказательств прокурор должен исходить из общих требований к производству следственных действий, установленных уголовно-процессуальным законодательством, и в первую очередь обращать внимание на их точное соблюдение [15].

Безусловно, важными элементами деятельности по осуществлению процессуального надзора являются вопросы надзора за законностью приостановления и возобновления производства по уголовному делу, законностью прекращения уголовного дела. Реализуя полномочия, предусмотренные ст. 37 УПК РФ, а также ст.ст. 211, 214, 223 УПК РФ, прокурор в том числе уполномочен отменять незаконные и необоснованные процессуальные решения органов предварительного расследования, принятые по уголовным делам.

Существо этапа прокурорского надзора за процессуальной деятельностью, связанного с изучением посту-

пившего с обвинительным заключением (обвинительным актом) уголовного дела и принятием по делу одного из решений, предусмотренных ст.ст. 221, 226 УПК РФ, выражается, как считает В. Ф. Крюков, в продвижении уголовного преследования со стадии формирования предварительного обвинения на стадию государственного обвинения, когда прокурор становится субъектом этой деятельности в суде [15]. В этот момент функция процессуального надзора и функция уголовного преследования соединяются в фигуре прокурора как участника уголовного процесса, первая как бы трансформируется, переходит во вторую, а уголовное преследование затем уже переходит в функцию поддержания государственного обвинения в суде (ч. 3 ст. 37 УПК РФ).

Как отмечается в научной литературе, решение об утверждении обвинительного заключения может быть принято только в результате тщательного, всестороннего, полного и объективного исследования всех письменных материалов уголовного дела и полученных в ходе расследования вещественных доказательств. Результатом такого исследования должен выступать вывод прокурора о наличии (отсутствии) обстоятельств, свидетельствующих о виновности обвиняемого, а также обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния, обстоятельств, смягчающих ответственность и влекущих за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания [16, с. 350].

Об особенностях и содержании функции прокурора по координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью мы коснулись в настоящем исследовании выше. Добавим только, что в своей координационной деятельности прокурор руководствуется, помимо ст. 8 Закона о прокуратуре, Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 18.04.1996 № 567, а также требованиями Приказа № 7. Эффективность координационной деятельности прокурора чрезвычайно важна, поскольку успешная реализация этой функции позволяет соединить усилия органов расследования, оперативных подразделений, контролирующих органов, снять возможные противоречия, наладить их конструктивное взаимодействие, что в конечном итогу заметно повышает результативность системы уголовного преследования.

Подведем некоторые итоги исследования, постараемся при этом предложить дефиницию прокурорской деятельности на досудебной стадии уголовного процесса.

Прокурор как участник уголовного судопроизводства обладает весьма специфической ролью: он входит в число лиц, участвующих в уголовном процессе на стороне обвинения, при этом фактически возглавляет систему уголовного преследования (осуществляет уголовное преследование от имени государства) в силу требований закона (ч. 1 ст. 37 УПК РФ) и в силу той же нормы закона осуществляет процессуальный надзор — надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного

расследования. Иными словами, прокурор, с одной стороны, находится на стороне обвинения, то есть выполняет функцию обвинения, с другой стороны — призван находиться «над процессуальной схваткой», обеспечивать средствами прокурорского надзора законность в деятельности органов дознания и следствия, в том числе добиваясь реализации принципов уголовного судопроизводства (глава 2 УПК РФ).

Функция уголовного преследования (обвинения) и функция надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования очень тесно связаны — они взаимообусловлены, взаимозависимы. Осуществлять уголовное преследование прокурор может только через реализацию полномочий процессуального надзора — по истребованию и изучению уголовных дел, по отмене незаконных и необоснованных постановлений органов следствия и дознания и т. д. И, напротив, надзор за исполнение федерального законодательства органами предварительного расследования прокурор осуществляет именно с позиции лица, осуществляющего уголовное преследование от имени государства: ведь каждое возбужденное уголовное дело проходит прокурорскую проверку и ни одно уголовное дело по окончании расследования не минует «прокурорского фильтра» — именно прокурор определяет возможность дальнейшего уголовного преследования — направляет

или не направляет уголовное дело в суд для рассмотрения по существу.

Очевидно, что только согласованная и сбалансированная совместная деятельность всех участников уголовного процесса со стороны обвинения под руководством ее главного представителя — прокурора — позволяет в полной мере реализовать назначение уголовного судопроизводства.

Прокурорская деятельность в досудебном уголовном судопроизводстве можно определить как совокупность реализуемых прокурором на указанной стадии уголовного процесса функций: уголовного преследования, надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования и координации работы правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

Иными словами, *прокурорская деятельность в досудебном уголовном судопроизводстве — это многоаспектная, многогосоставная деятельность прокурора как субъекта уголовного процесса на стороне обвинения по осуществлению уголовного преследования, надзора за законностью процессуальной деятельности органов дознания и следствия (как в рамках приема, рассмотрения и разрешения сообщений о преступлениях, так и в рамках расследования уголовных дел), а также по осуществлению координации правоохранительных органов в их работе по противодействию преступности.*

Литература:

1. Кехлеров С. Г. Некоторые итоги и потенциал правозащитной деятельности прокуратуры // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Права человека в России и правозащитная деятельность государства». СПб, 2003.
2. Шалумов М. С. Функции прокуратуры: письмо в редакцию // Государство и право. 1995. № 6.
3. Сычев Д. А. Содержание и реализация прокурором функций надзора и уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного процесса: Дисс.... канд. юрид. наук / Д. А. Сычев. М., 2016.
4. Василенко А. А., Сильнов М. А. Понятие и содержание процессуальной деятельности прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса // Современное право. 2024. № 1(представлено в системе «Консультант+»).
5. Шадрин В. С. Уголовно-процессуальная деятельность прокурора и органов предварительного расследования. Досудебное производство / В. С. Шадрин. СПб, 2005.
6. Сычев Д. А. Уголовно-процессуальные функции прокурора, осуществляемые в ходе досудебного производства / Д. А. Сычев // Криминалистика. 2013. № 1(12).
7. Гринюк Е. Н. Роль прокурора в обеспечении прав участников досудебного производства по уголовным делам: Монография / Е. Н. Гринюк, Е. А. Зайцева. Волгоград, 2013.
8. Сафина А. Р. Функции прокурора в уголовном процессе // Вопросы науки и образования. 2017. № 10 (11).
9. Буланова Н. В. Прокурор в досудебных стадиях уголовного судопроизводства Российской Федерации: Монография. М., 2015.
10. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. Т. 2. / И. Я. Фойницкий; Под ред. А. В. Смирнова. СПб, 1996.
11. Стrogович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе / М. С. Стrogович. М., 1951.
12. Соловьев А. Б. К вопросу о концепции правового обеспечения функции уголовного преследования / А. Б. Соловьев, Н. А. Якубович // Современные проблемы уголовного права, процесса и криминалистики. М.: Кемерово, 1996.
13. Халиулин А. Г. Осуществление функции уголовного преследования прокуратурой России / А. Г. Халиулин. Кемерово, 1997.
14. Смирнов А. В. Уголовный процесс: Учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. Под общ. ред. А. В. Смирнова. М., 2015.

15. Крюков В. Ф. Уголовное преследование в досудебном производстве: уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора. М. 2010. (представлено в системе «Консультант+»).
16. Организация и осуществление прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия: Учебник / Науч. ред.: А. Г. Халиулин, Л. А. Щербич. М., 2024.

Уклонение от уплаты налогов, сборов и страховых взносов: уголовно-правовой аспект

Можаева Дарья Александровна, студент
Московский университет «Синергия»

В статье рассматривается специфика уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов, сборов и страховых взносов с организаций в соответствии со ст. 199 УК РФ. Автор анализирует конституционно-правовые основы налоговых обязательств и раскрывает содержание объективной стороны преступления, выражаящейся в умышленном не-представлении отчетности или внесении в нее заведомо ложных сведений. Особое внимание уделено формализованным критериям крупного и особо крупного размера ущерба как главному основанию для уголовного преследования, а также определению круга лиц, подлежащих ответственности исходя из их фактических функций в управлении организацией. Ключевым аспектом статьи является анализ норм о возможности освобождения от уголовной ответственности при условии полного возмещения ущерба бюджетной системе, что свидетельствует о приоритете восстановления имущественных интересов государства. Автор приходит к выводу, что действующее законодательство направлено на укрепление налоговой дисциплины и обеспечение прозрачности отчетности через сочетание мер принуждения и правового поощрения.

Ключевые слова: уголовная ответственность, сборы и страховые взносы, налоги, уклонение, уплата.

Вопрос исполнения налоговых обязательств регулируется ст. 57 Конституции РФ [1], что подтверждает обязанность каждой организации и её руководителя своевременно и в полном объеме перечислять предусмотренные законодательством налоги, сборы и страховые взносы. Рассмотрим специфику уголовной ответственности, которая предусмотрена ст. 199 УК РФ [3].

В качестве средств уклонения рассматриваются как непредставление налоговой декларации или иных обязательных документов, так и внесение в них заведомо ложных сведений. При этом наступление последствий в виде недоимки в крупном или особо крупном размере становится основным критерием для наступления уголовной ответственности.

Порог крупного размера установлен в пятнадцать миллионов за три финансовых года подряд, при условии, что сумма неуплаченных налогов превышает 25 % от общей суммы обязательств, либо же сумма превышает пять миллионов (при условии, что все те же 25 % от подлежащих уплате сумм). Для особо крупного размера показатель увеличивается до сорока пяти миллионов, либо пятнадцати миллионов (более 50 % от обязательств за три года).

Возможные меры ответственности варьируются от штрафа — от ста тысяч до трёхсот тысяч рублей, до лишения свободы на срок до двух лет. При наличии квалифицирующих признаков (группа лиц по предварительному сговору либо особо крупный размер) применяются более строгие санкции: штраф от двухсот тысяч до пятисот тысяч рублей и лишение свободы до шести лет.

Есть возможность освобождения от ответственности при первом совершении преступления. Для этого лицу (или организации) необходимо полностью погасить не только сумму недоимки, но и начисленные пени, а также штраф, определяемый в соответствии с Налоговым кодексом.

Объективная сторона состава уклонения от уплаты налогов, сборов и страховых взносов проявляется в направленных действиях или бездействии, результатом которых становится полное либо частичное непоступление средств в бюджетную систему России. Закон выделяет два способа совершения такого преступления: умышленное непредставление налоговой декларации (расчета) или иных обязательных документов, а также внесение в официальные бумаги заведомо ложных сведений. Формулировка охватывает как действия (предоставление фальсифицированных данных), так и бездействие (отказ от подачи документации).

Ключевым моментом служит масштаб последствий: привлечение к уголовной ответственности возможно только при возникновении недоимки в крупном размере — от 15 миллионов (или при условии, что сумма превышает 25 % подлежащих уплате налогов), либо особо крупном размере — от 45 миллионов за три финансовых года. Это устанавливает четкую связь между тяжестью деяния и границами уголовной ответственности. Объективная сторона способна реализоваться в рамках как единоличного нарушения, так и схем, где используется фиктивная отчетность, ложное документальное подтверждение.

ждение права на льготы, манипуляции с авансовыми расчетами, справками и иными учетными документами [4, с. 12].

Совокупность форм преступного поведения демонстрирует, что законодатель отказывается от формального подхода, смешая акцент на выявление фактических последствий для бюджета, а не просто установление нарушения регламента. Доходы, расходы, налоговая база, льготы и сами источники дохода должны быть прозрачно и точно отражены в налоговой декларации, соответствующей требованиям пункта 1 статьи 80 НК РФ [1]. Системный характер преступления подчеркивает значимость обязанностей организации или индивидуального предпринимателя по своевременному и достоверному отражению всех элементов налогообложения.

С учетом положений статьи 199 УК РФ [3], круг лиц, подлежащих ответственности за уклонение от уплаты налогов (сборов, страховых взносов), формируется в зависимости от их реальной роли в организации финансовой деятельности предприятия. Формальный статус (руководитель, главный бухгалтер, бухгалтер, специально уполномоченное лицо) должен сопровождаться исполнением фактических полномочий по управлению и контролю над налоговыми обязательствами. Кроме того, уголовная ответственность наступает не только в отношении лиц, занимающих эти должности, но и в отношении тех, кто реально исполняет соответствующие функции независимо от должностного наименования.

Квалификация деяния по п. «а» ч. 2 ст. 199 УК РФ [2] базируется на наличии сговора между лицами, что подтверждает их осознанное и согласованное поведение, направленное на достижение противоправной цели — уклонения от исполнения обязанности по уплате обязательных платежей. Совместные действия, если они спланированы заранее, существенно отягчают ответственность, так как свидетельствуют о наличии группы по предварительному сговору.

Преступление, предусмотренное статьей 199 УК РФ [2], имеет материальный состав. Признаками наступления уголовной ответственности выступают не только умысел субъекта, но и реальный ущерб бюджету. Крупный размер определяют как сумму невыплаченных налогов (сборов, страховых взносов) за период до трех последовательных финансовых лет, превышающую 5 млн при одновременном превышении 25 % от подлежащих уплате обязательств или более 15 млн. Особо крупный размер — свыше 15 млн, если это более 50 % от начисленных обязательств, либо сумма превышает 45 млн. Такая детализация обес-

печивает объективность при определении степени общественной опасности совершенного деяния и границ уголовной ответственности.

Особое значение имеет позиция законодателя по вопросам освобождения от ответственности. Согласно части 1 статьи 76.1 УК РФ [3], впервые совершившее преступление лицо освобождается от уголовной ответственности при возмещении ущерба бюджету в полном объеме. Данное положение служит дополнительным стимулом для добровольного устранения последствий правонарушения, фактически сводя к минимуму карательный аспект — приоритет отдается восстановлению справедливости путём возмещения убытков.

Тем самым устанавливается сложно структурированная система ответственности и правового поощрения, направленная не только на наказание виновных, но и на призыв к добросовестному исполнению налоговых обязанностей, а в случае правонарушения — к скорейшему восстановлению правовых и имущественных интересов государства. Очевидно также, что критерии крупного и особо крупного размера ущерба жестко formalизованы, что лишает правоприменителей произвольного усмотрения и способствует единообразию судебной практики [5, с. 90].

Таким образом, уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов, сборов и страховых взносов в соответствии со статьей 199 УК РФ возникает только при наличии существенного ущерба для бюджетной системы и умышленных действий (или бездействий) со стороны ответственных лиц. Законодатель четко formalизует критерии наступления ответственности, выделяя крупный и особо крупный размер ущерба, а также предусматривает строгую дифференциацию санкций в зависимости от степени общественной опасности деяния и наличия отягчающих обстоятельств, таких как предварительный сговор. В то же время предоставляется реальная возможность освобождения от уголовного наказания при первом правонарушении — в случае полного возмещения ущерба бюджету, что подчеркивает приоритет восстановления имущественных интересов государства перед карательными мерами. Система ответственности и правового поощрения призвана стимулировать добросовестное исполнение налоговых обязательств, обеспечить прозрачность и точность налоговой отчетности, укрепить дисциплину компаний и их должностных лиц в сфере налогообложения, а также повысить эффективность защиты фискальных интересов государства.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.01.2026).
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // Собрание законодательства РФ. — № 31. — 1998. — Ст. 3824; 2013. — № 19. — Ст. 2321.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ ((ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026)// Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25. — Ст. 2954.
4. Ахтырская Н. В. Уклонение от уплаты налогов, сборов и (или) страховых взносов: уголовно-правовой аспект: автореферат дис.... к.ю.н. / Н. В. Ахтырская; [Место защиты: Ом. акад. МВД РФ]. — Омск, 2018. — 23 с.
5. Лисицина Т. А. Уклонение от уплаты налогов, сборов и (или) страховых взносов// Вестник науки. 2023. № 2. С. 90–98.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 5 (608) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 11.02.2026. Дата выхода в свет: 18.02.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.